

Фромм Эрих Забытый язык filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Эрих Фромм Забытый язык. Введение в науку понимания снов, сказок и мифов.
От автора

В основе этой книги – цикл лекций, которые я читал как вводный курс аспирантам Института психиатрии Уильяма Уайта и старшекурсникам Беннингтонского колледжа. Соответственно, книга адресована студентам, изучающим психиатрию и психологию, а также всем, кто интересуется этими науками. Как видно из подзаголовка, это – введение в науку понимания языка символов; поэтому я не стал останавливаться на многих более сложных вопросах из этой области – это не согласовывалось бы с вводным характером книги. Так, например, я рассматриваю теорию Фрейда лишь в той мере, в какой она раскрыта в его работе «Толкование сновидений», без учета более сложных концепций, разработанных в его последующих сочинениях; я также не пытаюсь касаться тех аспектов языка символов, которые, несмотря на их важность для исчерпывающего понимания затрагиваемых проблем, все же носят более общий характер.

Эти вопросы я буду анализировать позже, в следующей книге[1]. Я намеренно использовал слово *understanding* (понимание) вместо более привычного *interpretation* (толкование, разгадка). Если, как я постараюсь показать, язык символов по праву может считаться настоящим языком, в действительности – единственным универсальным языком из всех, когда-либо созданных человеком, – то вопрос заключается именно в том, чтобы понимать его, а не разгадывать, как если бы это был какой-то искусственный тайный код. Я думаю, что такое понимание важно для каждого, кто хочет глубже познать себя, а не только для психотерапевта, который намерен лечить психические расстройства. Поэтому я считаю, что пониманию языка символов нужно учить в школах и колледжах точно так же, как там изучают другие иностранные языки. Эта книга и призвана, в частности, способствовать осуществлению этой идеи. Я признателен д-ру Эдуарду Тауберу, прочитавшему рукопись, за полезные замечания и советы.

Я хочу поблагодарить д-ра Рут Аншен, издателя книги «Семья, ее роль и функции», а также издательство Harper Brothers за разрешение привести здесь мою статью «Миф об Эдипе и Эдипов комплекс». Я также благодарю издателей, любезно позволивших воспользоваться отрывками из следующих публикаций: Excerpts from the Modern Library Edition of Plato. The Republic, trans. by B. Jowett; «Oedipus at Colonus» and «Antigone», trans. by R.C. Jebb from The Complete Greek Drama; The Basic Writings of Sigmund Freud, trans. and edited by A.A. Brill; excerpts from Ralph L.; Wood, The World of Dreams; excerpts from The Interpretation of Dreams by Sigmund Freud; excerpts from Summa Theologica by Thomas Aquinas, translated by the Fathers of the English Dominican Province; excerpt from Kant, The Dreams of a Spirit Seer, trans. by E.F. Goerwitz; excerpts from Ralph Waldo Emerson, Lectures and Biographical Sketches; excerpts from Plato, Phaedo, trans. by B. Jowett; excerpts from The Works of Aristotle, trans. under the editorship of W.D. Ross; excerpts from Lucretius, De Rerum Natura, trans. by W.H.D. Rouse; excerpts from C.J. Jung, Psychology and Religion; excerpts from Henri Bergson, Dreams, trans. by E.E. Slosson; excerpts from The Trial by Franz Kafka, trans. by E.I. Muir.

Введение

Неразгаданный сон подобен нераспечатанному письму.

Талмуд Сон снимает одежды обстоятельств, вооружает нас пугающей свободой, и всякое желание спешит обернуться действием. Опытный человек читает свои сны, чтобы познать себя; возможно, он понимает их и не до конца, но улавливает суть.

Эмерсон Если верно, что умный человек – это прежде всего тот, кто способен удивляться, то это утверждение – печальный комментарий по поводу ума современного человека. При всех достоинствах нашей высокой грамотности и всеобщего образования мы утратили этот дар – способность удивляться. Считается, что все уже известно – если не нам самим, то какому-нибудь специалисту, которому полагается знать то, чего не знаем мы. В самом деле, удивляться неловко, это считается признаком низкого интеллекта. Даже дети удивляются редко или по крайней мере стараются этого не показывать; с возрастом эта способность постепенно утрачивается совсем. Мы думаем, что важнее всего найти правильный ответ, а задать правильный вопрос не так существенно.

Возможно, такая установка отчасти объясняет, почему сновидения, одно из наиболее загадочных явлений нашей жизни, так мало нас удивляют и ставят перед нами так немного вопросов. Все мы видим сны; не понимая своих снов,

мы тем не менее ведем себя так, как будто с нами не происходит ничего странного, по крайней мере по сравнению с логичными и целенаправленными действиями, которые мы совершаем в состоянии бодрствования. Когда мы не спим, мы активны и рассудительны, мы готовы прилагать усилия, чтобы достичь своих целей и, если понадобится, защитить себя. Мы действуем и наблюдаем; мы смотрим на вещи со стороны, с точки зрения возможности использовать их и манипулировать ими, хотя, возможно, мы видим их не такими, каковы они на самом деле. Но у нас часто не хватает воображения, и очень редко, за исключением детей и поэтических натур, наше воображение способно пойти дальше простого повторения сюжетов и ситуаций, являющихся частью нашего опыта. Мы ведем себя адекватно, но в каком-то смысле неинтересно. Сферу наблюдаемого днем мы называем «реальностью» и гордимся тем, что мы «реалисты» и разумно оперируем этой реальностью. Во сне мы как бы бодрствуем, находясь в иной форме существования. Мы видим сны, создаем в своем воображении истории, никогда не происходившие наяву и порой даже ни на что не похожие. Порой мы видим себя героями, порой негодяями; иногда нас посещают прекрасные видения, и мы испытываем ощущение счастья; часто нас охватывает жуткий страх. Но какова бы ни была наша роль, это наш сон, мы его авторы, мы создали этот сюжет. Большинство сновидений имеет одну общую особенность: они не следуют законам логики, которым подчинено наше бодрствующее сознание. Категории времени и пространства теряют свое значение. Мы видим живыми людей, которые уже умерли; мы оказываемся свидетелями событий, случившихся много лет назад. Два эпизода, происходящие одновременно во сне, возможно, наяву не могли бы иметь место в одно и то же время. Так же мало мы обращаем внимания на законы пространства. Мы без труда мгновенно перемещаемся на дальнейшее расстояние или можем находиться одновременно в двух местах; во сне два разных человека могут соединиться в одном лице, и один человек может внезапно превратиться в другого. Во сне мы поистине творим мир, где утрачивают власть ограничения времени и пространства, которые определяют нашу деятельность в состоянии бодрствования. Для сновидений характерна еще одна необычная особенность. Мы думаем о событиях и людях, о которых много лет не вспоминали и наяву, может быть, так бы и не вспомнили. Во сне они вдруг предстают старыми знакомыми, о которых мы часто думаем. В той, другой, ночной жизни мы словно открываем какой-то огромный запас опыта и воспоминаний, о существовании которого и не подозревали днем. Несмотря на все эти странности, сны кажутся нам реальностью, как и все, что происходит с нами во время бодрствования. Во сне не бывает «как будто». Сновидение – это настоящая жизнь, настолько реальная, что возникают два вопроса: что есть реальность? Откуда мы знаем, что то, что нам снится, – нереально, а то, что мы испытываем во время бодрствования, – реально? Эту мысль очень удачно выразил один китайский поэт: «Прошлой ночью мне снилось, что я бабочка, и теперь я не знаю, то ли я человек, которому приснилось, что он бабочка, то ли я бабочка, которой снится, что она человек». Когда мы просыпаемся, все эти яркие, живые переживания, испытанные ночью, не просто исчезают, но порой даже припоминаются с большим трудом. Большинство снов забывается начисто: мы даже не помним, что во сне жили в этом другом мире. Некоторые сны мы еще смутно помним в момент пробуждения, но уже в следующую секунду они безвозвратно уходят из памяти. Лишь немногие из сновидений действительно запоминаются, именно их мы имеем в виду, когда говорим: «Мне приснился сон». Нас словно посещают добрые или злые духи, которые на рассвете внезапно исчезают, и мы почти не помним, что они здесь были, и не помним, как мы были поглощены общением с ними. Но, пожалуй, самое удивительное – это то, что порождения нашего спящего ума похожи на древнейшие творения человека – мифы. Сейчас мифы едва ли вызывают у нас удивление. Если они стали респектабельными, составив часть нашей религии, мы относимся к ним с положенным уважением – впрочем, лишь внешним – как к почтенной традиции; если же они не освящены традицией, то мы считаем их отражением детского уровня мышления непросвещенных древних людей, не знавших наук. Так или иначе, не принимая в расчет, презирая или почитая мифы, мы считаем их принадлежностью некоего совершенно чуждого нашему мышлению мира. Тем не менее факт остается фактом: большинство сновидений имеют много общего с мифами как по форме, так и по содержанию, и мы сами, считая мифы странными и чуждыми днем, ночью обретаем способность к мифотворчеству. Как и во сне, в мифе происходят драматические события, невозможные в мире, где правят законы времени и пространства: герой покидает свой дом и свой край, чтобы спасти мир, или бежит от своего предназначения и живет в желудке огромной рыбы; он умирает и воскресает; сказочная птица сгорает и вновь возникает из пепла, еще прекраснее, чем была.

Разумеется, разные люди создают разные мифы, точно так же, как разные люди видят разные сны. Но несмотря на эти различия, у всех мифов и всех сновидений есть нечто общее: они все «написаны» на одном языке – языке символов.

Мифы вавилонян, индейцев, египтян, евреев, греков созданы на том же языке, что и мифы народов ашанти и трук. Сны какого-нибудь современного жителя Нью-Йорка или Парижа похожи на те, которые, по свидетельствам, снились людям, жившим несколько тысячелетий назад в Афинах или Иерусалиме. Сновидения древних и современных людей созданы на том же языке, что и мифы, авторы которых жили на заре истории.

Язык символов – это такой язык, с помощью которого внутренние переживания, чувства и мысли приобретают форму явственно осязаемых событий внешнего мира. Это язык, логика которого отлична от той, по чьим законам мы живем в дневное время; логика, в которой главенствующими категориями являются не время и пространство, а интенсивность и ассоциативность. Это единственный универсальный язык, изобретенный человечеством, единый для всех культур во всей истории. Это язык со своей собственной грамматикой и синтаксисом, который нужно понимать, если хочешь понять смысл мифов, сказок и снов. Но современный человек уже не помнит этот язык. Правда, лишь тогда, когда бодрствует. Важно ли понимать его не только во сне?

Для людей прошлого, живших в развитых цивилизациях как Востока, так и Запада, ответ на этот вопрос был однозначным. Для них сны и мифы были важнейшим выражением души, и неспособность понимать их приравнивалась к неграмотности. И только в последние несколько столетий существования западной культуры эта установка изменилась. В лучшем случае мифы считались наивным порождением непросвещенного ума, созданным задолго до того, как человек совершил великие открытия законов природы и познал некоторые секреты ее мастерства.

Со снами дело обстоит еще хуже. С позиций современной просвещенности они считаются абсолютной бессмыслицей, недостойной внимания взрослого человека, который занят такими важными вещами, как создание машин, и который считает себя «реалистом». Он ничего не видит, кроме реальных вещей, которые можно использовать в своих целях; современный человек – это реалист, придумавший отдельное слово для каждого типа автомобиля, но лишь одно слово «любовь», чтобы выразить самые разнообразные душевные переживания.

Если бы все наши сны были приятными фантазиями, в которых исполнялись бы наши заветные желания, мы, может быть, относились бы к ним с большей приязнью. Но многие из них вызывают состояние тревоги; часто это кошмары, и, пробудившись, мы с радостью осознаем, что все это было лишь во сне. Порой и другие, не кошмарные сны нарушают наш покой – из-за того, что не соответствуют тому четкому представлению, которое мы имеем о себе во время бодрствования. Во сне мы ненавидим людей, которых, как нам кажется, любим наяву, или любим тех, к кому, казалось бы, никогда не обнаруживали интереса. Во сне мы полны амбиций, тогда как наяву убеждены в своей скромности, нам снится, что мы склоняемся перед кем-то и кому-то подчиняемся, хотя наяву так упоены своей независимостью. Но хуже всего то, что мы не понимаем своих снов, тогда как наяву мы уверены, что способны понять что угодно, стоит лишь подумать. Столкнувшись с таким неопровержимым доказательством ограниченности нашего сознания, мы избегаем противоречия, заявив, что сны – это бессмыслица. В последние несколько десятилетий в отношении к мифам и снам произошли глубокие изменения. Толчком для этих перемен в значительной степени послужили работы Фрейда. Начав с конкретной цели помочь больным, страдающим неврозами, понять причины своей болезни, Фрейд стал изучать сновидения как универсальный феномен человеческой жизни, характерный как для больных, так и для здоровых людей. Он увидел, что сны существенно не отличаются от мифов и сказок, что понять язык первых – значит понять язык вторых. И антропологи[2] сосредоточились на исследовании мифов. Мифы собирались и изучались, и некоторым первопроходцам в этой области, например Бахофену, удалось пролить новый свет на древнюю историю человека. Но наука о мифах и снах переживает еще пору младенчества. Она страдает от различных ограничений. С одной стороны, это определенный догматизм и консерватизм, порожденный притязаниями различных школ психоанализа на единственно верное понимание языка символов. При этом мы перестаем видеть многосторонний характер языка символов и пытаемся вписать его в прокрустово ложе единственного способа мышления.

С другой стороны, толкование снов по-прежнему считается уделом психиатра, лечащего неврозы. Я же считаю, что язык символов – это язык другой страны, которым должен владеть каждый. Умение понимать этот язык позволяет соприкоснуться с одним из важнейших источников мудрости – мифом, соприкоснуться с глубинными уровнями нашей собственной личности. Фактически это помогает нам проникнуть в специфический человеческий пласт духовной

жизни, общий для всего человечества как по содержанию, так и по форме. В Талмуде сказано: «Неразгаданный сон подобен нераспечатанному письму». В самом деле, и сны, и мифы – важные средства связи, идущие от нас к нам же. Если мы не понимаем языка, на котором они созданы, мимо нас проходит многое из того, что мы знаем и рассказываем самим себе в те часы, когда не заняты действиями с внешним миром.

II

Природа языка символов

Допустим, вы хотите объяснить кому-то, чем отличается на вкус белое вино от красного. На первый взгляд, это очень просто. Вы очень хорошо представляете себе это отличие; так почему же должно быть нелегко объяснить это другому? Тем не менее оказывается невероятно трудно выразить это ощущаемое на вкус отличие словами. И вы скорее всего в конце концов скажете: «Послушай, я не могу тебе это объяснить. Лучше попробуй красное вино, а потом белое, и сам поймешь, в чем разница». Вы без труда найдете слова, чтобы объяснить устройство любой сложнейшей машины, но слова покажутся бесполезными, когда понадобится описать простое вкусовое ощущение.

Не сталкиваемся ли мы с такой же трудностью, когда пытаемся объяснить, что мы чувствуем? Возьмем, например, состояние, когда мы испытываем чувство потерянности, опустошенности, когда все представляется в сером цвете, мир пугает, хотя на самом деле никакой опасности нет. Вам хочется рассказать о вашем состоянии другу, но вы вновь и вновь ловите себя на том, что с трудом подбираете слова, и в конце концов видите, что ничего из сказанного вами не годится для того, чтобы передать многочисленные оттенки вашего состояния. Ночью вам снится сон. Вы видите себя на окраине какого-то большого города перед самым рассветом, улицы пустынные, ездят лишь молочные фургоны, дома выглядят убого, все вокруг чужое, вам не на чем добраться до знакомых мест, откуда вы, должно быть, сюда попали. Когда вы просыпаетесь и вспоминаете свой сон, вы вдруг осознаете, что во сне испытывали именно это чувство потерянности и серости, о котором накануне пытались рассказать своему другу. Перед вами предстала всего лишь картина, и вы наблюдали ее менее секунды. И все же эта картина гораздо живее и точнее передает ваше состояние, чем рассказ о нем. Картина, которую вы видите во сне, есть символ того, что вы чувствуете.

Что такое символ? Символ часто определяют как «нечто, служащее обозначением чего-то другого». Это определение кажется довольно неудачным, но тем не менее оно приемлемо, если речь идет о символах, связанных с ощущениями: зрительными и слуховыми, обонятельными, осязательными, обозначающими «нечто», выражающее наше внутреннее состояние, чувство или мысль. Такой символ – это нечто, находящееся вне нас и символизирующее нечто внутри нас. Язык символов – это язык, посредством которого мы передаем наше внутреннее состояние так, как если бы оно было чувственным восприятием, как если бы оно было чем-то таким, что мы делаем, или чем-то, что делается с нами в окружающем материальном мире. Язык символов – это язык, в котором внешний мир есть символ внутреннего мира, символ души и разума.

Если считать, что символ есть «нечто, обозначающее нечто другое», возникает принципиальный вопрос: «В чем заключается специфическая взаимосвязь между символом и тем, что он символизирует?»

Отвечая на этот вопрос, можно выделить три типа символов: условные, случайные и универсальные. Из них только последние два типа выражают внутренние состояния так, как если бы они представляли собой нечто, воспринимаемое органами чувств, и только они содержат в себе элементы языка символов. Сейчас это станет понятно.

Условные символы – наиболее известный тип символов, поскольку мы используем их в повседневном языке. Если мы видим слово «стол» или слышим «стол», буквы с-т-о-л обозначают нечто другое. Они обозначают предмет – стол, – который можно увидеть, потрогать и использовать. Какая связь между словом «стол» и предметом «стол»? Есть ли между ними какая-либо внутренняя связь? Очевидно, нет. Сам предмет не имеет ни чего общего со звуковым комплексом «стол», и единственной причиной того, что это слово символизирует этот предмет, является условное соглашение называть этот предмет именно таким именем. Мы узнаем об этой связи в детстве, когда постоянно слышим это слово в связи с этим предметом, и в конце концов у нас формируется устойчивая ассоциация, и мы не задумываясь отыскиваем для этого предмета нужное название.

В то же время есть слова, вызывающие не только условные ассоциации. Когда мы, например, говорим «фу-у», то движением губ как бы быстро разгоняем

воздух. Так мы с помощью рта выражаем отвращение. Таким быстрым рассеиванием воздуха мы имитируем и этим самым выражаем свое желание отогнать что-то от себя, избавиться от чего-то. Здесь, как и в некоторых других случаях, символ внутренне связан с чувством, которое он символизирует. Но даже если предположить, что первоначально происхождение многих или даже всех слов отражало некую подобную внутреннюю связь между символом и тем, что он символизирует, когда мы овладеваем языком, большинство слов уже лишено для нас этого значения.

Слова – не единственный пример условных символов, хотя и самый известный и распространенный. Условными символами могут быть и образы. Например, флаг может быть знаком какой-то страны, но при этом особый цвет флага не связан с самой страной, которую он представляет. Условно принято, что цвета служат обозначением определенной страны, и мы переводим зрительный образ флага в понятие этой страны опять же на основе условно сформированной ассоциации. Некоторые образы – символы – не совсем условные. Например, крест. Крест может быть просто условным символом христианской церкви, и в этом смысле он не отличается от флага. Но специфическое содержание это го образа, связанное со смертью Христа и, кроме того, с взаимопроникновением плоскостей материи и духа, переносит связь между символом и тем, что он символизирует, за пределы простой условности.

Случайный символ – прямая противоположность условному символу, хотя у них есть одно общее: отсутствие внутренней связи между самим символом и тем, что он символизирует. Допустим, с кем-то произошло в каком-то городе что-то неприятное. Когда человек услышит название этого города, он сразу же свяжет его с неприятным переживанием, точно так же, как он связал бы его с ощущением радости, если бы ему в этом городе было хорошо. Совершенно очевидно, что в городе, как таковом, нет ничего ни удручающего, ни радостного. Именно личный опыт человека, связанный с этим городом, превращает его в символ того или иного настроения.

Такая же реакция может возникнуть в связи с каким-то домом, улицей, одеждой, пейзажем – с чем угодно, что однажды было связано с определенным настроением. Нам может, например, присниться, что мы попали в какой-то город. На самом деле во сне может не быть никакой связи между городом и каким-то особым настроением, мы видим только улицу или даже знаем только название города, мы спрашиваем себя, почему мы вдруг подумали во сне об этом городе, и, возможно, обнаруживаем, что, засыпая, испытывали чувства, похожие на те, которые символизирует для нас этот город. Образ, явившийся в сновидении, представляет это настроение, город «обозначает» чувства, когда-то там испытанные. Здесь связь между символом и символизируемым переживанием абсолютно случайна.

В отличие от условных символов случайный символ не может быть одним и тем же у разных людей, поскольку связь между событием и символом устанавливает сам человек. Поэтому случайные символы редко используются в мифах, сказках или художественных произведениях, созданных на языке символов, поскольку они не несут в себе никакого сообщения, разве что автор снабдит каждый символ длинным комментарием. Но в снах случайные символы встречаются часто, и ниже я объясню, как их понимать.

Универсальные символы – это такие символы, в которых между символом и тем, что он обозначает, есть внутренняя связь. Мы уже приводили пример сна об окраине города. Чувство, возникшее при виде пустынного, незнакомого, убогого пейзажа, в самом деле в значительной степени связано с состоянием потерянности и тревоги. Верно также и то, что, если бы мы никогда не бывали на окраине города, мы не смогли бы пользоваться этим символом, точно так же, как слово «стол» не имело бы для нас смысла, если бы мы никогда не видели стола. Этот символ имеет смысл только для городских жителей и бессмыслен для принадлежащих к культуре, где нет больших городов. Между тем в основе многих универсальных символов лежат переживания, которые испытывал каждый. Возьмем, например, символ, связанный с огнем. Мы зачарованно смотрим на горящий очаг, и на нас производят впечатление конкретные свойства огня. Прежде всего, это его подвижность. Он все время меняется, все время находится в движении, и тем не менее в нем есть постоянство. Он остается неизменным, непрерывно меняясь. Он производит впечатление силы, энергичности, изящества и легкости. Он как бы танцует, и источник его энергии неисчерпаем. Когда мы используем огонь в качестве символа, мы описываем внутреннее состояние, характеризующееся теми же элементами, которые составляют чувства, испытываемые при виде огня; состояние энергичности, легкости, движения, изящества, радости – в этом чувстве доминирует то один, то другой из этих элементов.

В каком-то отношении сходен с этим и в то же время отличен от него символ, связанный с водой – морем или рекой. Здесь тоже есть сочетание изменчивости и постоянства, непрерывного движения и все же – постоянства. Мы также

отмечаем такие свойства, как подвижность, непрерывность, энергичность. Но есть отличие: огонь – это удаль, быстрота, возбужденность, а вода – спокойствие, неторопливость и устойчивость. В огне есть элемент неожиданности, в воде – элемент предопределенности. Вода тоже символизирует подвижность, но это нечто более «тяжелое», «неторопливое»; оно скорее успокаивает, чем возбуждает.

Неудивительно, что явления физического мира могут адекватно отражать внутреннее состояние, материальный мир может служить символом мира духовного. Всем известно, что тело отражает внутреннее состояние. Когда мы разгневаны, кровь бросается в голову и мы краснеем, а от страха, напротив, бледнеем; когда мы сердимся, сердце бьется сильнее; когда радуемся, общий тонус тела совсем иной, чем в неприятные минуты. Наше настроение настолько точно отражается в выражении лица, и чувства, которые мы испытываем, – в жестах и движениях, что окружающие лучше распознают наше состояние по мимике и жестам, чем по словам. В самом деле, тело – это символ, выражающий наше внутреннее состояние, а не аллегория. Глубокое и истинное чувство и даже любая искренняя мысль отражаются во всем нашем организме. Для универсального символа характерна та же связь между душевным и физическим переживанием. Некоторые физические явления по своей природе вызывают определенные чувства и мысли, и мы выражаем эмоциональные переживания на языке физических состояний, то есть символически. Универсальные символы – единственный тип символов, в которых связь между символом и тем, что он символизирует, не случайна, а внутренне присуща самому символу. В основе этого лежит ощущение тесной связи между чувством или мыслью, с одной стороны, и физическим состоянием – с другой. Такой символ можно назвать универсальным, потому что эта связь воспринимается всеми людьми одинаково; это отличает универсальные символы не только от случайных, которые по своей природе индивидуальны, но и от условных символов, сфера распространения которых ограничена группой людей, принявших те же соглашения. В основе универсальных символов – свойства нашего тела, ощущений и разума, характерные для каждого человека и, таким образом, не ограниченные одним индивидом или группой людей. Именно язык универсальных символов и есть единственный общий язык, созданный человечеством, тот язык, который люди забыли прежде, чем он смог стать универсальным условным языком. Нет надобности говорить о генетической предопределенности, чтобы объяснить универсальный характер символов. Каждый человек, тело и разум которого «устроены» так же, как у всего остального человечества, благодаря этим общечеловеческим свойствам способен говорить на языке символов и понимать его. Нам не нужно учиться плакать, когда мы расстроены, или краснеть, когда рассержены; эти реакции присущи всем людям, независимо от расы или каких-либо других особенностей. Так же и язык символов: его не надо учить, его распространение не ограничивается какими-то группами людей. Об этом свидетельствует тот факт, что на языке символов создаются мифы и сны во всех культурах, от так называемых первобытных до высокоразвитых, таких, какими были Древний Египет и Греция. Кроме того, символы, используемые в этих различных культурах, обнаруживают поразительное сходство, поскольку все они восходят к основным ощущениям и эмоциям, которые испытывают все люди. Еще одним подтверждением служат проведенные недавно эксперименты, в которых люди, ничего не знающие о теории толкования снов, под гипнозом без труда истолковывали символы в своих сновидениях. Когда же их просили объяснить то же самое после того, как они вышли из гипнотического состояния, они с недоумением говорили: «Наверное, это ничего не значит, это какая-то бессмыслица».

По поводу сказанного выше следует, однако, сделать одну оговорку. Значение некоторых символов может различаться в соответствии с их различной значимостью как реалий в разных культурах. Например, функция и значение солнца различны в северных и тропических странах. В северных странах, где воды в избытке, рост всего живого зависит от солнечного света. Солнце здесь – любящая, защищающая сила, дающая тепло и жизнь. На Ближнем Востоке, где солнце греет намного сильнее, это опасная сила, от нее даже исходит угроза, которой человек должен противостоять, в то время как вода воспринимается как источник жизни и главное условие роста всего живого. Здесь можно говорить о диалектах всеобщего языка символов, определяемых различиями в условиях жизни. Этим и объясняется, почему в разных регионах некоторые символы имеют разные значения.

Другой особенностью языка символов, лежащей в иной плоскости, чем «диалекты», является то, что многие символы имеют не одно значение, в зависимости от различных переживаний, которые ассоциируются с одним и тем же физическим явлением. Возьмем снова символ, связанный с огнем. Огонь в очаге вызывает ощущение жизни, тепла и удовольствия. Но когда мы видим дом или лес в огне, у нас возникает чувство опасности и страха, беспомощности

человека перед стихией. Таким образом, огонь может символически выражать как ощущение жизни и радости, так и чувство страха, беспомощности или отражать склонность человека к разрушению. Так же обстоит дело и с символом, связанным с водой. Вода может быть огромной разрушительной силой во время шторма или когда разлившаяся река затопляет берега. Поэтому она может быть как символом ужаса и хаоса, так и символом покоя и умиротворенности.

Еще одной иллюстрацией этого принципа может быть символ долины. Долина между горами может вызывать чувство безопасности и покоя, защищенности от всякой угрозы извне. Но ограждающие горы могут также означать стены, которые не позволяют выбраться из этой долины, и, таким образом, долина становится символом изоляции, заточения. Каждое конкретное значение символа можно определить только исходя из общего контекста, в котором он возник, и с учетом доминирующих переживаний человека, использующего этот символ. Мы вернемся к этому вопросу, когда будем рассматривать символический характер снов.

Хорошим примером функции универсального символа может служить записанная на языке символов история, известная почти каждому в западной культуре, – книга Ионы. Было к Ионе слово Господне: Бог повелел ему идти в Ниневию и проповедовать ее жителям, чтобы они перестали творить злодеяния, иначе они должны будут погибнуть. Иона не мог не слышать голос Бога, ведь он был пророком. Но он пророк против своей воли: зная, что ему надлежит делать, он тем не менее пытается ослушаться Бога (или, можно сказать, голоса своей совести). Это человек, который равнодушен к другим людям. Он охотно подчиняется закону и порядку, но лишен способности любить [3].

Как в этом библейском рассказе отражено то, что происходит в душе Ионы? Иона пришел в Иоппию и сел там на корабль, отправлявшийся в Фарсис. В открытом море вдруг сделалась великая буря, корабельщики устремились, а Иона спустился во внутренность корабля и крепко заснул. Моряки, решив, что, вероятно, Бог послал бурю, чтобы наказать одного из тех, кто был на борту, разбудили Иону, и он объявил им, что пытался бежать от повеления Господня. Иона сказал, что бы они бросили его в море, и тогда буря сразу утихнет. Моряки (преодолев жалость и испробовав другие способы спасения) в конце концов бросили Иону в море, и море тут же утихло. Иону проглотил большой кит, и он провел в его чреве три дня и три ночи. Он молил Бога освободить его из плена, и по велению Бога кит извергнул Иону на сушу; Иона пошел в Ниневию и исполнил волю Бога и тем самым спас жителей города.

Рассказ написан так, что кажется, будто эти события происходили на самом деле. Тем не менее он написан на языке символов, и все события – не что иное, как символы, выражающие внутреннее состояние героя. Здесь есть определенная цепочка действий-символов, следующих один за другим: взойти на корабль, спуститься в его внутренность, заснуть, попасть в море, попасть во чрево кита. Все эти символы выражают одно и то же внутреннее состояние: защищенности и изоляции, надежного избавления от общения с другими людьми. То, что выражают эти символы, можно передать и другим символом: плод в утробе матери. Внутренность корабля, глубокий сон, море, чрево кита – все эти образы выражают одно и то же внутреннее состояние: сочетание защищенности и изоляции, хотя в реальной действительности это совершенно разные явления.

Внешне события рассказа развиваются в пространстве и во времени: сначала Иона спустился в трюм, потом заснул, потом его бросили в море, потом его проглотил кит. Одно событие происходит вслед за другим, и, хотя некоторые из них явно неправдоподобны, весь рассказ логически согласован во времени и в пространстве. Но если понять, что автор хотел передать не последовательность внешних событий, а внутреннее состояние человека, разрывающегося между своей совестью и желанием уйти от своего внутреннего голоса, то становится ясно, что различные действия, следующие одно за другим, выражают одно и то же состояние героя, а развертывание событий во времени выражает нарастание одного и того же чувства. Пытаясь уклониться от исполнения своего долга по отношению к ближним, Иона изолирует себя все больше и больше, пока наконец во чреве кита этот элемент защищенности не сменяется элементом заточения, и он уже не может этого вынести и вынужден молить Бога, чтобы Бог освободил его из плена, куда он сам себя заточил. (Такой механизм очень характерен для неврозов. Человек принимает какую-то установку, которая должна защитить его от опасности; но потом эта установка перерастает границы своей первоначальной функции защиты и превращается в симптом невроза, от которого человек старается освободиться.) Так, бегство Ионы к спасительной изоляции кончается страхом перед заточением, и он начинает свою жизнь вновь с того момента, когда он попытался пуститься в бегство.

Между видимой и скрытой логикой рассказа есть еще одно различие. В основе

видимой логики – причинная связь внешних событий. Иона хочет уйти в море, потому что он хочет бежать от Бога, он засыпает, потому что устал, его выбрасывают за борт, потому что считают, что из-за него разыгралась буря, его проглатывает кит, потому что в море водятся киты, которые едят людей. Каждое событие обусловлено каким-то предыдущим событием. (Заключительная часть рассказа нереалистична, но не лишена логики.) Но скрытая логика событий совсем иная. Различные события связаны друг с другом по ассоциации с одним и тем же внутренним состоянием. То, что кажется причинно-следственной цепочкой внешних событий, есть выражение смены состояний души, находящихся между собой в ассоциативной внутренней связи. Эта связь так же логична, как и последовательность внешних событий, но это уже другая логика. Мы сможем яснее представить себе суть этой логики – логики языка символов, – обратившись к анализу природы сновидений.

III

Природа сновидений

Взгляды на природу сновидений сильно изменялись от столетия к столетию и от культуры к культуре. Считают ли люди, что сны – это реальные события, происходящие с душой, лишенной во сне телесной оболочки, либо верят, что сны внушаются Богом или злыми духами; видят в сновидениях выражение иррациональных страстей или, напротив, выражение высочайших помыслов и нравственных сил. Одно в этих представлениях не вызывает сомнений: то, что сновидения являются значимыми и выражают какой-то смысл. Имеющими смысл их можно назвать потому, что в них содержится какое-то сообщение, которое можно понять, если располагать ключом к разгадке, значимыми – поскольку нам обычно не снятся какие-то мелочи, даже если их можно передать на языке, скрывающем значимость сообщения, посылаемого сном, за ширмой незначительности.

В последние столетия люди решительно отошли от подобных представлений. Толкование сновидений причислили к области суеверий, и просвещенный, образованный человек, не важно, ученый или нет, не сомневался, что сновидения – это бессмысленное и ничего не значащее проявление деятельности мозга, в лучшем случае – реакция мозга на ощущения тела, испытываемые во сне.

И только Фрейд в начале XX столетия подтвердил правильность прежних представлений о том, что сновидения имеют и смысл, и значение; нам не снится то, что не является существенным отражением нашей внутренней жизни, и все сновидения можно понять, если знать ключ к их разгадке; толкование снов – это *via regia*[4], главный путь к пониманию подсознательного и пониманию наиболее мощных мотивов как патологического, так и нормального поведения. Фрейд не только определил природу сновидений, он настойчиво и непреклонно вновь и вновь подтверждал одно из старейших представлений: сон есть осуществление иррациональных желаний, подавляемых во время бодрствования.

Сейчас я не буду с этой точки зрения рассматривать теорию сновидений Фрейда и более ранние теории – я вернусь к этому в последующих главах, – а перейду к обсуждению природы сновидений в том плане, как я сумел ее понять благодаря работам Фрейда и исходя из собственного опыта человека, который видит и истолковывает сны.

Учитывая, что нет такого вида деятельности мозга, который не проявлялся бы во сне, я считаю, что единственным определением природы сновидений, которое не искажало и не сужало бы сущности этого явления, может быть лишь обозначение сна в широком смысле как выражения всякого вида умственной деятельности, происходящей во сне, имеющей определенный смысл и значение. Очевидно, что это определение слишком широко, чтобы его можно было применить для понимания природы снов, если не уточнить смысл понятия «во сне» и особое воздействие этого состояния на нашу умственную деятельность. Если выявить сущность этого воздействия, можно гораздо больше узнать о природе сновидений.

Физиологически состояние сна представляет собой условие для восстановительных химических реакций в организме; запас энергии приходит к норме, в то время как организм не совершает никаких действий и даже чувственное восприятие почти полностью отключено. В психологическом плане во сне приостанавливается осуществление главной функции, присущей периоду бодрствования: реагирования на окружающую действительность путем восприятия и действия. Это несовпадение между биологическими функциями бодрствования и сна является, по сути, различием между двумя типами состояния человека.

Чтобы оценить воздействие состояния сна на процессы, происходящие в мозгу,

нужно сначала рассмотреть более общую проблему – проблему взаимозависимости между родом деятельности, которой мы занимаемся, и мыслительным процессом. Наш образ мыслей в значительной степени определяется тем, что мы делаем и в каком результате заинтересованы. Это не значит, что такая заинтересованность искажает наш образ мыслей, она просто соответствующим образом изменяет его.

Каково, например, отношение к лесу у разных людей? Художник, который пришел в лес писать картины, владелец этого леса, заинтересованный в увеличении извлекаемой из него прибыли, военный, решающий тактическую задачу обороны этого участка, турист, который хочет насладиться отдыхом на природе, – каждый из них имеет о лесе свое представление, отличное от других. Для художника важно восприятие формы и цвета; бизнесмена интересуют размеры, количество и возраст деревьев; офицер будет решать проблемы видимости и укрытия; туристу важнее всего отыскать тропы и правильно ориентироваться в лесу. Хотя все они согласятся с абстрактным утверждением, что они находятся на опушке леса, их «видение» леса будет различным в зависимости от рода их занятий.

Различие между биологической и физиологической функциями сна и бодрствования носит более фундаментальный характер, нежели несовпадения между видами деятельности, и соответственно несравненно глубже различаются системы восприятия мира, связанные с этими двумя типами состояния человека. Во время бодрствования мысли и чувства прежде всего отвечают на сигналы извне: человек должен овладевать окружающей средой, изменять ее, защищаться от нее. Задача бодрствующего человека – выжить; неспящий человек подчиняется законам, которые управляют внешней действительностью. Это значит, что он должен мыслить категориями времени и пространства и что его мышление подчиняется законам логики времени и пространства. Когда мы спим, нам не нужно приспосабливать внешний мир к своим потребностям. Мы беспомощны, и поэтому не случайно сон называют «братом смерти». Но при этом мы еще и свободны, свободнее, чем во время бодрствования. Мы свободны от бремени труда, от необходимости нападать или защищаться, от необходимости наблюдать за действительностью и овладевать ею. Нам не нужно смотреть на внешний мир, и мы обращаемся к своему внутреннему миру, мы заняты исключительно самими собой. Спящего человека можно сопоставить с зародышем или с мертвецом; его можно еще сравнить с ангелом, который не подчиняется законам «действительности». Во сне царство необходимости уступает место царству свободы, в котором «Я» – единственная система, являющаяся точкой приложения мыслей и чувств.

Логика умственной деятельности в состоянии сна отличается от таковой во время бодрствования. Во сне нет необходимости принимать во внимание качества, которые имеют значение только при обращении с действительностью. Если, например, я считаю человека трусом, мне может присниться, что он превратился в зайца. Эта перемена логична с точки зрения моего отношения к этому человеку и нелогична лишь по отношению к моей установке на восприятие внешнего мира (по отношению к тому, как я мог бы наяву поступить с этим человеком). Нельзя сказать, что в том, что происходит с нами во сне, отсутствует логика; просто она подчиняется другим законам, которые действуют при этом особом состоянии.

Сон и бодрствование – это два полюса человеческого существования. Бодрствование связано с функцией действия, сон свободен от нее. Сон связан с функцией восприятия себя [5]. Когда мы пробуждаемся, мы устремляемся в сферу действий. Мы принимаем установки в соответствии с этой системой, и наша память действует в ее пределах: мы помним то, о чем можно думать в категориях пространства и времени. Мир сна исчезает. То, что там с нами происходило – наши сновидения, – припоминается с огромным трудом. Такая ситуация представлена символически в большинстве народных сказок: ночью действуют призраки и духи, добрые и злые, но с рассветом они исчезают, и от их активной деятельности не остается и следа.

Из этих рассуждений возникает ряд выводов о природе подсознания. Подсознание – это нечто иное, чем мифический генетический опыт, как считал Юнг, и чем вместилище иррациональных сил либидо, как предполагал Фрейд. Вероятно, к его пониманию надо подходить, основываясь на принципе: «То, что мы думаем и чувствуем, зависит от того, что мы делаем».

Сознание – это деятельность мозга в состоянии, когда мы оперируем с внешним миром, то есть когда мы действуем. Подсознание – это то, что происходит в мозгу в состоянии, когда все наши связи с внешним миром отключены и мы обращены не к действию, а к восприятию себя. Подсознание – это то, что «работает», когда мы находимся в специфическом состоянии – состоянии не деятельности; следовательно, характеризовать подсознание нужно, исходя из природы этого состояния. С другой стороны, сознание характеризуется, исходя из природы действия и функции обеспечения выживания, связанной с состоянием

бодрствования.

«Подсознание» является подсознанием только по отношению к «нормальному» состоянию активности. Когда мы говорим о «подсознании», то на самом деле имеем в виду нечто, что происходит в нашем мозгу помимо, вне работы разума, определяющей наши действия; таким образом, «подсознание» воспринимается как нечто инородное, сродни призраку, нечто такое, что трудно удержать и о чем трудно вспомнить. Но во сне дневной мир отходит в область подсознания точно так же, как деятельность спящего мозга является подсознанием по отношению к состоянию бодрствования. Термин «подсознание», как правило, используется исключительно по отношению к дневной жизни и поэтому не отражает того факта, что и сознание, и подсознание – это всего лишь различные состояния внутренней жизни, соответствующие несходным состояниям физического существования.

Мне могут возразить, что в состоянии бодрствования мысли и чувства тоже не полностью ограничены категориями времени и пространства, что наше воображение позволяет нам думать о прошлых и будущих событиях как о происходящих в настоящем, об удаленных предметах – как о находящихся у нас перед глазами; что во время бодрствования восприятие объектов также не зависит ни от их физического присутствия, ни от сосуществования во времени; и, таким образом, исключение категорий времени и пространства является не показателем того, что мы не бодрствуем, а показателем того, что мы размышляем и чувствуем, а не действуем. Я охотно отвечаю на такое возражение; это поможет прояснить один существенный момент в моих рассуждениях. Следует провести различие между содержанием мыслительного процесса и логическими категориями, которыми оперирует наше мышление. В то время как содержание наших мыслей при бодрствовании не подчиняется ограничениям пространства и времени, логические категории мышления носят пространственно-временной характер. Думая, например, о своем отце, я могу сказать, что в некоторых ситуациях его образ мыслей и действий сходен с моим. Это утверждение логически верно. С другой стороны, если я скажу: «Я и есть мой отец», это высказывание «нелогично», потому что его невозможно понять с точки зрения физических явлений. Тем не менее с точки зрения внутреннего переживания это высказывание логично: оно выражает то, что я ощущаю свою идентичность с отцом. Логическое мышление в состоянии бодрствования подчиняется категориям, в основе которых – особая форма существования, характеризующаяся тем, что мы связываем себя с окружающей действительностью через понятия, выражающие действия. В состоянии сна, для которого характерно отсутствие даже потенциального действия, используются логические категории, которые относятся только к области восприятия себя. Так же обстоит дело и с чувственным восприятием. Когда в состоянии бодрствования я думаю о человеке, которого не видел двадцать лет, я воспринимаю его как отсутствующего. Если мне этот человек снится, я воспринимаю его так, как будто он или она присутствует. Но «как будто присутствует» – это выражение моего восприятия в логических «дневных» категориях. Во сне не бывает «как будто»; этот человек действительно присутствует.

Выше я попытался описать состояние сна и сделать определенные выводы об особенностях деятельности во сне. Теперь перейдем к изучению одного из элементов состояния, который, как мы увидим, имеет большое значение для понимания этого явления. Мы говорили, что во сне мы не заняты действиями с явлениями внешнего мира. Мы их не осознаем и никак на них не влияем и сами не подвергаемся их влиянию. Из этого следует, что такой отход от реальности воздействует в зависимости от качеств самой реальности. Если окружающая действительность оказывает в целом благотворное влияние, то его отсутствие может способствовать таким проявлениям деятельности нашего мозга, что во сне мы окажемся «хуже», чем наяву, в состоянии бодрствования, когда мы открыты благотворному влиянию внешнего мира.

Но верно ли будет предположить, что влияние внешнего мира всегда благотворно? Разве не может быть это влияние нездоровым – и тогда его отсутствие позволит обнаружиться качествам, лучшим, чем те, которыми мы обладаем наяву?

Говоря об окружающей нас действительности, мы не обязательно имеем в виду мир природы. Природа как таковая не бывает хорошей или плохой. Она может быть полезной или опасной, и когда мы утрачиваем способность осознавать ее, то тем самым мы действительно освобождаемся от обязанности что-то с ней делать или защищаться от нее; но от этого мы не становимся ни глупее, ни умнее, ни лучше, ни хуже. Совсем иначе обстоит дело с миром вещей, созданных руками человека, с культурой, в которой мы живем. Воздействие этого мира неоднозначно, хотя мы склонны считать, что он существует исключительно для нашего блага.

В самом деле, мнение о том, что влияние цивилизации благотворно, казалось

бы, не требует доказательств. Именно способность человека создавать культуру отличает его от мира животных. И именно уровнем развития культуры различаются высшая и низшая стадии эволюции человека. Необходимым условием всякой деятельности человека является основной элемент культуры – язык. Человека справедливо называют животным, создавшим систему символов, ибо без способности разговаривать вряд ли мы могли бы называться людьми. Но любая другая функция человека также зависит от связей с внешним миром. Мы учимся думать, наблюдая за окружающими людьми и учась у них. Мы развиваем свои эмоциональные, интеллектуальные и художественные способности под влиянием накопленного обществом запаса знаний и художественных ценностей. Общаясь с окружающими, мы учимся любить их и заботиться о них, умеем справляться с враждебностью и эгоизмом благодаря любви к окружающим или хотя бы боязни. Но в таком случае разве окружающая действительность, созданная человеком, не способствует в наибольшей мере развитию в нас всего лучшего и не следует ли ожидать, что, лишившись контакта с внешним миром, наш мозг постепенно деградирует и придет в первобытное, неразумное, животное состояние? Можно многое сказать в пользу этого предположения. Представление о том, что подобная деградация – характерный признак состояния сна, разделяли многие исследователи сновидений – от Платона до Фрейда. Если исходить из этих соображений, следует ожидать, что в сновидениях отражаются наши иррациональные, первобытные стремления, а то, что мы так быстро забываем наши сны, можно легко объяснить тем, что нам становится стыдно за эти иррациональные, нездоровые проявления деятельности вне социального контроля. Несомненно, такое объяснение сновидений верно; сейчас мы его рассмотрим и приведем ряд примеров. Но вопрос в том, является ли оно единственно верным объяснением, или, иначе, не в отрицательной ли стороне влияния общества следует искать причину того парадокса, что в наших сновидениях мы не только ведем себя менее разумно и менее прилично, но порой бываем также умнее, тоньше и способны на более здравые суждения, чем во время бодрствования. Действительно, культура оказывает не только полезное, но и вредное влияние на умственное и духовное развитие человека. Люди зависят друг от друга, нуждаются друг в друге. Но на историю человечества вплоть до наших дней всегда влияла одна особенность: материальное производство было не способно удовлетворить насущные потребности всех людей. Стол ставился лишь для немногих из тех, кто хотел есть и поест. Те, кто сильнее, старались занять себе место, и это означало, что другим места уже не достанется. Если бы они любили своих ближних, как того требовали Будда, пророки и Иисус, они поделились бы с ближним, а не стали бы в одиночку есть мясо и пить вино. Но поскольку любовь – величайшее и труднейшее из достижений человечества, может быть, и нельзя обвинять человека в том, что те, кто мог сидеть за столом и наслаждаться радостями жизни, не хотели ими делиться и поэтому были вынуждены стремиться к власти над теми, кто угрожал их привилегиям. Эта власть часто была властью завоевателя, физической властью, которая вынуждала большинство смириться со своей судьбой. Но физическая власть не всегда была достижима и не всегда прочна. Нужно было обладать властью над умами людей, чтобы заставить их сдерживаться и не пускать в ход кулаки. Такой контроль над разумом и чувствами людей был необходимым условием сохранения привилегий в руках меньшинства. При этом, однако, умы меньшинства оказывались поражены так же, как и умы большинства. Надзиратель, охраняющий пленника, сам становится почти таким же пленником. Элита, вынужденная контролировать «не избранных», становится пленником своих собственных усилий, направленных на подавление подчиненных. Таким образом, разум как правителей, так и управляемых отходит от истинно человеческих целей, которые заключаются в том, чтобы чувствовать и мыслить по-человечески, быть благоразумным, любить ближнего и развивать в себе эти качества, заложенные в каждом человеке, ибо без полного их развития он становится калекой. Такой отход от истинно человеческих целей и их искажение влияют и на характер человека. На передний план выходят цели, противоречащие интересам его истинной сущности. Его способность любить обедняется, и побудительным мотивом становится стремление к власти над другими людьми. Внутренняя безопасность становится менее надежной, и человек вынужден искать компенсации в страстном стремлении к славе и престижу. Он теряет чувство собственного достоинства, теряет свою ценность и обращается к категориям мира потребления, где его самоуважение основывается на том, насколько он пользуется спросом и успехом. Таким образом, мы обучаемся не только тому, что истинно, но и тому, что ложно. Мы не только воспринимаем хорошее, но также находимся под постоянным влиянием пагубных установок. Это справедливо как для первобытного племени, где правят строгие законы и обычаи, так и для современного общества, декларирующего свободу от жестких

ритуальных рамок. Благодаря широкому распространению грамотности и средств массовой информации появилось множество способов, позволивших сделать воз действие культурных клише не менее эффективным, чем в полной ограничений культуре маленького племени. Современный человек ничем не защищен от воздействия почти непрерывного «шума»: радио, телевидение, вывески, реклама, кино – в основном это не просветляет, а затуманивает наш разум. Мы не защищены от правдоподобной лжи, которую выдают за правду, от полной бессмыслицы, которую выдают за здравый смысл или высшую мудрость специалистов, от двусмысленных разговоров, интеллектуальной лени и нечестности, которая выступает от имени «чести» или «реализма», в зависимости от обстоятельств. Мы ощущаем превосходство над суевериями прежних поколений и так называемыми первобытными культурами и постоянно сталкиваемся с точно такими же суевериями, выдающими себя за последние научные открытия. Так удивительно ли, что пробуждение – это не только благословение, но также и проклятие? Стоит ли удивляться, что в состоянии сна, когда мы остаемся наедине с собой и можем заглянуть в себя, освободившись от назойливого шума и бессмыслицы, которая окружает нас днем, мы становимся способны на более глубокие и истинные мысли и чувства? Итак, мы приходим к выводу, что состояние сна имеет двойственные функции. При отсутствии контакта с культурой проявляется как самое плохое, так и самое хорошее в нас; поэтому во сне мы можем быть не так разумны, не так мудры и не так пристойны, но мы можем быть и лучше, и мудрее, чем когда бодрствуем.

Здесь возникает сложный вопрос: как узнать, лучшее или худшее в нас прорисовывает во сне? Есть ли какой-нибудь принцип, которым мы могли бы руководствоваться, отвечая на этот вопрос? Чтобы ответить, нужно отойти от общего уровня наших рассуждений и попытаться продвинуться в глубь проблемы, рассмотрев ряд конкретных примеров сновидений. Следующий сон приснился человеку, встретившемуся накануне с «очень важной особой». Этот «большой человек» слыл умным и добрым, и тот, кому он потом приснился, пришел к нему под впечатлением этого сложившегося мнения. Пробыв около часа, он ушел, и у него осталось впечатление, что он встретился со значительным и хорошим человеком. Вот этот сон:

Снится мне мистер Х (та самая «очень важная особа»); выражение лица у него совсем не такое, как вчера. У него холодные глаза и жестокая складка губ. Он со смехом рассказывает кому-то, как только что ловко выманил у бедной вдовы ее последние несколько центов. Меня охватывает отвращение. Когда этого человека попросили рассказать, что он думает по поводу своего сна, он отметил, что напоминает некое неуловимое чувство разочарования, охватившее его в первый момент, когда он вошел в комнату и взглянул в глаза мистеру Х; но это чувство исчезло, как только м-р Х по-дружески заговорил с ним.

Как следует понимать этот сон? Может быть, наш герой завидует славе м-ра Х и поэтому испытывает к нему неприязнь? В таком случае сон выражает иррациональную ненависть, которую испытывает человек, сам того не подозревая. Но здесь дело обстоит иначе. При следующих встречах, уже после того, как наш знакомый благодаря сновидению осознал свои сомнения относительно достоинства м-ра Х, он внимательно наблюдал за ним и обнаружил, что в этом человеке было что-то жестокое, похожее на то, что он видел во сне. Это его впечатление разделяли также некоторые люди, осмелившиеся усомниться в прекрасных качествах м-ра Х, приписываемых ему общественным мнением. Сомнения подтвердились фактами из жизни, которые, несомненно, были не так ужасны, как во сне, но тем не менее обнаруживали соответствующие его качества.

Таким образом, мы видим, что во сне человек оказался гораздо более проницательным и смог постичь суть характера Х. «Шум» общественного мнения, настаивающего на том, что Х – замечательный человек, не давал ему осознать свое первоначальное критическое восприятие. И только потом, после того как ему приснился сон, он вспомнил эту вспышку недоверия и сомнения. Во сне, когда он был защищен от шума, наедине с собой и со своими впечатлениями и чувствами, он смог вынести более точное и верное суждение.

В этом сновидении, как и в любом другом, определить, выражает сон иррациональные или рациональные страсти, можно только приняв во внимание личность человека, видящего сон, настроение, в котором он засыпал, и все, что мы знаем о реальной ситуации, которая легла в основу сновидения. В данном случае наше толкование сна основывается на ряде фактов. Человек вспомнил первоначальное мимолетное впечатление – ощущение неприязни. На это у него не было причин, и он не испытал к Х никакой неприязни. Сведения из жизни Х и последующие наблюдения подтвердили впечатление, возникшее во сне. Если бы не эти факторы, толкование сна могло бы быть иным. Например, если бы для этого человека была характерна зависть к людям, пользующимся

известностью, если бы не нашлось никаких подтверждений мнению, выразившемуся во сне, если бы человек не вспомнил свое ощущение неприязни, возникшее при первом взгляде на X, – тогда, конечно, мы были бы склонны предположить, что этот сон отражает не интуицию, а иррациональную ненависть.

Интуиция тесно связана со способностью предсказывать будущее. Предсказание развития событий в будущем основывается на наблюдениях над направлением и интенсивностью сил, действующих в настоящем. Всякое глубокое знание, знание не поверхностных, видимых, а глубинных движущих сил позволяет предсказывать будущее. На таком знании должно основываться всякое заслуживающее внимания предсказание. Неудивительно, что часто мы угадываем развитие событий, которое впоследствии подтверждается фактами. Без всякой телепатии многие сны, в которых предсказывается будущее, попадают в категорию рациональных предсказаний, о которых мы только что говорили. Одним из древнейших вещей снов был сон Иосифа:

И видел Иосиф сон, и рассказал [его] братьям своим: и они возненавидели его еще более:

Он сказал им – выслушайте сон, который я видел:

вот, мы вяжем снопы посреди поля; и вот, мой сноп встал и стал прямо;

и вот, ваши снопы стали кругом и поклонились моему снопу.

И сказали ему братья его: неужели ты будешь царствовать над нами? неужели будешь владеть нами? И возненавидели его еще более за сны его и за слова его.

И видел он еще другой сон и рассказал [его] отцу своему и братьям своим, говоря: вот, я видел еще сон: вот, солнце и луна и одиннадцать звезд поклоняются мне.

И он рассказал отцу своему и братьям своим; и побранил его отец его и сказал ему: что это за сон, который ты видел? неужели я и твоя мать, и твои братья придем поклониться тебе до земли?

Братья его досадовали на него, а отец его заметил это слово (Быт., 37: 5–11).

Этот сюжет из Ветхого завета показывает, что в те времена всякий «профан» мог без труда понять смысл сновидения, и не было необходимости пользоваться услугами специалиста по толкованию снов, чтобы понять простой сон (чтобы разгадать более сложный сон, нужен был человек, умеющий распознавать сны; это видно из рассказа о снах фараона, когда придворные толкователи снов не смогли их понять, и пришлось позвать Иосифа). Братья сразу поняли, что в сновидении Иосифа отразилась его мечта о том, что когда-нибудь он станет превыше отца и братьев и они будут благоговеть перед ним. Несомненно, этот сон – выражение честолюбивых устремлений Иосифа, без которых ему, может быть, и не удалось бы достичь такого высокого положения. Но случается так, что этот сон исполняется: он оказывается не только выражением иррациональных амбиций, но в то же время предсказанием событий, которые произошли в действительности. Как смог Иосиф так предсказать будущее? Его жизнь, согласно библейскому повествованию, показывает, что это был не только честолюбивый, но и необыкновенно талантливый человек. Во сне он смог почувствовать свой необыкновенный дар яснее, нежели в дневной жизни, где он осознавал себя самым младшим и самым слабым из всех братьев. В его сновидении страстные честолюбивые стремления сочетаются с пронизательностью, позволившей ему ощутить свой талант, без которого сон не смог бы сбыться.

В следующем сновидении проявилось предвидение другого рода: А встретился с Б, и они обсуждали будущее деловое сотрудничество; Б произвел на А хорошее впечатление, и тот решил принять его в свое дело как партнера. Ночью после встречи ему приснился сон:

Мне снится, что Б сидит в нашем офисе. Он роется в бумагах и подделывает документы, чтобы скрыть совершенное им хищение крупной суммы денег.

Проснувшись, А был озадачен, так как он привык не оставлять свои сны без внимания. Будучи убежден, что сны – это всегда отражение бессознательных желаний, он сказал себе, что в сновидении отразилась его собственная враждебность и отношение к людям как к соперникам, и эта его враждебность и подозрительность породили фантазию о том, что Б – вор. Истолковав сон по-своему, А ударился в другую крайность, стараясь избавиться от этих иррациональных подозрений. После того как он повел свое дело совместно с Б, произошло несколько случаев, вновь возбуждавших его подозрения. Но, вспоминая свой сон и то, как он его истолковал, А был уверен, что опять находится под влиянием иррациональных подозрений и чувства враждебности, и решил не придавать значения этим случаям. Через год, однако, он обнаружил, что Б присваивал крупные суммы денег и укрывал это, подделывая бумаги. Сон осуществился почти буквально.

Анализ случая с А показал, что во сне раскрылось интуитивное восприятие

сущности Б, возникшее при первой встрече, которое он не осознавал во время бодрствования. Всеобъемлющие сложные наблюдения за людьми, которые нам удается проделать в доли секунды, не осознавая этого, позволили А узнать, что Б был нечестен. Но поскольку такое представление не подкреплялось никакими «доказательствами», а поведение Б было таково, что на сознательном уровне А было трудно поверить в его нечестность, он полностью подавил свое интуитивное впечатление или, скорее, такая мысль даже не запечатлелась у него в мозгу, когда он проснулся. Тем не менее во сне он ясно осознавал свое подозрение, и если бы он прислушался к своему внутреннему голосу, то смог бы избежать многих неприятностей. Он не сумел правильно понять свой сон и даже некоторые свои более поздние наблюдения из-за того, что был уверен, будто сны всегда выражают иррациональные фантазии и желания. Примером решения во сне этической проблемы может служить история одного писателя: ему предложили работу, которая давала бы гораздо больший заработок, чем та, которая у него была, но при этом он был бы вынужден писать то, во что сам не верил, и тем самым разрушить свою личность, свою целостность. Но предложение было настолько заманчиво по части денег и престижа, что он не был уверен, что сможет от него отказаться. Он долго все обдумывал и взвешивал, как обычно делает большинство людей в подобных ситуациях. Он рассуждал, что в конце концов, может, не стоит представлять дело в таких мрачных красках, что ему придется поступиться совсем малым. И даже если он не сможет писать так, как ему нравится, это продлится всего несколько лет, а потом он бросит эту работу и, заработав много денег, сможет стать абсолютно независимым и волен будет делать то, что считает нужным и важным. Он думал о своих друзьях и родных, о том, что смог бы для них сделать. Порой ему даже начинало казаться, что принять это предложение – его моральный долг, а отказ был бы лишь выражением его поблажек себе и проявлением эгоизма. Тем не менее ни один из этих доводов на самом деле не удовлетворял его, он продолжал сомневаться и не мог прийти к окончательному решению, пока однажды ему не приснился сон:

Я сижу в машине у подножия высокой горы, откуда начинается узкая и очень крутая дорога к вершине. Я сомневаюсь, ехать ли наверх, потому что дорога кажется очень опасной. Возле моей машины стоит человек и говорит, чтобы я ехал наверх и ничего не боялся. Я послушал его и решил последовать его совету. Я еду наверх, дорога становится все опаснее и опаснее. Но я не могу остановиться, и нет возможности развернуться. У самой вершины мотор заглох, тормоза как будто отказали, машина покатила назад и полетела в пропасть! Я проснулся в ужасе.

Чтобы лучше понять этот сон, нужно сказать еще об одной ассоциативной связи. Писатель сказал, что человек, посоветовавший ему ехать по горной дороге, был его бывший друг, художник, который «продался», стал модным портретистом и заработал много денег, но перестал создавать действительно творческие работы. Писатель знал, что, несмотря на свои успехи, его друг был несчастлив и страдал от того, что предал себя.

Истолковать сон не представляет труда. Высокая гора, на которую должен был взобраться писатель, – символ успешной карьеры, по поводу которой он должен был сделать свой выбор. Во сне он знает, что этот путь опасен. Он осознает, что, приняв новое предложение, он поступит точно так же, как его друг, сделает нечто такое, за что он его презирал и из-за чего разорвал с ним отношения. Во сне он понимает, что такое решение приведет к гибели. В сновидении это была гибель его физического «я», символизирующего его интеллектуальную и духовную ипостаси, которым и угрожает разрушение. Во сне этическая проблема предстала однозначно, и писатель понял, что ему придется делать выбор между «успехом», с одной стороны, и целостностью личности и счастьем – с другой. Он увидел, какова была бы его участь, если бы он принял неверное решение. В состоянии бодрствования он не смог ясно увидеть альтернативу. Он находился под влиянием «шума», который внушал ему, что его «идеализм» – это ребячество и проявление непрактичности, он оказался в плену многочисленных рационализаций, к которым обычно прибегают, чтобы заглушить голос совести. Писатель понимал, что во сне нам часто открывается большее, чем когда мы бодрствуем; сон расставил все на свои места, туман в его мозгу рассеялся, он ясно осознал варианты своего выбора и в конце концов сумел устоять перед соблазном и предпочел целостность личности ее разрушению.

Во сне нам удается не только глубже постигать взаимоотношения с окружающими, выносить более здравые суждения и предвидеть будущее; наша умственная деятельность во сне бывает иногда более активной, чем при бодрствовании. Это неудивительно, ибо проницательность требует определенной сосредоточенности, которой способствует состояние сна и которой мы, как правило, лишены, когда бодрствуем. Наиболее известный пример такого рода сновидений – сон ученого, открывшего бензольное кольцо. Он долго не мог

Фромм Эрих Забытый язык filosoff.org
найти химическую формулу бензола, и однажды ночью во сне верная формула предстала перед его глазами. Ему повезло, и он вспомнил ее, когда проснулся. Имеется множество примеров, когда люди, пытающиеся решить какую-то математическую, техническую, философскую или практическую задачу, с удивительной ясностью видят искомое решение однажды ночью, во сне. Иногда во сне человек осуществляет невероятно сложные мыслительные операции. Вот пример такого мыслительного процесса: надо, однако, отметить, что здесь содержится и элемент личностных особенностей. Этот сон приснился одной очень неглупой молодой женщине.
Мне приснилась кошка и много мышей. И я подумала, что завтра спрошу у мужа, почему сто мышей не сильнее одной кошки и почему они не могут одержать над ней верх. Я знала, что он ответит: это то же самое, что случилось в истории, когда один диктатор управляет миллионным городом, и народ не может его свергнуть. Но при этом я знала, что вопрос непростой и что ответ мужа неверен.
На следующее утро женщина рассказала мужу первую половину своего сна и спросила: «Что значит мой сон, будто сто мышей не могут победить одну кошку?» Он тотчас же ответил ей именно так, как она это и предполагала во сне. Через два дня она прочла мужу небольшое стихотворение собственного сочинения. В стихотворении речь шла о черной кошке, оказавшейся посреди заснеженного поля в окружении сотен мышей. Все мыши смеялись над кошкой оттого, что ее, черную, было очень хорошо видно на снегу, и кошке хотелось быть белой, чтобы ее было не так заметно. Одна строчка стихотворения была такая: «Я на загадку сна теперь нашла ответ».
Повторяя это стихотворение мужу, она не осознавала связи между стихотворением и сновидением. Но муж увидел эту связь и сказал: «Это стихотворение – разгадка твоего сна. Ты сравниваешь себя не с мышкой, как я было подумал, а с кошкой; во сне ты гордилась тем, что даже сотня мышей не могут с тобой справиться. Но при этом во сне ты чувствовала себя униженной оттого, что слабые мыши, над которыми ты ощущала такое превосходство, смеялись над тобой, хорошо разглядев тебя». (Надо сказать, что эта женщина очень любит кошек, испытывает к ним симпатию и считает их родственными существами.)

IV Фрейд и Юнг

Мое определение сновидений как любой умственной деятельности в состоянии сна во многих отношениях принципиально расходится с теорией Фрейда, хотя и основывается на ней. Я допускаю, что сны могут быть выражением как низших иррациональных, так и высших и наиболее ценных функций мозга. Фрейд же считает, что сны – это обязательно выражение сознательного. Позже я постараюсь показать, что в многовековой истории толкования снов можно проследить наличие всех трех позиций, когда утверждалось, что сны – это порождение либо только бессознательного, либо только сознательного, либо и того и другого. Прежде чем перейти к истории развития этих трех теоретических направлений, существовавших до Фрейда, я хочу остановиться на описании и обсуждении теории толкования снов Фрейда, поскольку это – первый, наиболее известный и наиболее значительный вклад в современную науку о толковании снов.
Толкование снов у Фрейда базируется на той же принципиальной концепции, которая лежит в основе всей его психологической теории: концепции о том, что человеком движут имеющиеся у каждого неосознаваемые чувства, стремления и желания. Он называл эти стремления «подсознанием» и подразумевал под этим, что мы не осознаем их, но нас удерживает от этого осознания некий сильный внутренний «цензор». По ряду причин, важнейшая из которых – боязнь потерять одобрение родителей и друзей, мы подавляем в себе эти стремления, оттесняя их в подсознание; осознание же их вызывает в нас чувство вины и страх наказания. Тем не менее то, что эти стремления вытесняются в подсознание, не означает, что они исчезают. На самом деле они остаются настолько сильными, что находят выражение в многочисленных формах, но при этом мы не осознаем, что они проникли как бы через заднюю дверь. Наше сознание считает, что избавилось от таких нежелательных ощущений и стремлений, и для него ужасна сама мысль о том, что они могли существовать. Когда же они возвращаются и обнаруживают свое присутствие, то предстают в настолько искаженном и неузнаваемом виде, что на уровне сознания мы не можем понять, что они означают.
Так же рассуждал Фрейд, объясняя неврозы. Он полагал, что сильные желания,

Фромм Эрих Забытый язык filosoff.org
оттесняемые в подсознание «цензором», находят выражение в определенных симптомах невроза; но, поскольку они проявляются в замаскированном виде, мы осознаем только свои страдания, связанные с неврозом, и подспудные желания не находят удовлетворения. Таким образом, Фрейд впервые установил, что неврозы определяются внутренними процессами и имеют определенный смысл, нужно лишь найти ключ к их пониманию. Этот вывод можно проиллюстрировать примером. Женщина жалуется, что всякий раз, после того как она до чего-нибудь дотронется, у нее возникает потребность вымыть руки. Этот симптом, естественно, ее очень беспокоит, мешает ей во всем, что бы она ни делала, и она от этого очень страдает. Она не знает, почему у нее возникает такое желание. Все, что она может сказать, это то, что, если она пытается не делать этого, у нее возникает непреодолимое чувство тревоги. Сам факт, что она вынуждена подчиняться желанию, завладевшему ею без всякой причины, доставляет ей еще больше страданий. Анализируя ее фантазии и свободные ассоциации, можно обнаружить, что пациентка борется с сильным чувством враждебности. В действительности начало ее болезни совпадает с изменой мужа, который завел роман с другой женщиной и оставил ее внезапно и жестоко. Она всегда была зависима от своего мужа и никогда не осмеливалась осудить его или перечить ему. Даже тогда, когда муж заявил, что собирает ее бросить, она не сказала ни слова, ни в чем его не упрекнула, не обвинила, не рассердилась. Но болезнь овладела ею именно в этот период. В ходе дальнейшего анализа выяснилось, что у пациентки был жестокий и властный отец, которого она боялась, но не смела открыто сердиться или упрекать его. Анализ показал также, что ее мягкость и смирение не означали, что она не испытывала гнева. Напротив, гнев копился подспудно и не проявлялся в поведении; он находил выход в ее фантазиях: иногда она представляла себе, что отец умер, убит или покалечен. Ненависть и желание отомстить становились все сильнее, но чувство страха и угрызения совести заставляли ее почти полностью подавлять такие желания. Поступок мужа возродил это сдерживаемое чувство и подлил масла в огонь. Но и теперь она не смогла ни выразить, ни даже почувствовать свой гнев. Если бы она осознавала свою враждебность, у нее возникло бы желание его убить или хотя бы как-то навредить ему, и тогда невроз, может быть, не развился бы. Но она не смогла осознать охватившей ее враждебности. Невроз, которым страдала пациентка, и был реакцией на враждебность. Подсознательно она воспринимала прикосновение к какому-либо предмету как попытку его уничтожить, и ей нужно было вымыть руки, чтобы очиститься, освободиться от разрушительного действия. Как будто руки у нее были в крови и ей нужно было снова и снова смывать эту кровь. Потребность мыть руки была реакцией на феномен враждебности, попыткой избавиться от совершенного преступления; она осознавала лишь свою навязчивую потребность, но не понимала ее причин. Таким образом, как только удалось проникнуть в область бессознательного, где и были корни поведения женщины, выявился смысл симптома, казавшегося бессмысленным действием. Мытье рук было средством справиться, хоть и подсознательно, со своим гневом и с помощью этого ритуала избавиться от чувства вины. Научившись понимать процессы, происходящие в подсознании, Фрейд пришел к открытию, которое проливает свет на поведение человека в повседневной жизни. Это позволило ему объяснить такие феномены, как внезапное исчезновение чего-то из памяти, оговорки, которые озадачивали многих исследователей и которым не находилось объяснения. Нам всем знакомо такое явление, когда мы не можем вспомнить какое-то имя, которое мы хорошо знаем. Конечно, этому может быть немало причин, но, как обнаружил Фрейд, часто это можно объяснить тем, что нечто у нас не хочет думать об этом имени, поскольку оно ассоциируется со страхом, злобой или другим подобным чувством. И желание избавиться от этой болезненной ассоциации приводит к тому, что имя выпадает из памяти. Как сказал однажды Ницше: «Память мне подсказывает, что я сделал это, гордость говорит, что я не мог этого сделать. И память уступает». Мотивом таких нечаянных недоразумений не обязательно служит чувство страха или вины. Если человек, встречаясь с кем-то, вместо «здравствуйте» нечаянно произносит «до свидания», тем самым он дает выход своему настоящему чувству: он хотел бы тут же уйти или совсем не хотел бы встречаться с этим человеком. Соблюдая условности, он не может открыто выразить свои чувства; тем не менее его неприязнь проявляется, так сказать, за его спиной: на языке оказываются именно те слова, которые выражают его истинные чувства, хотя сознательно он собирался показать, что рад встрече. Сновидения являются еще одной стороной поведения, которое Фрейд считает выражением бессознательных желаний. Он полагает, что в сновидениях, так же как и в неврозах и оговорках, находят выражение бессознательные желания, от осознания которых нас удерживает внутренний контроль, когда мы находимся в состоянии бодрствования. Эти подавленные мысли и чувства оживают и

проступают во время сна, и мы называем их сновидениями. Из этой общей концепции сновидений вытекает ряд более конкретных допущений. Наша жизнь во сне мотивируется бессознательными желаниями. Во сне оживают побуждения, существование которых мы не хотим или не осмеливаемся признавать, когда бодрствуем. Во сне находят выход иррациональная ненависть, честолюбие, ревность, зависть и в особенности кровосмесительные или извращенные сексуальные желания, которые мы стараемся исключить из сознания. Фрейд считает, что такие бессознательные желания есть у всех; мы подавляем их, подчиняясь требованиям общества, но не можем полностью от них избавиться. Во время сна контроль сознания ослабевает, и эти желания выходят наружу и становятся явными в сновидениях.

Фрейд идет еще дальше. Он связывает теорию сновидений с функцией сна. Сон есть физиологическая потребность, и организм старается как можно лучше его оберегать. Если бы мы испытывали во сне сильные бессознательные желания, они бы беспокоили нас, и мы в конце концов проснулись бы. Эти желания, очевидно, мешают осуществлению биологической потребности оставаться спящим. Что же мы тогда делаем, чтобы сохранить сон? Мы воображаем, что желания исполнились, и испытываем чувство удовлетворения, а не фрустрации, которая бы нас беспокоила.

Фрейд приходит к мысли, что суть сновидений заключается в воображаемом исполнении бессознательных желаний; функция сновидений, таким образом, состоит в том, чтобы сохранить сон. Это объяснение легче понять в тех ситуациях, когда желание не является бессознательным, а содержание сновидений не искажается в отличие от «обычного» сновидения, как его называл Фрейд. Допустим, человек съел перед сном очень соленое блюдо, и всю ночь ему сильно хочется пить. Ему может сниться, что он ищет, где бы попить, находит колодец и пьет в изобилии прохладную и приятную воду. Вместо того чтобы проснуться и утолить свою жажду, он удовлетворяется иллюзией того, что пьет, и это позволяет ему спать, не просыпаясь. Нам всем знакомо такое воображаемое удовлетворение, когда мы просыпаемся от звонка будильника и в этот же момент нам снится, что это звонит колокол в церкви, и мы думаем, что сегодня воскресенье и не надо вставать так рано. Здесь также сновидение выполняет функцию охраны сна. Фрейд предполагает, что такое простое исполнение желаний, которые по сути не являются бессознательными, редко бывает у взрослых, чаще – у детей, и что в основном суть сновидений состоит в исполнении не таких рациональных желаний, а иррациональных, подавляемых в состоянии бодрствования.

Второе допущение Фрейда о природе сновидений состоит в том, что корни бессознательных желаний, исполняющихся в сновидении, заложены в детстве, что когда-то, когда мы были детьми, эти желания были явными, а потом продолжили жить подспудно и теперь проявляются в сновидениях. В основе этих представлений лежит допущение Фрейда об иррациональности детства вообще. Фрейд считал, что для ребенка характерно множество асоциальных побуждений. Так как его физических сил и знаний недостаточно, чтобы поступать в соответствии с этими побуждениями, он не может причинить вреда, и нет необходимости защищаться от его злых намерений. Но если рассматривать суть этих побуждений, а не их практический результат, то ребенок предстает асоциальным и аморальным существом. В первую очередь это касается его сексуальных побуждений. По Фрейду, все эти сексуальные побуждения, которые, встречаясь у взрослого, рассматриваются как извращения, являются составной частью нормального сексуального развития ребенка. У младенца сексуальная энергия (либидо) сосредоточена в области рта, потом она связывается с дефекацией и, наконец, сосредоточивается вокруг половых органов. У маленького ребенка наблюдаются активные проявления садистских и мазохистических наклонностей. Это маленький эксгибиционист и любитель подглядывать. Он не способен любить кого-либо; это нарциссическая личность, он любит исключительно одного себя. Он крайне ревнив и испытывает деструктивные побуждения по отношению к своим соперникам. В сексуальных переживаниях маленький мальчик и маленькой девочки преобладают инцестуальные устремления. Они испытывают сильную сексуальную привязанность к родителю противоположного пола и ревность и ненависть к родителю того же пола. Только страх быть наказанным своим соперником заставляет ребенка подавлять свои кровосмесительные желания. Примеряя к себе приказы и запреты отца, маленький мальчик преодолевает ненависть к нему, и ей на смену приходит желание во всем походить на отца. Формирование совести – результат проявления Эдипова комплекса.

Представления Фрейда о ребенке примечательным образом сходны с представлениями св. Августина. Одно из главных доказательств заложенной в человеке греховности Августин видел в порочности маленького ребенка. Он рассуждал так: человек, должно быть, изначально порочен, поскольку ребенок порочен еще до того, как у него появляется возможность обучиться дурному от

окружающих и испортиться под влиянием дурных примеров. Фрейд, как и Августин, не обращает внимания на другие качества ребенка, которые могли бы по крайней мере уравновесить картину: детскую непосредственность, отзывчивость, умение безошибочно понимать людей, способность распознавать отношение людей независимо от того, что они говорят, неутомимое стремление познать мир; короче говоря, все то, за что мы восхищаемся детьми и любим их и благодаря чему сложилось представление о том, что детские качества во взрослых – ценнейшее богатство. Фрейд сосредоточивался главным образом на проявлениях порочности в ребенке по многим причинам. Одна из них состоит в том, что в викторианскую эпоху появилась идея или иллюзия о «невинности» младенца. Предполагалось, что у ребенка не возникает сексуальных желаний или других «дурных» побуждений. Когда Фрейд выступил против этого общепринятого представления, его обвинили в попытке опорочить невинность ребенка и в нападках на одну из высших ценностей, почитавшихся в семье викторианской эпохи. Понятно, что в этой борьбе Фрейд впал в другую крайность и описывал ребенка односторонне, выявляя лишь его порочность. Еще одной причиной для такой оценки ребенка по служило то, что Фрейд считал главной функцией общества подавление безнравственных и асоциальных побуждений в человеке и формирование таким способом адекватных социальных качеств; такое преобразование зла в добро осуществляется с помощью механизмов, которые Фрейд называет «формированием реакции» и «сублимацией». Подавление такого дурного побуждения, как, например, садизм, ведет к формированию противоположного побуждения – благожелательности, роль которой заключается в том, чтобы удерживать подспудный садизм от проникновения в мысли, действия или чувства. Под сублимацией Фрейд понимает явление, при котором порочное побуждение отделяется от первоначального асоциального замысла и используется для более высоких и общественно значимых целей. В качестве примера можно привести человека, который сублимировал свое побуждение причинять боль, став искусственным хирургом. Фрейд считает, что благожелательность, любовь, созидательные начала в человеке не первичны; он утверждает, что это вторичные проявления, возникающие из потребности подавлять изначально порочные стремления. Культура, по его представлению, есть результат такого подавления. У Фрейда в отличие от Руссо человеком движут изначально порочные мотивы. Чем дальше развивается общество и чем сильнее оно вынуждает человека подавлять эти мотивы, тем в большей мере он овладевает умением строить реакции и сублимировать. Чем выше уровень культуры, тем выше степень подавления. Однако, поскольку способность формирования реакции и сублимации ограничена, это усиливающееся подавление часто не достигает цели. Изначальные желания возрождаются и, хотя они не могут осуществляться открыто, приводят к неврозам. Таким образом, Фрейд допускает, что человек неизбежно сталкивается с противоречием. Чем выше уровень развития культуры, тем сильнее подавление и тем больше неврозов. В таком случае следует допустить, что ребенок остается, по сути, безнравственным до тех пор, пока не попадает под контроль общественных требований; и даже этот контроль не может справиться со всеми порочными порывами, которые продолжают существовать в подавленном состоянии. Есть еще одна причина, заставлявшая Фрейда подчеркивать иррациональность ребенка. Анализируя свои собственные сновидения, он был поражен тем, что даже у нормального, психически здорового взрослого человека можно обнаружить такие иррациональные чувства, как ненависть, ревность, честолюбие. В конце девяностых годов прошлого века и в начале нынешнего [6] считалось, что между больным и здоровым человеком существует четкое различие. Невозможно было поверить, что нормальный добропорядочный гражданин должен или может испытывать различные «безумные» желания, проявляющиеся в его сновидениях. Как можно было объяснить проявление во сне этих желаний, не разрушив представление о нем как о здоровом «нормальном» взрослом человеке? Фрейд разрешил трудность, допустив, что эти проявляющиеся в сновидениях желания – выражение сущности ребенка, сохранившейся в человеке и оживающей в сновидениях. Идея состоит в том, что некоторые детские побуждения оказались в подавленном состоянии и, существуя в области подсознания, возникают в сновидениях – правда, в искаженном и замаскированном виде, поскольку даже во сне взрослый человек избегает полного их осознания. Вот один из снов Фрейда, который он анализирует в своей книге о толковании сновидений для иллюстрации этого вывода: «Сновидение состояло из двух мыслей и двух образов. Я привожу здесь, однако, лишь первую половину его, так как другая не имеет ничего общего с той целью, ради которой я сообщаю здесь это сновидение. I. Коллега Р. – мой дядя. Я питаю к нему нежные чувства. II. Он очень изменился. Лицо его вытянулось, мне бросается в глаза большая рыжая борода. Толкование этого сновидения я совершил приблизительно следующим образом.

Когда, проснувшись, я вспомнил о сновидении, я только рассмеялся и подумал: какая бессмыслица! Но от сновидения я не мог отделаться, и оно весь день преследовало меня, пока я наконец вечером не упрекнул себя: если бы кто-нибудь из твоих пациентов сказал про свое сновидение – какая бессмыслица, то ты, на верное, рассердился бы на него или подумал, что позади скрывается какая-нибудь неприятная мысль, сознавать которую он не хочет. Ты поступаешь совершенно так же; твоё мнение, будто сновидение бессмыслица, означает лишь твоё внутреннее нежелание истолковать его. Это непоследовательно с точки зрения твоих убеждений.

Я принялся за толкование. «Р. – мой дядя» – что это значит? У меня был ведь всего один дядя, дядя Иосиф[7]. С ним произошла чрезвычайно печальная история. Однажды – теперь тому уже больше тридцати лет – он, поддавшись искушению нажать крупную сумму, совершил поступок, тяжело караемый законом. Отец мой, посевший в то время в несколько дней от горя, говорил потом очень часто, что дядя Иосиф не дурной человек, а просто «дурак», – как он выражался. Если, таким образом, коллега Р. – мой дядя Иосиф, то тем самым я хочу, наверное, сказать: Р. – дурак. Маловероятно и очень непонятно. Но тут я вспоминаю лицо, виденное мною во сне, вытянутое, с рыжей бородой. У дяди моего действительно такое лицо, вытянутое, обрамленное густой белокурой бородой. Мой коллега Р. был темным брюнетом, но когда брюнеты начинают седе́ть, то их черные волосы претерпевают довольно некрасивую метаморфозу. Они становятся сперва рыжими, желтовато-коричневыми и наконец седыми. В этой стадии и находится борода моего коллеги Р., впрочем, также и моя, что недавно заметил я, к своему большому неудовольствию. Лицо, виденное мною во сне, принадлежит одновременно и моему коллеге Р., и моему дяде. Не подлежит поэтому никакому сомнению: я действительно думаю, что мой коллега Р. – дурак, как и мой дядя. Я не предполагаю еще, с какой целью я произвел это сопоставление, против которого решительно восстаю. Оно, однако, довольно поверхностно, так как мой дядя был преступником, коллега же Р. никогда не имел касательства к суду. Он привлекался к ответственности однажды за то, что велосипедом сбил с ног какого-то мальчика. Неужели же этот поступок послужил причиной сопоставления? Но ведь это значило бы, что мое сновидение действительно было бессмыслицей. Неожиданно мне приходит в голову другой разговор на эту тему, который я вел несколько дней тому назад с другим моим коллегой Н. Я встретил Н. на улице; он тоже кандидат в профессора; он узнал о сделанном мне предложении и поздравил меня. Я отклонил его поздравление: «Именно вам не следовало бы шутить – ведь вы же сами знаете цену таких предложений». Он ответил, по-видимому, не очень серьезно: «Нельзя знать. Против меня ведь имеется серьезное возражение. Разве вы не знаете, что одна особа когда-то возбудила против меня судебное преследование? Мне нечего вам говорить, что дело не дошло даже до разбирательства: это было самое низкое вымогательство, мне пришлось потом выгораживать обвинительницу от привлечения к суду за недобросовестное обвинение. Но, быть может, в министерстве знают об этом и считаются с этим до некоторой степени. Вы же никогда ни в чем не были замешаны». Вот передо мною и «преступник» – а вместе с тем и толкование моего сновидения. Мой дядя Иосиф совмещает в своем лице двух не назначенных профессорами коллег, одного в качестве «дурака», другого в качестве «преступника». Я понимаю теперь также и то, какую цель имело это совмещение. Если в отсрочке назначения моих коллег Р. и Н. играли роль соображения вероисповедания, то и мое назначение подвержено большому сомнению; если же утверждение обоих обусловлено другими причинами, не имеющими ко мне никакого отношения, то я все же могу надеяться. Мое сновидение превращает одного из них, Р., в «дурака», другого, Н., в «преступника», а же ни тот ни другой; общность наших интересов нарушена, я могу радоваться своему близкому утверждению – меня не касается ответ, полученный коллегой Р. от высокопоставленного лица. Я не останавливаюсь, однако, на этом толковании своего сновидения. Оно недостаточно еще для меня ясно, я все еще обеспокоен тем легкомыслием, с которым я отношусь к двум своим уважаемым коллегам, имея лишь в виду открыть себе путь к профессуре. Моё недовольство собственным поведением понизилось, однако, с тех пор как я понял, что означает это мое поведение. Я категорически отрицаю, что действительно считаю коллегу Р. дураком, и не верю в грязную подкладку обвинения, предъявленного коллеге Н.. Тем не менее, повторяю, сновидение нуждается, на мой взгляд, в дальнейшем толковании. Я вспоминаю, что сновидение содержит еще один элемент, на который толкование до сих пор не обращало внимания. В сновидении я питал нежное чувство к своему дяде. К кому относится это чувство? К своему дяде Иосифу я, конечно, нежных чувств никогда не питал. Коллега Р. мне очень дорог, но если бы я пришел к нему и выразил словами свою симпатию, которая хотя бы приблизительно соответствовала нежному чувству в сновидении, то он, наверное, очень бы удивился. Моя нежность по отношению к нему кажется мне

неискренней и преувеличенной, все равно как мое суждение относительно его духовных способностей: но преувеличенной, конечно, в обратном смысле. Я начинаю понимать суть дела. Нежные чувства в сновидении от носятся не к явному содержанию, а к мыслям, скрытым позади сновидения: они находятся в противоречии с этим содержанием; они, вероятно, имеют целью скрыть от меня истинный смысл сновидения. Я припоминаю, с каким неудовольствием приступил я к толкованию этого сновидения, как я старался его откладывать и думал, что мое сновидение – чистейшая бессмыслица. Мои психоаналитические занятия нередко показывали мне, какое значение имеет такое нежелание истолковать сновидение. Оно в огромном большинстве случаев не относится к действительному положению дел, а лишь выражает известное чувство. Когда моя маленькая дочурка не хочет яблоко, которым ее угощают, то она утверждает, что яблоко – горькое, хотя на самом деле она его даже и не попробовала. Когда мои пациентки ведут себя совсем как моя дочурка, то я знаю, что у них речь идет о представлении, которое им хотелось бы оттеснить. То же самое следует сказать о моем сновидении. Я не хотел его толковать, потому что толкование его содержало нечто для меня неприятное. Теперь же, после этого толкования, я знаю, что именно мне было так неприятно: утверждение, будто коллега Р. «дурак». Нежные чувства, которые я питаю к коллеге Р., я не могу отнести к явному содержанию сновидения, а только к этому моему нежеланию. Если мое сновидение по сравнению с его скрытым содержанием производит в этом отношении искажение, то проявляющееся в сновидении нежное чувство служит именно этому искажению, или, другими словами: искажение проявляется здесь умышленно, как средство маскировки. Мои мысли, скрытые в сновидении, содержат своего рода клевету на Р., чтобы я не замечал, что сновидение изображает прямую противоположность». [8]

«Я продолжу здесь толкование сновидения, из которого мы уже однажды сделали один ценный вывод – сновидения о дяде. Толкование его показало нам, что в основе его лежит несомненное желание быть назначенным профессором; нежные чувства, проявленные в сновидении к другу Р., мы объяснили моим протестом против оскорбления обоих коллег, бывшим налицо в скрытом содержании сновидения. Так как это снилось мне самому, то я могу продолжить анализ, сказав, что отнюдь не был удовлетворен найденными разъяснениями. Я знал, что мое суждение о коллегах, вошедших в содержание сновидения, было действительно совершенно иным; сила желания не разделить их судьбу относительно получения профессорского звания казалась мне чересчур незначительной, чтобы разъяснить всецело противоречие между моим суждением в бодрствующем состоянии и в сновидении. Если мое стремление получить этот титул настолько сильно, то оно свидетельствует о болезненном честолюбии, от которого я, насколько мне известно, чрезвычайно далек. Не знаю, что сказали бы по этому поводу мои друзья и знакомые; быть может, я действительно честолюбив, но, наверное, мое честолюбие не зашло бы так далеко, если бы речь шла всего лишь о звании экстраординарного профессора.

Откуда же это честолюбие, приписанное мне сновидением? Я вспоминаю, что в детстве мне часто рассказывали, что при моем рождении какая-то старуха крестьянка предсказала моей матери, что она подарила жизнь великому человеку. Такое предсказание не может никого удивить. Есть много счастливых матерей, которые охотно обращаются за предсказанием ко всяким ворожеем. Неужели же мое честолюбие проистекает из этого источника? Однако я припоминаю еще одно аналогичное впечатление от моего детства, которое, пожалуй, даст еще более правдоподобное объяснение. Однажды вечером в одном из ресторанов на Пратере, куда меня часто брали с собою родители (мне было тогда одиннадцать или двенадцать лет), мы увидели человека, ходившего от стола к столу и за небольшой гонорар импровизировавшего довольно удачные стихотворения. Родители послали меня пригласить импровизатора к нашему столу. Желая меня за это поблагодарить, он, подойдя к нам, составил в честь меня стихотворение, в котором пророчествовал, что я стану министром. Впечатление от этого второго пророчества я живо помню. Это было как раз время гражданского министерства; отец незадолго до этого принес домой портреты новых министров. Среди них были даже евреи, и каждый подававший надежды еврейский мальчик видел перед собою министерский портфель. Больше того, с этим впечатлением было связано впоследствии и мое желание поступить на юридический факультет, которое лишь в последний момент было мною изменено. Медику министерская карьера была недоступна. Обращаюсь снова к своему сновидению. Я начинаю понимать, что оно перенесло меня из печального настоящего в полное надежд время гражданского министерства и исполнило мое тогдашнее желание. Оскорбив обоих своих уважаемых коллег только за то, что они евреи, и назвав одного «дураком», а другого «преступником», я играю своего рода роль министра – я попросту занял в сновидении министерское кресло. Какая-то месть его превосходительству! Он отказывает в утверждении меня экстраординарным профессором, а я в отместку за это занимаю в

сновидении его место». [9]

Толкование этого сновидения – прекрасная иллюстрация склонности Фрейда считать такие иррациональные побуждения, как честолюбие, несовместимыми со взрослой личностью и, таким образом, рассматривать их как проявление детской сущности в человеке. Из сновидения ясно видно, что в этот момент в самом деле проступило честолюбие Фрейда. Но он решительно отрицает, что способен испытывать это чувство так сильно. В действительности блестяще описанный ход рассуждений представляет собой хороший пример процесса рационализации. Фрейд рассуждает так: «Если мое стремление получить этот титул (здесь он пытается затушевать главное в истинном положении вещей – престиж, связанный с этим титулом) настолько сильно, то оно свидетельствует о болезненном честолюбии». А от этого честолюбия он, по его мнению, «чрезвычайно далек». Но, даже допустив, что окружающие могут все же счесть его честолюбивым, он утверждает, что это, вероятно, не связано с его желанием получить титул профессора. Таким образом, он вынужден был допустить, что честолюбие относится к его детским желаниям, а не к его нынешней взрослой личности. Конечно, такие побуждения, как честолюбие, действительно развиваются в характере ребенка и коренятся в раннем детстве, но при этом нельзя утверждать, что они представляют собой нечто, не имеющее отношения к взрослой личности. Говоря о нормальной личности, такой, как он, Фрейд чувствует необходимость разграничения между ребенком и взрослым в личности человека. В наше время это разграничение не проводится столь резко, что отчасти, возможно, объясняется влиянием Фрейда. Даже нормальный человек – и это признают очень многие – может быть движим любыми иррациональными желаниями; это его желания, хотя корнями они уходят в раннее детство.

До сих пор мы рассматривали только один аспект теории сновидений Фрейда. Он понимает сны как воображаемое осуществление вытесненных желаний, и в особенности сексуальных желаний, зародившихся в раннем детстве и полностью не преобразованных в результате формирования реакции или сублимации. Когда контроль сознания ослабевает, эти желания предстают исполненными, как в случае сновидений. Однако если бы вытесненные желания, проявляющиеся во сне, можно было бы осуществить в реальной жизни, наши сны не вызывали бы такого чувства неловкости и не выглядели бы загадкой. Нам редко снится, что мы совершаем убийство, кровосмесительные или другие преступления, и даже если это бывает, исполнение таких желаний не доставляет нам радости. Фрейд объясняет это, предполагая, что в состоянии сна наш внутренний моральный цензор тоже наполовину спит. Так мыслям и фантазиям удается проникнуть в спящее сознание. Если бы внутренний цензор совсем не спал, он бы их туда не допустил. Цензор бодрствует как раз настолько, чтобы не позволить запретным мыслям проявиться ясно и однозначно. Если роль сновидений заключается в том, чтобы оберегать сон, то вытесненные желания, проявляющиеся во сне, должны быть достаточно замаскированы, чтобы его обмануть. Подобно симптомам невроза, они представляют собой сочетание подавляемых желаний «Ид» и подавляющей силы контролирующего «суперэго». Иногда случается, что этот механизм маскировки не срабатывает как следует, сновидение становится слишком очевидным, чтобы цензор мог его проглядеть, и мы просыпаемся. Следовательно, допущение Фрейда сводится к тому, что главной чертой языка сновидений является маскировка и искажение бессознательных желаний, что позволяет нам спокойно спать. Эти представления оказали важное влияние на понимание Фрейдом значения символов. Он считает, что главная функция символа – замаскировать и исказить суть скрытого желания. Язык символов понимается как некий «тайный код», а толкование сновидений – как его расшифровка.

Предположив, что содержание снов иррационально и связано с детской частью личности, выполняя в то же время функцию маскировки, Фрейд пришел к более узкой концепции языка сновидений, чем та, которую я предложил, говоря о языке символов. По Фрейду, язык символов – это не язык, особым образом выражающий всякое чувство или мысль, а язык, который выражает лишь некоторые примитивные инстинктивные желания. Подавляющее большинство символов имеют сексуальную природу. Мужской половой орган символизируется палками, деревьями, ножами, карандашами, молотками, самолетами и многими другими предметами, которые могут представлять его либо по форме, либо по функции. Точно так же женский половой орган представляется в виде пещер, бутылок, коробок, дверей, футляров для украшений, садов, цветов и т. д. Половое удовольствие выражается в таких действиях, как танцы, верховая езда, скалолазание, полеты. Выпадение волос или зубов – символ кастрации. Кроме элементов такой природы, символы выражают фундаментальные переживания маленького ребенка. Отец и мать предстают в образе короля и королевы, императора или императрицы, дети видятся в образе детенышей животных, символ смерти – поездка.

В своем толковании снов Фрейд тем не менее чаще использует случайные, чем универсальные символы. Он считает, что для того чтобы истолковать сон, его надо расчленить на несколько частей и, таким образом, разрушить его полулогическую последовательность. Затем надо попытаться выяснить, какие мысли возникают у пациента по поводу каждой части, то есть выявить «задние мысли», стоящие за каждым элементом сновидения. Если соединить этот ряд мыслей свободными ассоциациями, получится новый текст, обладающий внутренней согласованностью и логикой и раскрывающий истинный смысл сновидения.

Истинное содержание сновидения, выражающее вытесненные желания, Фрейд называет скрытым содержанием. Замаскированный вариант сна, как мы помним, – это его «явное содержание», а процесс искажения и маскировки скрытого сна Фрейд называет «работой сновидения». Главными механизмами, с помощью которых скрытое содержание преобразуется в явное, являются сгущение, оттеснение, или смещение [10], и вторичная обработка. Говоря о сгущении, Фрейд имеет в виду, что явный текст сна намного короче, чем скрытый. В него не входят некоторые элементы скрытого содержания, фрагменты различных элементов комбинируются и совмещаются в одном новом элементе явного содержания. Если человеку, например, снится мужчина, которого тот боится, то в явном содержании сна он может быть с такими же волосами, как у его отца, с лицом, похожим на лицо школьного учителя, которого человек в свое время боялся, и в такой же одежде, как у его начальника. Или, если снится ситуация, в которой человек чувствовал себя расстроенным и несчастным, ему может присниться дом, крыша которого похожа на крышу дома, где он когда-то испытывал подобное переживание, а комната по форме напоминает комнату в другом доме, связанную с тем же переживанием. В явном содержании сна оба эти элемента появляются в собирательном образе одного дома. Эти примеры показывают, что в одном образе совмещаются только элементы, идентичные по эмоциональному содержанию. Процесс сгущения легко понять, учитывая природу языка символов. Если для внешней действительности важно, что речь идет о двух разных людях или предметах, то с точки зрения внутренней реальности этот факт значения не имеет. Важно то, что они взаимосвязаны и выражают одно и то же эмоциональное переживание.

Смещением Фрейд называет явление, при котором какой-то, часто очень важный, элемент скрытого содержания сна выражается в явном содержании через далекий от него элемент, который, как правило, кажется совсем незначительным. В результате психически ценные элементы часто предстают в явном содержании сновидения как не имеющие особого значения, так что истинный смысл сновидения маскируется.

Под вторичной обработкой Фрейд понимает завершение процесса маскировки. Заполняются пробелы в явном содержании сна, исправляются несоответствия; в результате явное содержание сновидения приобретает форму логически увязанной истории, за фасадом которой скрыта волнующая и серьезная драма. Фрейд отмечает еще два фактора, затрудняющие понимание сновидений и тоже выполняющие искажающую функцию работы сна. С одной стороны, отдельные элементы сновидения часто изображаются через свою противоположность. Если снится, что ты одет, это может означать наготу, быть богатым может означать бедность, чувство глубокой привязанности могут заменять враждебность и гнев. С другой стороны, явное содержание сна не отражает логическую связь между отдельными элементами. Во сне не бывает «но», «поэтому», «потому что», «если», но эти логические связи выражаются в соотношении образов. Человеку может, например, присниться, как кто-то встает, поднимает руки и потом превращается в цыпленка [11]. На обычном языке этот образ во сне может означать представление, что приснившийся старается выглядеть сильным, но на самом деле он слаб и труслив, как цыпленок. В явном содержании сна это логическое соотношение выражается последовательностью двух образов.

К этому краткому резюме теории сновидений Фрейда следует сделать одно важное дополнение. Фрейд подчеркивает, что в основе природы сновидений лежат детские переживания, и это может создать впечатление, что он связывает сновидения в первую очередь не с настоящим, а с прошлым. Однако это совсем не так. Фрейд считает, что источник сновидения – это всегда свежие впечатления, полученные, как правило, в тот же день или накануне. Но возникновение сновидения обусловлено только теми впечатлениями, которые связаны с ранними детскими желаниями. В основе сновидения лежит сильное детское переживание, но сновидение не возникло бы без свежего впечатления, затронувшего это переживание и позволившего ему ожить именно в этот момент. Это утверждение можно разъяснить с помощью простого примера. Человек, работающий под началом авторитарного руководителя, может испытывать перед ним беспричинный страх, потому что в детстве боялся отца. Ночью, после того как начальник сделал ему какое-то замечание, ему снится кошмар: является человек, похожий одновременно и на отца, и на начальника, и хочет его

Фромм Эрих Забытый язык filosoff.org
убить. Если бы этот человек в детстве так не боялся отца, замечание начальника не испугало бы его. Но если бы начальник в тот день не рассердился, подспудный страх бы не ожил и сновидения не было. Читатель сможет гораздо лучше представить себе метод Фрейда, увидев, как он применяет только что описанные принципы к толкованию конкретных сновидений. В первом из двух приводимых здесь примеров рассматриваются сновидения о наготы, являющейся универсальным символом. Во втором сновидении используются почти исключительно случайные символы.

Сновидения о наготы, вызывающие чувство неловкости

«Сновидение о том, что человек, голый или дурно одетый, разгуливает в присутствии других, наблюдается и без всякого сопутствующего чувства стыдливости. Однако сновидение о наготы интересует нас лишь в том случае, когда вместе с ним субъект ощущает стыд и смущение и хочет убежать или спрятаться и при этом испытывает своеобразное чувство связанности – он не может сдвинуться с места или не может изменить неприятной ситуации. Лишь в этом смысле сновидение типично: содержание его в других отношениях может представлять самые различные вариации и индивидуальные особенности. Речь идет главным образом о неприятном ощущении стыда, о том, что субъект хочет скрыть свою наготы, но не может. Я думаю, что большинству моих читателей прекрасно знакомо такое сновидение. Характер «неглиже» обычно чрезвычайно неопределен. Хотя и слышишь часто: «Я был в сорочке», но это очень редко снится в отчетливом виде; большая часть «неглиже» настолько смутна, что она передается в последующем рассказе альтернативой: «Я была либо в сорочке, либо в нижней юбке». Дефекты туалета обычно не настолько существенны, чтобы оправдать довольно интенсивное чувство стыда. Для того, кто носит офицерский мундир, наготы часто заменяется незначительным нарушением формы. Я иду по улице без шапки и вижу офицеров, – или без галстука, – или на мне полосатые брюки и т. п. Люди, которых стыдится спящий, по большей части всегда чужие. Никогда в этих типических сновидениях не наблюдается, что дефекты туалета, вызывающие такого рода стыдливость, замечаются кем-либо или влекут за собою какие-нибудь последствия. Люди делают, наоборот, совершенно безразличные физиономии или, как я подметил в одном чрезвычайно отчетливом сновидении, носят как бы торжественно чопорные маски. Это наводит на размышление. Чувство стыдливости у спящего и безразличие встречаемых людей образуют противоречие, часто вообще возникающее в сновидении. Ощущению спящего должно было бы сопутствовать удивление, осмеяние или даже возмущение со стороны окружающих. Я пола гаю, однако, что эта необходимая особенность устраняется осуществлением желания, между тем как другая, сдерживаемая какой-то силой, продолжает оставаться – и обе они не гармонируют друг с другом. У нас имеется одно интересное доказательство того, что сновидение в своей частично искаженной осуществлением желания форме не встречает правильного понимания. Это сновидение послужило основой одной сказки, известной в изложении Андерсена: «Новое платье короля». В этой сказке рассказывается о двух обманщиках, которые соткали для короля драгоценное платье, видимое, однако, лишь добрым и верным подданным. Король выходит на улицу в этом невидимом платье, и, преисполненные магической силой, все делают вид, будто не замечают наготы короля. Последнее воспроизводит, однако, ситуацию нашего сновидения. Не нужно особой смелости, чтобы утверждать, что непонятное содержание сновидения дает повод к представлению о наготы, в котором вспоминаемая ситуация находит свой смысл. Ситуация эта вместе с тем лишается своего первоначального значения и служит чуждой ей цели. Мы услышим, однако, что такое понимание содержания сновидения сознательным мышлением двух психических систем наблюдается очень часто и должно быть признано в качестве окончательного формирования сновидения; мы узнаем далее, что при образовании навязчивых представлений и фобий доминирующую роль играет такое же понимание – опять-таки в сфере той же самой психической личности. Мы можем и относительно нашего сновидения сказать, откуда взят им материал для превращения. Обманщики – это сновидение, король – сам спящий, а морализирующая тенденция обнаруживает смутное сознание того, что в скрытом содержании сновидения речь идет о недозволенных желаниях, подвергшихся процессу оттеснения. Общий комплекс, в котором проявляются такие сновидения в моих анализах невротиков, не оставляет никакого сомнения по поводу того, что в основе сновидения лежит воспоминание раннего детства. Лишь в детстве было время, когда мы показывались перед нашими близкими, воспитателями, прислужкой и гостями недостаточно одетыми и в то время не стыдились своей наготы[12]. У многих

детей можно наблюдать даже в старшем возрасте, что раздевание отнюдь не вызывает у них чувства стыда. Они смеются, прыгают, хлопают себя по телу – мать запрещает им это делать, говорит: «Фу, как тебе не стыдно». Дети обнаруживают часто эксгибиционистские наклонности. Пройдитесь по любой деревне, и вы обязательно увидите трех-четырехлетнего ребенка, который как бы в честь вашего прихода обязательно поднимет рубашонку. У одного из моих пациентов сохранилось воспоминание об эпизоде его раннего детства: ему было восемь лет, однажды, раздевшись перед сном, он захотел было отправиться в рубашке к своей маленькой сестренке в соседнюю комнату, но прислуга преградила ему путь. В рассказах невротиков об их детстве раздевание перед детьми другого пола играет видную роль; с этим тесно связана мания параноиков, будто за ними наблюдают при одевании и раздевании. В половой психопатологии различаются группы людей, у которых детское желание превращается в своего рода навязчивую идею, – это эксгибиционисты. Это детство, лишенное чувства стыда, кажется нам впоследствии своего рода раем, а ведь самый рай – не что иное, как массовая фантазия о детстве человека. Поэтому-то в раю люди и ходят обнаженными и не стыдятся друг друга до того момента, когда в них пробуждаются стыд и страх – следствие изгнания из рая, – начинается половая жизнь и культурная тенденция. В этот рай сновидение может нас переносить еженощно. Мы уже высказывали предположение, что впечатления раннего детства (в доисторический период – приблизительно до четырех лет) сами по себе требуют воспроизведения и что последнее является осуществлением желания. Сновидения о наготы суть, таким образом, эксгибиционистские сновидения. Центром эксгибиционистского сновидения является собственное «Я», представляющееся, однако, не в период детства, а в настоящий момент; сюда же относятся и недостатки туалета, являющиеся в чрезвычайно туманном и неясном виде благодаря наслоению многочисленных позднейших воспоминаний или же, быть может, благодаря влиянию цензуры. Немаловажный элемент этих сновидений – также и люди, которых стыдит спящий. Я не знаю ни одного примера, в котором спящий видел бы действительных зрителей своих детских обнажений. Сновидение не представляет собою простого воспоминания. Станным образом личности, на которых направлялся в детстве наш сексуальный интерес, никогда не воспроизводятся ни в сновидениях, ни в истерии, ни в неврозах. Лишь параноик вызывает их образы и фантастически верит в их присутствие, хотя они остаются невидимыми. Те, кем они во сне заменяются, – чужие, не обращающие никакого внимания на дефекты туалета или даже на наготу, – представляют собою контраст к тем отдельным близким личностям, бывшим свидетелями нашего обнажения. [Эти «чужие» часто возникают в сновидениях и в других ситуациях. Олицетворяя контрастное желание, они всегда обозначают нечто «тайное». Мы увидим далее, что даже возвращение к здоровому состоянию, случаем у параноиков, происходит в соответствии с этой контраст-тенденцией. Спящий больше не одинок; на него действительно кто-то смотрит; но зрители – это всего лишь чужие, странным образом неопределенные личности]». [13]

Кроме того, в эксгибиционистских сновидениях очевиден процесс оттеснения. Неприятное смущение в сновидении представляет собою реакцию второй психической системы на то, что устраненное ею содержание эксгибиционистского эпизода все же всплыло наружу. [Единственный способ избежать этого ощущения состоял бы в том, чтобы отказаться от воспроизведения этого эпизода.] [14]

Сновидение о монографии по ботанике

Сновидение: Я написал монографию об одном растении. Книга лежит передо мною, я рассматриваю содержащиеся в ней таблицы в красках. К книге приложены засушенные экземпляры растений, как в гербарии.

Анализ:

Утром в витрине одного книжного магазина я видел новую книгу с заглавием «Цикламен». По всей вероятности, это была монография об этом растении. Цикламен – любимый цветок моей жены. Я упрекаю себя, что очень редко дарю ей цветы, которые она так любит. При мысли «дарить цветы» я вспоминаю об одном эпизоде, рассказанном недавно мною в кругу друзей в виде доказательства моего утверждения, что забывание очень часто является осуществлением бессознательного намерения и, во всяком случае, дает возможность предполагать о скрытом намерении забывающего. Одна молодая женщина, которая привыкла, чтобы в день рождения муж дарил ей цветы, в этом году не нашла их на столе и расплакалась. Пришел ее муж и не мог понять причины ее слез, пока она ему не сказала: «Сегодня день моего

рождения». Он ударяет себя по лбу и восклицает: «Прости, я совершенно забыл» – и хочет пойти купить ей цветы, но она не утешается этим, потому что в забывчивости мужа видит доказательство того, что она в его мыслях не играет уже такой роли, как прежде. Эту госпожу Л. встретила на днях моя жена; она ей сообщила, что чувствует себя хорошо и осведомилась о моем здоровье. Несколько лет тому назад она у меня лечилась.

Далее: я действительно когда-то написал нечто вроде монографии об одном растении – исследование свойств растения «кока», обратившее на себя внимание К. Коллера, который заинтересовался анестезирующим свойством кокаина. Я упомянул об этом свойстве алкалоида в своей работе, но не подверг его детальному исследованию. Мне вспоминается, что утром после сновидения (к толкованию его я приступил лишь вечером) я думал о кокаине. Если бы, думая, у меня сделалась глаукома, я бы отправился в Берлин и дал бы себя оперировать, не называя, однако, своего имени. Врач, который бы не знал, кому он делает операцию, наверное бы стал говорить о том, как легки теперь эти операции благодаря введению кокаина; я не подал бы и виду, что сам причастен к этому открытию. Отсюда мои мысли направились к тому, как все же неловко врачу обращаться за помощью к своим коллегам. Берлинскому хирургу, который меня не знает, я бы, конечно, сумел заплачивать. Вспомнив об этих мыслях, я заметил, что позади них скрывается воспоминание об одном моем переживании. Вскоре после открытия Коллера мой отец заболел глаукомой: его друг, окулист, доктор Кенигштейн, сделал ему операцию; доктор Коллер впрыснул ему кокаин и заметил при этом, что в этой операции принимают участие все лица, которым медицина обязана открытием анестезирующего свойства кокаина.

Мне хочется констатировать, когда я в последний раз вспомнил об этой истории с кокаином. Я припоминаю, что это было несколько дней назад, когда мне в руки попался коллективный труд, выпущенный благодарными учениками к юбилею их учителя и заведующего лабораторией. В перечислении заслуг этой лаборатории я нашел, что именно в ней Коллер и открыл анестезирующее свойство кокаина. Я понимаю неожиданно, что мое сновидение находится в связи с одним из переживаний предыдущего вечера. Я провожал домой доктора Кенигштейна и завязал с ним разговор по поводу одного вопроса, который меня всегда интересует; дойдя с ним до его двери, мы встретили профессора Гертнера (Gartner – по-немецки «садовник») с его молодой женой. Я не мог удержаться, чтобы не высказать комплимента: какой у них обоих цветущий вид. Профессор Гертнер – один из авторов коллективного труда, о котором я только что упоминал; он, по-видимому, и напомнил мне о нем. Госпожа Л., о неприятном разочаровании которой в день рождения я сообщал выше, была также упомянута в моем разговоре с доктором Кенигштейном – правда, по другому поводу.

Я попытаюсь истолковать и другие элементы моего сновидения. К монографии приложены засушенные экземпляры растений, точно это гербарий. С гербарием у меня связано одно гимназическое воспоминание. Директор нашей гимназии поручил однажды ученикам старших классов просмотреть и почистить гербарий нашего ботанического кабинета. В нем оказались маленькие черви – книжные черви. Ко мне он не питал особой любви. На экзамене по этому предмету мне пришлось также определять как раз крестоцветные – и я их не узнал. Я, наверное, провалился бы, если бы меня не выручили мои теоретические познания. От крестоцветных я перехожу к сложноцветным. В сущности, ведь и артишоки – сложноцветные, а артишоки – мои любимые овощи. Будучи более благородной, чем я, моя жена часто покупает их мне на базаре. Я вижу перед собою монографию, написанную мною самим. Это тоже имеет свое основание. Один мой друг написал мне вчера из Берлина: «Твоя книга о сновидениях страшно интересует меня, я уже вижу ее перед собою, мне кажется, что я даже перелистываю ее».

Таблицы в красках. Будучи студентом, я постоянно старался изучать медицину не по учебникам, а по отдельным монографиям; у меня в то время, несмотря на мои ограниченные средства, было много медицинских атласов, и я постоянно восторгался таблицами в красках. Я гордился своим стремлением к основательному изучению. Когда затем я сам стал писателем, мне пришлось самому рисовать таблицы, и я помню, что одна из них вышла настолько плоха, что один мой коллега от души смеялся надо мною. Сюда же присоединяется и еще одно раннее воспоминание детства. Мой отец шутки ради отдал мне и моей младшей сестре книгу с раскрашенными картинками (описание путешествия в Персию) и велел нам ее разорвать. С педагогической точки зрения это едва ли было разумно. Мне в то время было пять лет, а сестре три года, и этот эпизод, когда мы, дети, с радостью распотрошили книгу (точно артишоки, лист за листом), – почти единственный, который запечатлелся в моей памяти из этого периода жизни. Когда я затем стал студентом, у меня появилась страсть к собиранию книг (аналогично склонности изучать по монографиям – это особая

страсть, любовь, проявляющаяся уже в мыслях сновидения, относительно цикламена и артишока). Я стал книжным червем, книгоедом (ср. гербарий). Эту свою первую склонность в жизни я всегда сводил к этому впечатлению или, вернее, признавал, что этот эпизод послужил «кроющим воспоминанием» моей последующей библиофилии[15]. Мне пришлось, конечно, убедиться в том, что все эти увлечения имеют и свои неприятные стороны. Мне было семнадцать лет, я настолько задолжал книгопродавцу, что не мог заплатить, и отец мой не считал даже извинительным то, что я тратил деньги на книги, а не на что-либо другое. Воспоминание об этом юношеском эпизоде приводит меня тотчас же к разговору с моим другом, доктором Кенигштейном. Разговор с ним накануне сновидения касался именно тех же упреков в моих частых «увлечениях». По причинам, сюда не относящимся, я не буду продолжать толкование этого сновидения, а лишь намечу тот путь, по которому оно пойдет. Во время толкования я вспомнил о разговоре с доктором Кенигштейном – не только по одному поводу. Когда я вспоминаю, о чем мы говорили с ним, смысл сновидения становится мне понятным. Все вышеупомянутые элементы – увлечения моей жены и мои собственные, кокаин, неловкость, увлечение монографиями и мое невежество в ботанике – все это получает свое продолжение и объединяется в одно целое. Сновидение снова получает характер оправдания, защищает мое право. Да же, по-видимому, безразличная форма выражения сновидения получает свой смысл: я все же человек, который написал довольно ценное исследование (о кокаине). Я не произвожу здесь дальнейшего толкования, так как к сообщению этого сновидения меня побудило лишь желание показать на примере взаимоотношения сновидения и вызвавшего его переживания предыдущего дня. До тех пор, пока я знал лишь явное содержание этого сновидения, до тех пор сновидение было связано, по-видимому, лишь с одним впечатлением; после же анализа нашелся и второй его источник в другом переживании того же дня. Первое впечатление, с которым связано сновидение, играет второстепенную роль. Я вижу в витрине книгу, читаю ее заглавие, но содержание ее едва ли интересует меня. Второе же переживание имело высокую психическую ценность. Я почти целый час беседовал с моим другом-окулистом, дал ему чрезвычайно важное разъяснение по одному вопросу, в связи с которым в моей памяти всплыло давно забытое воспоминание. Разговор этот был прерван, потому что мы встретили знакомых. В каком же взаимоотношении находятся оба эти впечатления с моим сновидением?

В содержании сновидения я нахожу указание на безразличное впечатление и поэтому могу утверждать, что сновидение преимущественно включает в свое содержание второстепенные впечатления. В толковании же сновидения все указывает на важные и значительные переживания. Если я определяю смысл сновидения по скрытому его содержанию, обнаруженному лишь при помощи анализа, то приду к новому чрезвычайно важному выводу. Утверждение, будто сновидение занимается лишь ничтожными обломками бодрствования, отпадает; я должен восстать также и против утверждения, будто душевная жизнь в бодрственном состоянии не продолжается в сновидении и что сновидение тратит психическую деятельность на ничтожный материал. Я утверждаю, наоборот: то, что занимает нас днем, владеет нашим мышлением и в сновидении.

То же обстоятельство, что мне снится безразличное впечатление, между тем как само сновидение вызвано гораздо более значительным и важным переживанием, объясняется, по всей вероятности, тем, что здесь перед нами снова искажающая деятельность сновидения, которую мы приписали особой психической силе, играющей роль цензуры. Воспоминание о монографии, виденной мной в витрине, имеет лишь то значение, что она наводит на разговор с коллегой. Спрашивается только, при помощи каких посредствующих звеньев представление о монографии связуется с разговором с коллегой: их взаимоотношение довольно туманно. В нашем примере речь идет о новых отдаленных впечатлениях, которые имеют между собою лишь то общее, что они оба восприняты в один и тот же день. Монографию я видел утром, разговор с коллегой вел вечером. Ответ, даваемый на это анализом, гласит: это соотношение обоих впечатлений возникает лишь впоследствии между содержанием первого и содержанием второго. Я упоминал об интересующих нас посредствующих звеньях уже при самом изложении анализа. С представлением о монографии, виденной мной утром, я без всякого влияния извне связал бы лишь ту мысль, что цикламен – любимый цветок моей жены, – и разве еще воспоминание о разочаровании, постигшем госпожу Л. Не думаю, однако, что этих мыслей достаточно для образования сновидения.

There needs no ghost, my lord,
come from the grave
to tell us this[16], –

читаем мы в «Гамлете». Но неожиданно в анализе я припоминаю о том, что фамилия человека, нарушившего наш разговор, была Гертнер и что я заметил

цветущий вид его жены; сейчас я вспоминаю еще, что мы в разговоре коснулись одной из моих пациенток, носящей красивое имя Флора. Не подлежит никакому сомнению, что я при помощи этих посредствующих звеньев, относящихся к ботаническому кругу представлений, связал оба переживания дня – и безразличное, и значительное. К этому присоединяется и другое взаимоотношение – представление о кокаине, которое, несомненно, связует мысль о докторе Кенигштейне и о ботанической монографии, написанной мною, и соединяет воедино оба круга представлений, потому что один элемент первого переживания может стать теперь средством наведения на второе.

Я готов к тому, что это объяснение будет названо произвольным или даже искусственным. Что было бы, если бы к нам не подошел профессор Гертнер со своей цветущей супругой или если бы мою пациентку звали не Флорой, а Анной? Ответить на это нетрудно. Если бы не было этих посредствующих звеньев, сновидение избрало бы другие. Такого рода взаимоотношения создать очень легко, как это доказывают шуточные вопросы и загадки, которыми мы часто забавляемся. Сфера остроумия безгранична. Я иду дальше: если бы между обоими впечатлениями дня не было достаточно посредствующих звеньев, то и сновидение вылилось бы в другую форму; другие безразличные впечатления дня, которых всегда бывает целое множество и которые мы всегда забываем, заняли бы в сновидении место «монографии», соединились бы с содержанием разговора и заступили бы его место в сновидении. Так как ни одно другое впечатление не разделило участи «монографии», то она была, по-видимому, наиболее подходящей для сновидения [17].

Эти два примера позволяют не только увидеть, как Фрейд применяет общие принципы своей теории к толкованию конкретных сновидений, но и сравнить его объяснение с тем, которое я предложил во второй главе этой книги.

Истолковывая сновидения с сюжетом наготы, Фрейд следует указанному выше принципу. Согласно этому принципу, смысл такого сновидения состоит в осуществлении бессознательных детских желаний, но под влиянием внутреннего цензора это осуществление желаний предстает во сне в искаженном и замаскированном виде. Осуществляемое отнесенное желание – это эксгибиционистское детское желание продемонстрировать свои гениталии. Но наша взрослая личность пугается таких желаний, и поэтому осуществление этого желания, испытываемого детской сущностью личности, сопровождается чувством, неловкости.

Несомненно, такое объяснение во многих отношениях верно. Но оно не всегда правильно, потому что содержание сновидения не обязательно связано с детской сущностью личности. Фрейд не замечает, что нагота может выражать и нечто иное, нежели сексуальный эксгибиционизм. Нагота может символизировать, например, правдивость. Быть нагим может означать стремление быть самим собой, не притворяться, а быть одетым – думать и чувствовать так, как ждут от нас другие, хотя на самом деле эти мысли и чувства вовсе не наши. Таким образом, обнаженное тело может символизировать истинную сущность, а одежда – общественную сущность, где чувства и мысли подчиняются общепринятому в данной культуре шаблону. Если человек видит себя во сне обнаженным, это может выражать его желание быть самим собой, перестать притворяться, а чувство неловкости, испытываемое им во сне, может выражать страх перед тем, что окружающие его осудят, если он осмелится быть самим собой.

Интерпретация сказки Андерсена в связи с толкованием сюжета наготы во сне служит хорошей иллюстрацией неправильного ее понимания, обусловленного допущением Фрейда о том, что сказки, подобно снам и мифам, обязательно являются выражением подспудных сексуальных желаний. Сказка о новом платье короля – это вовсе не искаженное выражение эксгибиционистского желания. Здесь речь идет о совершенно другом переживании – о нашей готовности поверить в воображаемые небывалые достоинства правителей и о нашей неспособности распознать их истинное лицо. Ребенок, которому еще не успели внушить чувство преклонения перед властью, оказался единственным, кто смог понять, что король голый и на нем нет невидимого платья. Все остальные, которым сказали, что тот, кто не увидит королевский наряд, глуп или не праведен, поддались внушению, и им казалось, что они что-то видят, хотя они ничего видеть не могли. Тема сказки – не эксгибиционизм, а разоблачение необоснованных притязаний властителей...

Сновидение о монографии по ботанике – блестящая иллюстрация множества ассоциативных нитей, вплетенных в такое короткое сновидение. Если кто-нибудь попытается истолковывать сновидения, следуя ассоциациям, которые возникают в связи с каждым отдельным его элементом, его наверняка поразит их огромное богатство и то, каким чудесным образом они сплетаются в ткань содержания сна.

Этот пример не совсем удачен, потому что Фрейд воздерживается от исчерпывающего толкования и говорит только об одном желании, выраженном в

сновидении, – о желании оправдать себя, отметив свои достижения. Опять-таки, если мы не будем настаивать на том, что каждое сновидение непременно выражает исполнение желаний, а признаем, что оно может отражать любой вид умственной деятельности, мы сможем истолковать это сновидение как-то иначе.

Центральным символом сновидения является засушенный цветок. Образ засушенного и бережно хранимого цветка содержит в себе элемент противоречия. Цветок – это символ жизни и красоты, но в засушенном виде он утрачивает свое качество и становится объектом отстраненного научного исследования. Ассоциации Фрейда, связанные со сновидением, указывают на это противоречие символа. Фрейд отмечает, что тот цветок, цикламен, книгу о котором он увидел в витрине книжной лавки, – это любимый цветок его жены, и укоряет себя за то, что так часто забывает принести ей цветы. Другими словами, увидев книгу о цикламене, он вдруг понял, что у него не все в порядке с той сферой жизни, символ которой – любовь и нежность. Все остальные ассоциации указывают на одно – на его честолюбивые устремления. Приснившаяся книга напоминает ему его собственную работу о кокаине, которую он оставил, не приложив достаточных усилий к разработке этого открытия. Он вспомнил об ущемленном самолюбии своего Эго («Я») в те времена, когда директор школы сомневался в том, что он сможет помочь очистить гербарий. А цветные таблицы напоминают ему о другом эпизоде, неприятном для его «Я» (Эго), когда коллеги посмеялись над одной неудавшейся цветной таблицей в его работе.

Представляется, таким образом, что сновидение отражает некое противоречие, которое Фрейд отчетливо ощущает во сне, но не осознает в состоянии бодрствования. Он упрекает себя за то, что пренебрегает стороной жизни, которую символизирует цветок и которая связана с его отношениями с женой, ради своих честолюбивых устремлений; за то, что у него, ученого, занятого только теоретическими размышлениями, сложилось одностороннее отношение к миру. На самом деле это сновидение выражает глубокое противоречие, присущее всей личности Фрейда и связанное с тем, чем он занимается в жизни. Главный объект его научного интереса – любовь и половые отношения. Но он пуританин; мы замечаем в нем характерное для викторианской эпохи отвращение к сексуальности и удовольствию, сочетающееся с грустной терпимостью к слабости человека в этом отношении. Он засушил цветок, сделал вопрос пола и любви предметом научного исследования и теоретизирования, вместо того чтобы оставить его живым. Этот сон отражает великий парадокс Фрейда: он вовсе не является – как часто неверно полагают – представителем «чувственно-фривольного, аморального духа Венеры», но напротив – пуританином, который мог так свободно писать о вопросах пола и любви лишь потому, что определил их в гербарий. В своем объяснении он стремится скрыть этот конфликт и неправильно истолковывает смысл сновидения.

В толковании мифов и сказок Фрейд следует тому же принципу, что и в толковании снов. Наличие символов в мифах Фрейд рассматривает как регрессию к ранним стадиям развития человечества, когда такой род деятельности, как земледелие или добывание огня, имел форму сексуального либидо. В мифах это древнее и ныне подавленное удовлетворение либидо выражается в «замещающем удовольствии», которое позволяет человеку ограничивать удовлетворение инстинктивных желаний областью фантазии.

В мифах, как и в сновидениях, инстинктивные желания выражены не явно, а в замаскированном виде. В них речь идет о желаниях, которые, как предполагал Фрейд, характерны для периода детства; это прежде всего инцестуальные устремления, сексуальное любопытство и боязнь кастрации. Примером такого способа толкования мифов является объяснение Фрейдом загадки Сфинкса. Сфинкс поставила условие: чума, грозившая жителям Фив вымиранием, сможет прекратиться, если кому-нибудь удастся правильно отгадать загадку. Загадка была такая: «Кто ходит сперва на четырех ногах, затем на двух, а потом – на трех». Фрейд считает, что загадка и ответ на нее – человек – это завуалированная форма другого вопроса – загадки, которая больше всего волнует воображение ребенка: «Откуда берутся дети?» Вопрос Сфинкс коренится в сексуальном любопытстве ребенка, любопытстве, которое подавляется и загоняется вглубь властью родителей. Таким образом, Фрейд предположил, что загадка Сфинкса выражает вытесненное сексуальное любопытство, присущее человеку, но представленное в завуалированном виде, как невинная интеллектуальная задача, далекая от запретной сферы вопросов пола.

Юнг и Зильберер, двое из самых талантливых учеников Фрейда, сумели понять, в чем слабость его теории толкования снов, и попытались внести свои поправки. Зильберер провел различие между, как он его назвал, «анагогическим» [18] и «аналитическим» толкованием снов. Юнг сделал то же самое, разделив «проспективное» и «ретроспективное» толкование. Они утверждали, что каждое сновидение выражает желания, испытанные в прошлом,

но обращено также к будущему и указывает на цели и стремления человека, видящего сон. Как об этом писал Юнг: «Душа – это переход, и поэтому нужно ее рассматривать в двух аспектах. С одной стороны, она дает образ, составленный из обрывков и следов всех прошлых событий, с другой – набрасывает в том образе контуры будущих событий, поскольку душа сама создает свое будущее» [19].

Юнг и Зильберер полагают, что каждое сновидение следует понимать как в анагогическом, так и в аналитическом смысле, и были некоторые основания ожидать, что Фрейд мог бы согласиться с этими поправками. Но когда они попытались достичь компромисса с Фрейдом, им это не удалось. Фрейд решительно отказался согласиться с какой бы то ни было поправкой такого рода, он настойчиво утверждал, что единственно возможной основой интерпретации сновидений является теория осуществления желаний. После того как произошел раскол между школами Юнга и Фрейда, Юнг стремился изымать из своей системы понятия, введенные Фрейдом, и заменять их новыми; это изменило его теорию. Если Фрейд опирался главным образом на свободные ассоциации и понимал сновидения как выражение вытесненных желаний, испытанных в детстве, то Юнг отходил от концепции свободных ассоциаций все дальше и дальше и столь же догматически склонялся к тому, чтобы интерпретировать сновидения как выражение мудрости нашего подсознания. Такое представление хорошо вписывается в концепцию подсознания Юнга. Он считает, что «область подсознания может временами проявлять гораздо большую способность осмысливать и принимать решения, чем область сознательного восприятия действительности» [20]. Против этого утверждения как такового у меня нет возражений; оно согласуется с моим собственным опытом толкования снов, о котором я писал выше. Но Юнг не делает отсюда вывод, что такое положение вещей является «фундаментальным религиозным явлением» и голос, слышимый в сновидениях, – это не наш собственный голос, а голос, исходящий из источника за пределами «Я». На возражение о том, что «мысли, которые выражают этот голос, – это не более чем мысли самого человека», он отвечает: «Возможно, но я назвал бы мысль моей собственной, если бы я сам до нее додумался, точно так же, как я назвал бы своими деньги, которые я честно заработал. Если кто-то дает мне деньги в подарок, я, конечно, не скажу своему благодетелю: „Спасибо вам за мои собственные деньги“, хотя потом какому-нибудь третьему лицу я мог бы сказать: „Это мои деньги“. Так же обстоит дело и с голосом во сне. Голос сообщает мне что-то точь-в-точь как друг, который поделился бы со мной своими мыслями. Было бы непорядочно и несправедливо считать то, что он мне сообщает, моими собственными мыслями» [21]. Еще яснее он говорит об этом в другой работе: «Человек располагает не своими собственными мыслями, но откровениями разума, высшего, чем он сам».

В этом высказывании – суть отличия концепции Юнга от моей. Я согласен с ним в том, что во сне мы часто мудрее и лучше, чем в состоянии бодрствования. Юнг объясняет этот феномен, допуская существование некоего источника откровения, находящегося вне нас, я же считаю, что то, о чем мы думаем во сне, – это наши мысли, и есть основания полагать, что те влияния, которым мы подвергаемся в состоянии бодрствования, во многом сводят на нет достижения нашего разума и духа.

Мы сможем лучше понять метод Юнга, познакомившись с его собственным анализом конкретного сновидения, одного из более чем четырехсот, записанных одним его пациентом.

Пациент был воспитан в католической вере, но давно уже не исповедует ее и не интересуется религиозными проблемами. Вот это сновидение:

Я вижу много домов, и это похоже на театр, что-то вроде декораций на сцене. Кто-то называет имя Бернарда Шоу. Говорят также, что действие пьесы, которую будут сейчас играть, происходит в отдаленном будущем. На одном из домов – табличка с надписью:

«Единая католическая церковь –
Церковь Господа.

Взойди всякий, кто ощутил себя орудием Господним».

И внизу мелкими буквами:

«Церковь основана Иисусом и Павлом», –

как будто это фирма, хвастающаяся своим старинным происхождением. Я говорю другу: «Давай войдем и посмотрим». Он отвечает: «Я не понимаю, зачем людям нужно собираться вместе, чтобы испытать религиозные чувства». А я говорю: «Ты протестант, тебе этого не понять». Какая-то женщина одобительно кивает. И тут я вижу объявление на стене церкви. Там написано: «Солдаты!

Если вы ощущаете себя во власти Господа, не разговаривайте с ним прямо. Господь недоступен для слов. Мы также настоятельно советуем вам: не позволяйте себе рассуждать о качествах Господа в разговорах между собой.

Это не принесет плодов, как и все, ценность и важность чего непостижима». Подпись: священник...» (имя разобрать нельзя).

Мы входим в церковь. Интерьер скорее напоминает мечеть, чем церковь; очень похоже на Айя София[22]. Скамеек нет, что создает удивительный эффект пространства. Нет и икон. На стенах – лишь изречения в рамках (как в Айя София). Одно из этих изречений гласит: «Не льсти благодетелю своему». Та женщина, которая одобритительно кивала мне, заплакала и сказала: «Я думаю, это совершенно верно», но вдруг исчезла.

Сначала я стоял как раз перед колонной, из-за которой было плохо видно; потом встал на другое место и увидел перед собой толпу людей. Я был не с ними и стоял отдельно. Но я ясно видел этих людей, видел их лица. Они произнесли: «Веруем, что мы во власти Господа. Царство небесное – внутри нас». Они повторили эти слова трижды, очень торжественно. Потом орган заиграл фугу Баха, и запел хор. Временами звучала только музыка, временами повторялись слова: «Все остальное – мишура» – то есть то, что безжизненно. Когда музыка умолкла, началась вторая часть ритуала, как это бывает на студенческих собраниях, когда после разговора о серьезных делах начинается развлекательная часть. Вокруг были спокойные и зрелые люди. Одни ходили туда-сюда, другие беседовали, приветствовали друг друга; подавалось вино из епископского виноградника и другие напитки. Провозглашались тосты, в которых церкви желали всяческого благополучия и расцвета; в динамиках звучал рэг-тайм с припевом:

«Чарльз теперь играет с нами тоже». Видимо, это представление выражало удовольствие по поводу появления новых членов общества. Какой-то священник объяснил мне: «Такие несколько пустые развлечения официально признаны и одобрены. Вам нужно немного приспособиться к американским методам. Это неизбежно, если вы собираетесь иметь дело с такими большими толпами, как у нас. Однако между нами и американскими церквями есть принципиальное различие: мы делаем упор на развитие антиаскетических тенденций». После этого я проснулся с чувством большого облегчения.[23]

Приступая к истолкованию этого сновидения, Юнг сразу заявляет о своем несогласии с Фрейдом, который считает сновидение только фасадом, за которым что-то тщательно скрыто. Юнг говорит: «Несомненно, невротические проявления призваны скрыть нечто неприятное – возможно, в той же мере, в какой это делают нормальные люди. Но едва ли эту категорию можно применить к такому обычному и распространенному явлению, как сны. Я сомневаюсь, можно ли допустить, что сновидение – это не то, чем оно кажется. Скорее я готов согласиться с Талмудом, где сказано: „Сновидение само себя истолковывает“». Иными словами, я принимаю сновидение как данность. Сновидения – это такой сложный и запутанный предмет, что я не осмеливаюсь делать какие-либо предположения об их возможных хитросплетениях. Сновидение – естественное явление, и почему мы должны думать, будто это какой-то коварный механизм, предназначенный для того, чтобы вводить нас в заблуждение? Сновидение возникает, когда сознание и воля находятся в полном бездействии.

Представляется, что это естественное проявление, которое характерно и для людей, не страдающих неврозами. Кроме того, мы так мало знаем о психологии сновидений, что нужно быть более чем осторожным, вводя в толкование чуждые сновидению элементы.

Исходя из всего этого, я считаю, что в описанном сновидении на самом деле речь идет о религии, и именно таков его смысл. Поскольку сновидение сложно и внутренне согласовано, можно предположить в нем определенную логику и определенную направленность, то есть ему предшествует некая мотивация в подсознании, которая находит свое выражение в содержании сновидения». [24] Как же Юнг истолковывает этот сон? Он замечает, что католическая церковь при всей своей респектабельности все же имеет как будто нечто общее с чуждым языческим мышлением, несовместимым с фундаментальной христианской установкой, что в сновидении нет протеста против коллективного чувства, массовой религии и язычества, за исключением кратковременного появления друга-протестанта; неизвестная женщина олицетворяет «душу», которую он считает «психическим воплощением небольшого числа женских генов в организме мужчины». Душа – это, как правило, воплощение подсознания; именно она придает ему неприятный, раздражающий характер.

Целиком негативная реакция души на сновидение о церкви указывает на то, что женская сущность в пациенте Юнга, то есть его подсознание, не соглашается с сознательной установкой. И, как это видно из сновидения, подсознание находит довольно банальный компромисс между католицизмом и языческой *joie de vivre*[25]. То, что преподносит подсознание, не отражает какого-либо определенного взгляда или установки; мы видим здесь скорее яркое выражение акта обдумывания. Это можно сформулировать приблизительно так: «Ну как насчет этого дела – религии? Ты ведь католик, правда? Разве это так уж плохо? Ты скажешь – а как же аскетизм? – Да ладно, церковь тоже должна

Фромм Эрих Забытый язык filosofff.org
немного измениться. Кино, радио, чай в пять часов пополудни... и почему бы не подавать вино и не устраивать веселых сборищ?» [26]

Но эта загадочная женщина, хорошо знакомая по многим предыдущим сновидениям, почему-то глубоко разочарована и уходит. Описывая своего пациента, Юнг говорит, что повод для его визита к врачу был очень серьезен; человек очень рассудительный и умный, он обнаружил, что под деморализующим влиянием невроза его образ мыслей и его философия изменили ему. Он не находит в своем мировоззрении ничего, на что он мог бы опереться. Он оказался в положении человека, лишившегося убеждений и идеалов, которые он сам в себе взлелеял. Случаи, когда в такой ситуации человеку приходится обращаться к религии своего детства в надежде найти в ней какое-то утешение, отнюдь не редки. Однако здесь не было никакой попытки или намерения возродить на сознательном уровне прежние религиозные верования. Это был только сон; в подсознании сформировалось особое отношение к своей религии... Дух и плоть, вечные враги в христианском сознании, как бы примирились друг с другом, странным образом смягчив свои противоречия. Произошло неожиданное примирение духовного и светского. Эффект получился несколько гротескный и комичный. Веселье, почти в античном духе, с ароматом вина и роз, явно подрывает неумолимую строгость духа. Несомненно, в сновидении отражается одновременно духовная и светская атмосфера, что притупляет остроту морального конфликта и заставляет забыть всю душевную боль и тревогу [27].

Судя по данной Юнгом характеристике пациента и по сюжету самого сновидения, такое его толкование представляется не совсем оправданным. Толкование Юнга скользит по поверхности и не затрагивает глубинных психических процессов, которые породили это сновидение. На мой взгляд, этот сон – отнюдь не банальный компромисс между светскостью и религией; напротив, в нем содержится резкое осуждение религии и в то же время сильное стремление к духовной независимости. В описании церкви есть мотивы театра, деловой фирмы, армии. Магометанство, представленное мечетью Аяя София, беспрепятственно уживается с христианством; в церкви нет икон, а только изречения в рамках типа: «Не лъсти благодетелю своему». Это изречение, разумеется, выражает критическое отношение самого пациента к обычаю церкви льстиво восхвалять Бога. Он и дальше смеется над церковью: ему снится, что церковная служба выродилась в развлекательное сборище, где подают спиртное и играют рэг-тайм с припевом: «Чарльз теперь играет с нами тоже» (Юнг, кажется, упустил из виду, что этот припев связан с его именем Карл (Чарльз), и этот насмешливый намек на самого психоаналитика соответствует духу бунта против авторитетов, которым пронизано все сновидение). Пациент подчеркивает это, заставляя священника утверждать, что церковь должна пользоваться «американскими методами», чтобы привлечь «большие толпы». Роль женщины можно до конца понять, только если учитывать эту бунтарскую антиавторитарную направленность всего сновидения. Пациент Юнга, несмотря на сознательное безразличие к религии, все еще связан с ней или, выражаясь точнее, связан на более глубоком психологическом уровне с религией авторитарного типа, с которой он познакомился в детстве. Его невроз обусловлен попыткой освободиться от оков иррациональной власти; до сих пор ему это не удавалось, что и привело в конце концов к неврозу. В то время, когда ему приснился этот сон, его попытка восстать и освободиться от подавляющего влияния авторитетов была психической доминантой, которая и проявилась во сне. Женщина – возможно, символизировавшая его мать – понимает, что, если он откажется от авторитарной установки, в основе которой – лесть и преклонение перед сильным отцом (благодетелем), он станет взрослым и она его потеряет. Поэтому она плачет и говорит: «И больше уже ничего не будет».

Религия в самом деле имеет значение для пациента Юнга, но не в том смысле, как это представляет сам Юнг. Сновидение отражает не просто компромисс в отношении к религии, а очень ясное представление о различии между авторитарным и гуманистическим типами религий. Он противится именно авторитарной религии, системе, в которой главной добродетелью считается покорность, в которой человек остается слаб и немощен, отдав всю силу и мощь Господу. Эта борьба есть тот же бунт против всякой авторитарной власти, который является содержанием всей его жизни. Он стремится к гуманистической религии, в которой главное – сила и добро в человеке, которая считает добродетелью не покорность, а реализацию человеческих сил [28]. Это очень хорошо видно из последовательности событий в сновидении. Пациент слышит, как толпа самым «торжественным» образом произносит: «Царство небесное внутри нас самих... все остальное – мишура». В сновидении церковь высмеивается, сравнивается с крупной организацией наподобие фирмы или армии, обвиняется в лести, с помощью которой она старается завоевать милость Бога, и в заключение говорится, что «Бог – в нас самих», а все, что

Фромм Эрих Забытый язык filosoff.org
не связано с этим переживанием, есть «мишура», «нечто непохожее на настоящую жизнь». Аналогичная направленность проявляется в другом сновидении того же пациента, Юнг описывает это сновидение в статье «Psychology and Religion» («Психология и религия»)[29].

Вот это сновидение:

Мне снится, что я вхожу в дом. Называется он «дом душевного спокойствия и собранности». В доме царит торжественная обстановка. На заднем плане – горящие свечи, составленные как бы в четыре пирамиды. У двери дома стоит старик. Молча входят люди, многие стоят, не двигаясь, стараясь сосредоточиться. Старик у двери, рассказывая мне о посетителях этого дома, говорит: «Они уходят отсюда с чистой душой». Я вхожу в дом и тоже оказываюсь в состоянии полностью сосредоточиться. Какой-то голос говорит: «Опасно то, что творишь ты. Вера – не плата за избавление от образа женщины, ибо образ этот неистребим. Горе тому, для кого вера – лишь замена иной стороны души. Они заблуждаются и будут прокляты. Вера – это не замена, но наивысшее совершенство, сопровождающее всякое свершение души. Вера твоя должна родиться из всей полноты жизни твоей, и лишь тогда благословен будешь». С последними словами тихо зазвучала органная музыка; эта простая мелодия чем-то напомнила мне «Волшебный огонь» Вагнера. Уходя из этого дома, я увидел пламя над горой и понял, что негасимый огонь – это, должно быть, священный огонь.

В этом сновидении уже не звучит критическое отношение и нет насмешек над церковью, как в предыдущем. Здесь виден глубокий и ясный образ гуманистической религии, которая противопоставлена авторитарной. Здесь особенно подчеркивается мысль о том, что религия не должна пытаться подавить любовь и чувственность (образ женщины) и заменить собой эту сторону жизни. Не из подавления, а из всей полноты жизни должна родиться религия. Завершающее высказывание, что «негасимый огонь – это, должно быть, священный огонь», относится, как видно из всего контекста сновидения, к тому, что выражено «образом женщины», к огню любви и чувственности. Это сновидение интересно как пример сна, в котором мысли и суждения проявляются с недостижимой в состоянии бодрствования ясностью. Но я привел этот пример прежде всего для того, чтобы проиллюстрировать недостатки односторонней и догматической интерпретации Юнга. В его понимании, «негасимый огонь» символизирует Бога, «образ женщины» и «другая сторона жизни» означают подсознание. Огонь действительно часто выступает символом Бога, но он нередко символизирует также любовь и чувственность. Фрейд, пожалуй, истолковал бы это сновидение не как выражение некой философской идеи, а как осуществление детских инцестуальных желаний. Юнг с тем же догматизмом полностью игнорирует этот аспект и говорит только о религиозных символах. И та и другая направленность интерпретации, по-моему, в равной степени ошибочны. Для пациента Юнга в самом деле значимы религиозные и философские проблемы, он не отделяет значимость философского аспекта от стремления к любви. Напротив, он утверждает, что они должны быть неотделимы друг от друга, и критикует церковь за ее концепцию греха.

V

История толкования снов

Итак, мы рассмотрели три подхода к пониманию снов. Первый, которого придерживается Фрейд, состоит в том, что всякое сновидение рассматривается как выражение иррационального и асоциального в человеке. Второй – подход Юнга, который предполагает, что сновидение – это проявление подсознательного разума, выходящего за пределы индивидуума. В основе третьего подхода – представление о том, что в снах отражаются любые проявления деятельности мозга: как иррациональные устремления, так и интеллектуальное и нравственное начала, как худшее, так и лучшее из того, что в нас есть.

Несомненно, эти три концепции появились не сегодня. Краткий обзор истории толкования сновидений покажет нам, что в современной научной полемике вокруг смысла снов заключена дискуссия, продолжающаяся уже по меньшей мере три тысячи лет.

1. Ранний, не-психологический подход к толкованию снов

История толкования снов начинается с попыток понять их смысл, понять, что в действительности происходит с душой, лишенной телесной оболочки, понять голоса духов и призраков. При этом сновидения не рассматривались как психологическое явление.

Так, ашанты считают, что, если человеку снится, что он имел половое сношение с чужой женой, то он заслуживает наказания, как за обычное прелюбодеяние, потому что прелюбодеяние совершили души мужчины и женщины[30]. Папуасы киваи, живущие в Британской Новой Гвинее[31], верят, что, если душа спящего человека попадет в руки колдуна, то этот человек уже никогда не проснется[32]. Еще одно проявление веры в реальность событий, происходящих во сне, – представление о том, что дух умершего человека является в сновидениях, чтобы о чем-то предупредить, от чего-то предостеречь или передать какое-то иное сообщение. Например, индейцам племени Мохаве и Юма особый страх внушает появление во сне недавно умерших родственников[33]. У некоторых первобытных племен встречается и другое представление о смысле сновидений, близкое к тому, которое распространено в развитых цивилизациях Востока. Согласно этому представлению, сновидение истолковывается в определенном религиозном и этическом контексте. Каждый символ имеет определенное значение, и истолкование сновидений заключается в расшифровке этих значений. Пример такого истолкования приводит Джексон Линкольн в исследовании об индейцах племени Навахо[34].

Сновидение. Снилось мне огромное яйцо с твердой каменной скорлупой. Я разбил его, и оттуда вылетел орленок, но величиной он был со взрослую птицу. Это было в доме, и орленок летал из угла в угол, пытаюсь выбраться наружу, но выбраться не мог, потому что окно было закрыто.

Интерпретация. Орел представляет собой птицу, одного из трех высших духов, составляющих триаду: ветер – молния – птицы. Все эти духи живут на вершине горы Сан-Франциско. Если их рассердить, они могут за это наслать ужасные разрушения, но они могут быть и добрыми. Орленок не может вылететь на волю, потому что ты, должно быть, чем-то разгневал дух-птицу, может быть, наступил на птичье гнездо, а может, что-то дурное сделал твой отец. Толкование сновидений в древних восточных культурах также основывалось не на психологической теории, а на допущении, что сон – это знамение, посылаемое человеку божественными силами. Самый известный пример такого непсихологического толкования снов – сны фараона, о которых рассказано в Библии. Когда фараону приснился сон, от которого «смутился дух его», он «призвал всех волхвов Египта и всех мудрецов его, и рассказал им фараон сон свой, но не было никого, кто бы истолковал его фараону». Когда фараон попросил Иосифа истолковать его сон, тот ответил: «Что Бог сделает, то он возвестил фараону» – и истолковал сон. Сон был такой:

...Фараону снилось: вот, он стоит у реки; и вот, вышли из реки семь коров, хороших видом и тучных плотью, и паслись в тростнике; но вот, после них вышли из реки семь коров других, худых видом и тощих плотью, и стали подле тех коров, на берегу реки; и съели коровы худые видом и тощие плотью семь коров хороших видом и тучных. И проснулся фараон,

и заснул опять, и снилось ему в другой раз: вот, на одном стебле поднялось семь колосьев тучных и хороших;

но вот, после них выросло семь колосьев тощих и иссушенных восточным ветром;

и пожрали тощие колосья семь колосьев тучных и полных. И проснулся фараон и понял, что это сон.

Вот как Иосиф истолковывает этот сон:

Семь коров хороших, это семь лет; и семь колосьев хороших, это семь лет: сон один;

и семь коров тощих и худых, вышедших после тех, это семь лет, также и семь колосьев тощих и иссушенных восточным ветром, это семь лет голода.

Вот почему сказал я фараону: что Бог сделает, то Он показал фараону.

Вот, наступает семь лет великого изобилия во всей земле Египетской; после них настанут семь лет голода, и забудется все то изобилие в земле Египетской, и истощит голод землю, и неприметно будет прежнее изобилие на земле, по причине голода, который последует, ибо он будет очень тяжел.

А что сон повторился фараону дважды, это значит, что сие истинно слово Божие, и что вскоре Бог исполнит сие.

И ныне да усмотрит фараон мужа разумного и мудрого и да поставит его над землю Египетскую.

Да повелит фараон поставить над землю надзирателей и собирать в семь лет изобилия пятую часть (всех произведений) земли Египетской;

пусть они берут всякий хлеб этих наступающих хороших годов и соберут в городах хлеб под ведение фараона в пищу, и пусть берегут;

Фромм Эрих Забытый язык filosoff.org

и будет сия пища в запас для земли на семь лет голода, которые будут в земле Египетской, дабы земля не погибла от голода (Быт., 41: 1–7; 26–36). Из библейского рассказа видно, что сновидение рассматривается как знамение от Бога. Тем не менее сон фараона можно рассмотреть и с психологической точки зрения. Может, ему были известны какие-то факты, которые могли бы создать условия для плодородия в последующие четырнадцать лет, но это интуитивное знание, возможно, смогло проявиться только во сне. Можно порассуждать, вправе ли мы истолковать этот сон таким образом или нет, но так или иначе в библейском повествовании, как и во многих других древних восточных источниках, сновидения рассматриваются как некое божественное послание, а не как нечто исходящее от человека. Снам, в особенности в Индии и Греции, приписывалась еще одна функция из ряда предсказаний: диагноз болезней. Определенные символы соответствовали конкретным соматическим симптомам. Но и в этом случае, как и в случае пророческого сна фараона, истолкование можно построить на основе психологического подхода. Можно предположить, что во сне мы яснее, чем наяву, осознаем некоторые физиологические изменения и что это осознание преобразуется в определенный сюжет сновидения и, таким образом, может помочь распознать болезнь и предсказать некоторые соматические проявления. (Убедиться в том, насколько это верно, можно, вероятно, лишь обстоятельно изучив сновидения людей, предшествовавшие определенным проявлениям симптомов болезни.)

2. Психологический подход к толкованию снов

В отличие от не-психологического подхода к толкованию снов, при котором сновидение рассматривается как выражение «реальных» событий или знамение внешних сил, в основе психологического подхода – попытка понять сновидение как отражение работы мозга самого спящего. Эти два подхода отнюдь не всегда нужно рассматривать отдельно. Напротив, вплоть до средневековья многие авторы учитывают оба подхода и проводят различие между сновидениями, которые следует истолковывать как религиозные проявления, и теми, которые нужно рассматривать психологически. Такой подход можно проиллюстрировать цитатой из индийского автора начала нашей эры: «Есть шесть родов людей среди видящих сны – люди ветреного склада, или желчного, или флегматичного, люди, чьи сны посланы Богом, те, чьи сны порождаются их собственными наклонностями, и те, у которых сны пророческие. И из всех, о царь, лишь последние видят правдивые сны; все другие сны – неправдивы» [35]. В отличие от не-психологического подхода, при котором в основе понимания сна – расшифровка определенных его символов в религиозном контексте, в приведенном индийском источнике использован психологический подход, при котором характер сновидения связывается с личностью видящего сон. Первые три категории людей, о которых здесь говорится, это на самом деле – одна, поскольку все они относятся к темпераменту – врожденным соматически обусловленным особенностям психики. Автор указывает на тесную связь между темпераментом и содержанием сновидения, чему в наше время почти не уделяется внимание, хотя это важная сторона толкования снов, и это, несомненно, подтвердится в ходе дальнейших исследований. Автор считает, что сны, посылаемые божеством, составляют только один из типов снов. Далее он проводит различие между снами, которые порождаются наклонностями человека и вещими снами. Под наклонностями он, вероятно, понимает ведущие мотивы в структуре характера личности, а под вещими снами – выражение наивысшего озарения во время сна.

Один из самых ранних примеров представлений о том, что сновидения могут быть выражением как крайне рациональных, так и иррациональных сил в человеке, можно найти у Гомера. Он говорит, что сны входят в разные ворота: ворота из рога – ворота правды, ворота из слоновой кости – ворота заблуждения и обмана (потому что рог прозрачен, а слоновая кость непрозрачна). Едва ли можно точнее и понятнее выразить двойственную природу сновидений.

Сократ, как говорит Платон в диалоге «Федон», считал, что сновидения – это проявление внутреннего голоса и что крайне важно относиться к этому голосу серьезно и следовать его велению. В одном из эпизодов незадолго до смерти Сократ очень точно выразил эту мысль:

Кевис, прервав его речь, сказал:

– Клянусь Зевсом, любезный Сократ, ты хорошо сделал, что напомнил мне об этом. Некоторые, и, между прочим, в недавнее время Эвен, спрашивали меня о стихотворениях, которые ты сочинил, переложив в стихи басни Эзопа и написав гимн Аполлону, – какие побуждения руководили тобою, что ты, перешедши в

темницу, начал писать стихи, никогда не писавши их прежде? Итак, если ты желаешь, чтобы я был в состоянии отвечать Эвену, когда он снова спросит меня об этом – а я знаю, что он спросит, – то скажи, что я должен отвечать? – Отвечай ему, любезный Кевис, – сказал Сократ, – согласно с истиной, – что я написал эти стихотворения не из желания входить в соперничество с ним и его произведениями – я знаю, что это было бы нелегко, – но я хотел определить значение некоторых посещавших меня видений, чего они от меня требовали, и исполнить свой долг, если они призывали меня к занятиям поэзией. В протекшей моей жизни меня часто посещало одно и то же видение, в разные времена в разных видах, но с одной и той же речью. «Сократ, – говорило оно мне, – посвяти себя искусству муз и упражняйся в нем». Я думал тогда, что оно советует мне и побуждает меня продолжать заниматься тем, чем я занимался в прошлое время. Подобно тому как воодушевляют бегущих на ристалище, так, думал я, и меня мое видение поощряет к продолжению занятий тем, чем я уже занимался, – служить искусству муз, то есть величайшей из наук, – которой я посвящал себя. Но теперь, после того как надо мною произнесен был приговор, а празднество в честь бога замедлило мою смерть, я счел долгом – если мое, часто повторяющееся, видение призывало меня к занятиям искусством более обыкновенным, не противиться его голосу, а последовать ему. Для меня, очевидно, безопаснее – не покидать этого мира, прежде чем я исполню свой долг перед божеством и, послушный призыву видения, напишу несколько стихотворений. Итак, я прежде всего сочинил гимн божеству, в честь которого совершалось празднество, а после гимна, рассудивши, что поэт, если он в самом деле хочет быть поэтом, должен уметь создавать вымысел, а не передавать одни только мысли, а сам я неизобретателен в вымысле, я переложил в стихи басни Эзопа, которые имел под рукою и знал, – первые, которые пришли мне на память.

Итак, вот что, любезный Кевис, передай Эвену; передай ему также прощальный от меня привет, и если он мудр, пусть он следует за мною. Я же, как кажется, ухожу от вас сегодня, потому что так хотят афиняне[36].

В противоположность точке зрения Сократа, теория Платона почти буквально превосхищает теорию сновидений Фрейда:

Из удовольствий и пожеланий не необходимых некоторые кажутся мне противозаконными: они, хотя, должно быть, внедрены во всякого, однако ж, ограничиваемые законом и наилучшими пожеланиями, при содействии ума, у одних людей либо совершенно исчезают, либо умалются в количестве и слабеют, а у других становятся сильнее и многочисленнее.

– Какие же это разумеешь ты последние-то? – спросил он.

– Те, которые возбуждаются во время сна, – отвечал я. – Тогда как одно начало души – разумное, кроткое и правительственное – спит... и, прогнав сон, старается идти и удовлетворять своим требованиям, – ты знаешь, в таком состоянии оно, отрезненное и отбросившее всякий стыд и разумность, отваживается делать все; так что, если вздумает, не медлит решимостью сместиться хоть с матерью, хоть с кем другим из людей, богов и животных, или кого-нибудь убить, и не удерживается ни от какой пищи; одним словом, не оставляет ни безумия, ни бесстыдства.

– Ты весьма справедливо говоришь, – сказал он. – Но кто, думаю, ведет себя здраво и рассудительно и отходит ко сну, возбуживши в себе разумную свою природу, напитава ее прекрасными мыслями и рассуждениями и надумавшись сам с собою, а от пожелательной своей стороны устранив и недостатки и излишества, чтобы она спала и шумливо не беспокоивала лучшей части ни весельем, ни печалью, но позволяла ей одной, самой по себе, в ее чистоте, стремиться к созерцанию чувством того, чего она не знает, – в прошедшем ли то, в настоящем или будущем; кто подобным образом укрощает и раздражительную природу, чтобы она отходила ко сну невзволнованная и ни на кого не разгневанная, и, усмирив, таким образом, эти два вида, сообщает движение третьему, заключающему в себе разумность, и успокаивается в нем: тот во сне, знаешь ли, близко коснется истины, и не будут мечтаться ему тогда противозаконные видения... Я совершенно так думаю, – сказал он. – Но мы слишком далеко увлеклись, говоря об этом. То, что нам хочется знать, состоит в следующем: в каждом из нас, сколь бы кто ни казался умеренным, есть некоторый род пожеланий жестоких, диких и беззаконных, что обнаруживается во сне.

Смотри же, дело ли я говорю, и соглашаешься ли ты?

– Да, согласен.[37]

Рассматривая сны как проявления иррационального, животного начала, Платон, как и Фрейд, делает одну оговорку, которая в некоторой степени ограничивает его теорию. Он допускает, что, если человек засыпает в спокойном и умиротворенном состоянии, его сновидения будут наименее иррациональны. Это представление, однако, не следует смешивать с дуалистическим подходом, согласно которому сны рассматриваются как выражение и рационального, и

иррационального начала в человеке; Платон видит в них главным образом выражение дикого и ужасающего, в меньшей степени проявляющегося лишь в людях, достигших наивысшего уровня зрелости и мудрости. Аристотель в своих представлениях о природе сновидений подчеркивает их рациональную природу. Он считает, что во сне мы способны тоньше распознавать мельчайшие физиологические проявления и что во сне нас занимают намерения и принципы осуществления действий, и мы воспринимаем их яснее, чем в состоянии бодрствования. При этом он не считает, что все сновидения должны иметь какой-то смысл; напротив, многие из них случайны и не заслуживают того, чтобы их считать предсказаниями. Эта установка отражена в приводимом ниже отрывке из его сочинения «О дивинации»:

Итак, сновидения следует рассматривать либо как причины событий или их знаки, либо как совпадения; либо как все или некоторые из этих трех, либо только как одно из них. Я употребляю слово «причина» в том смысле, в каком луна есть (причина) солнечного затмения, или в том, в каком усталость есть (причина) болезни; «знак» – (в том смысле, в каком) вхождение звезды (в тень) есть знак затмения, или (в каком) несвязность речи есть знак лихорадки; под «совпадением» же я понимаю, например, то, что солнечное затмение происходит в тот момент, когда кто-то совершает прогулку; прогулка не есть ни знак, ни причина затмения, и затмение не есть (причина или знак) прогулки. Следовательно, совпадение никогда не подчиняется всеобщему или обычному правилу. Можем ли мы, таким образом, сказать, что одни сновидения суть причины, другие – знаки того, что происходит, например, в организме? Как бы то ни было, даже ученые-врачи велят нам обращать пристальное внимание на сновидения, и такого взгляда стоит придерживаться не только практикам-врачам, но также и теоретикам-философам. Ибо днем мы не замечаем движений, происходящих (в организме), если только они не очень значительны и резки, рядом с более сильными бодрственными движениями. Во сне происходит обратное, ибо тогда даже малозначащее кажется значительным. Это ясно из того, что часто случается во время сна; например, спящие представляют, что их поражает гром и молния, тогда как в действительности их слуха достигает лишь слабое позвякивание; им грезится, что они наслаждаются медом или иными сладостями, тогда как это лишь капелька слюны движется по (пищеводу); им кажется, что они идут через огонь и они чувствуют жар, тогда как на самом деле происходит лишь незначительное согревание той или другой части тела. Пробудившись, они видят все это таким, как оно есть в действительности. Но поскольку всякое событие начинается с малого, так, очевидно, обстоит дело и с болезнями, и другими страданиями, которые должно будет вскоре испытать наше тело. Таким образом, очевидно, что такое начало более заметно во сне, чем во время бодрствования.

Мало того, вполне вероятно, что что-либо из предстоящего нам во сне, может даже явиться причиной сходных с этим действий. Ибо когда мы собираемся совершить действие (в бодрственном состоянии), либо совершаем его, либо уже совершили, мы часто обнаруживаем, что эти действия занимают нас во сне, или мы во сне совершаем их; это происходит из-за того, что действие в сновидении движется по пути, проложенному для него исходными действиями, совершаемыми днем; это так, но может также случиться обратное, когда движения, впервые возникшие во сне, дают начало действиям, которые совершаются днем, ибо возвращение этих действий днем также идет по пути, проложенному для них ночными видениями. Таким образом, весьма возможно, что некоторые сновидения могут быть знаками и причинами (будущих событий). Большинство из (так называемых пророческих) сновидений следует, однако, относить просто к совпадениям, в особенности те, которые нелепы, а также такие, на осуществление которых тот, кто видит сон, не имеет влияния, например в случае, когда человеку снится морское сражение или нечто происходящее вдали от него. Что касается этого случая, то здесь, естественно, дело обстоит так же, как бывает, когда человек, сказав о чем-то, обнаруживает, что то, о чем он говорил, произошло. Почему же, в самом деле, это не может произойти во сне? Скорее всего, многое такое должно происходить. Как упоминание о каком-либо человеке не является ни знаком, ни причиной появления этого человека, таким же образом сновидение не является для того, кто его видит, ни знаком, ни причиной его (так называемого) осуществления; это лишь простое совпадение. Следовательно, многие сновидения не «сбываются», ибо совпадение не подчиняется ни всеобщему, ни обычному правилу. [38]

Римская теория сновидения во многом следует принципам, разработанным в Греции; но не всегда достигает такой ясности и глубины, которую мы находим у Платона и Аристотеля. Представления Лукреция, отраженные в его поэме «О природе вещей», близки к теории исполнения желаний Фрейда, правда, Лукреций не делает такой упор на иррациональную природу этих желаний. Он утверждает, что сюжет сновидений определяется тем, что волнует нас наяву, или

физиологическими потребностями, которые во сне находят удовлетворение:
Если же кто-нибудь занят каким-либо делом прилежно,
Иль отдавался мы чему-нибудь долгое время,
И увлекало наш ум постоянно занятие это,
То и во сне представляется нам, что мы делаем то же:
Стряпчий тяжбы ведет, составляет условия сделок,
Военачальник идет на войну и в сраженья вступает,
Кормчий в вечной борьбе пребывает с морскими ветрами,
Я – продолжаю свой труд и вещей неуклонно природу,
Кажется мне, я ишу и родным языком излагаю.
Да и другие дела и искусства как будто бы часто
Мысли людей, погрузившихся в сон, увлекают обманно.
Если подряд много дней с увлечением играми занят
Был кто-нибудь непрерывно, мы видим, что, большею частью
Даже когда прекратилось воздействие зрелищ на чувства,
Все же в уме у него остаются пути, по которым
Призраки тех же вещей туда проникают свободно.
Так в продолжение дней эти самые призраки реют
Перед глазами людей, и они, даже бодрствуя, видят
Точно и пляски опять и движения гибкого тела;
Пение звонких кифар и говора струн голосистых
Звук раздаётся в ушах, и привычных зрителей видно.
Сцена открыта опять и пестреет блестящим убранством.
Вот до чего велико значение склонностей, вкусов,
Как и привычки к тому постоянному делу, которым
Заняты люди, а кроме людей и животные также. [39]

Наиболее стройная теория изложена в сочинении Артемидора о толковании сновидений (2 в. до н. э.), оказавшем значительное влияние на средневековые представления. Он считает, что сновидения подразделяются на пять категорий, отличающихся своими признаками:

Первое – это Сон; второе – Видение; третье – Оракул; четвертое – Фантазия, или пустое Воображение; пятое – Призрак.

Сном называется то, что открывает истину, скрытую под маской иного образа; так Иосиф толковал сон фараона о семи тощих коровах, пожравших семь тучных коров, и то же – о семи тощих колосьях.

Видение – это когда человек, пробудившись, видит наяву то, что он видел во сне; как это было с Веспасианом, увидевшим, как врач вырвал ему зуб.

Оракул – это откровение или предсказание, полученное во сне от Ангела или Святого и объявляющее волю Бога, как это было с Иосифом, супругом св. Девы, и тремя мудрецами.

Фантазия, или пустое Воображение, возникает, когда страсть, овладевшая человеком, настолько сильна, что проникает в его спящий мозг и соединяется с более умеренным духом; таким образом, мысли, которые занимают нас днем, приходят к нам и ночью; и влюбленного, который днем думает о своей милой, эти мысли не оставляют и ночью. Бывает и так, что голодному снится насыщение, а жаждавшему снится, что он пьет, и он испытывает блаженство. Скряга и ростовщик, мечтающий о мешках денег, будет думать о них и во сне. Призрак – это не что иное, как ночное видение, являющееся слабым детям и старикам, которым кажется, что призрак приближается, чтобы напугать их или причинить им вред. [40]

Мы видим, что Артемидор считает «сон» озарением, выраженным на языке символов. Сон фараона для него не божественное послание, а символически выраженное его собственное глубинное знание. По его мнению есть сновидения, в которых Ангел открывает нам волю Бога, и им он дает имя «оракул».

Сновидения, являющиеся выражением бессознательных желаний, он выделяет в отдельную категорию и называет такие сны, о которых идет речь у Платона и у Фрейда, «фантазией» или «пустым воображением». Страшные сны, «призраки», как он их называет, Артемидор объясняет особым состоянием, присущим слабым младенцам и старикам. В сочинении Артемидора ясно выражен важный принцип: «закономерности возникновения снов не являются всеобщими и не подходят ко всем людям, часто видящим сны; толкование сновидений может быть различным в разное время и для разных людей».

Наши представления о толковании сновидений в римской культуре были бы неполными, если бы мы не послушали голос Цицерона, исполненный скептицизма. В своем трактате «О дивинации» он пишет:

Итак, если не Бог – творец снов, и нет у них ничего общего с природой, и не могла из наблюдений от крыться наука снотолкования, то этим доказано, что снам совершенно не следует придавать значения... Таким образом, наравне с другими видами дивинации следует отвергнуть и этот – дивинацию по сновидениям. Ибо, по правде сказать, это суеверие, распространившись среди

народов, сковало почти все души и держится оно на человеческой слабости. [41]

Примерно к тому же времени относится теория сновидений, подробно разработанная в Талмуде. Роль толкования снов в Иерусалиме во времена Христа можно себе представить из содержащегося в Талмуде утверждения, что в Иерусалиме было двадцать четыре толкователя снов. Рабби Хисда говорил: «Всякое сновидение имеет смысл, кроме тех, которые вызваны голодом. Неразгаданный сон подобен нераспечатанному письму». В этом изречении заложен принцип, который Фрейд сформулировал две тысячи лет спустя почти теми же словами, утверждая, что все без исключения сновидения имеют смысл и что сны – важный путь общения человека с самим собой, и нельзя позволить себе пренебречь их толкованием. Рабби Хисда добавляет к общему психологическому подходу к толкованию сновидений одну важную оговорку о снах, вызванных голодом. В более широком смысле здесь имеются в виду, что сновидения, вызванные сильными физиологическими стимулами, являются исключением на фоне общего правила психологической обусловленности снов. Авторы Талмуда допускали, что некоторые сны бывают пророческими. Рабби Иоханан, как сказано в трактате Берахот, говорил: «Есть три вида сновидений, которые сбываются: сны, приснившиеся утром, сны, в которых человек снится кому-то другому, и сны, которые истолковываются в другом сне. Некоторые полагают, что повторяющиеся сны тоже из тех, которые сбываются».

Хотя это допущение никак не обосновывается, его нетрудно объяснить. Утренний сон не так глубок, как ночной, и спящий ближе к состоянию бодрствования. Рабби Иоханан, должно быть, предполагает, что в этом состоянии в процесс сна вмешивается рациональное мышление, что позволяет яснее осознать происходящие в нас и в других процессы и, таким образом, предвидеть ход событий. В основе допущения о том, что сбывается сон, в котором мы снятся кому-то другому, очевидно, лежит представление, что другие люди обычно могут составить о нас более правильное мнение, чем мы сами, а в состоянии сна, когда они становятся особенно проникательными, их знание о нас приобретает значение предсказания. Предположение, что сбывается сон, истолкованный в другом сне, можно, вероятно, объяснить так: в состоянии сна обостряется интуиция и проникательность, и это позволяет нам истолковать сон, увидев его «интерпретацию» во сне. Современные опыты толкования снов под гипнозом, по-видимому, подтверждают эту точку зрения. Когда людей, приведенных в гипнотическое состояние, просили истолковывать различные сны, они без колебаний объясняли их смысл, давая адекватный «перевод» с языка символов. Не под гипнозом тот же сон казался им совершенно бессмысленным. Эти опыты показывают, что мы все, вероятно, обладаем способностью понимать язык символов, но эта способность активизируется только в состоянии диссоциации, которое создается под гипнозом. Рабби Иоханан считает также, что то же самое происходит и в состоянии сна: когда мы спим, мы можем понять смысл другого сновидения и правильно его истолковать. Вероятно, особое значение имеют и повторяющиеся сны. Многие современные психологи отмечают, что повторяющееся сновидение выражает важные «темы» жизни человека. Человека тянет снова и снова поступать согласно этому лейтмотиву, и в этом смысле можно сказать, что такие повторяющиеся сновидения тоже часто предсказывают будущие события. Особый интерес представляет содержащаяся в Талмуде интерпретация символов. Она перекликается с интерпретацией Фрейда, как, например, в случае истолкования сновидения о том, что некто поливает оливковое дерево оливковым маслом. Это сновидение объясняется как символизирующее кровосмешение. Если человеку снится, что его глаза целуются, это означает половое сношение с сестрой. Символы, не сексуальные сами по себе, истолковываются как имеющие сексуальный смысл, в то время как непосредственно сексуальные символы толкуются как обозначающие нечто не-сексуальное. Так, в Талмуде говорится, что, если снится половое сношение с матерью, это означает, что человек, должно быть, очень умен. А тот, кому снится, что он вступил в связь с замужней женщиной, может быть уверен в своем спасении. Такое истолкование основано, очевидно, на том, что символ должен обозначать нечто другое, и поэтому символ, сам по себе сексуальный, должен обозначать нечто отличное от этого видимого значения. Однако авторы делают любопытную оговорку: человек, которому снится связь с замужней женщиной, может быть уверен в своем спасении только в том случае, если он раньше не знал эту женщину и если, засыпая, не испытывал вожделения. Отсюда видно, какое значение придается в Талмуде состоянию, в котором человек засыпал. Если он испытывал вожделение или хотя бы случайно был знаком с приснившейся женщиной, то, вероятно, общее правило, что символ обозначает нечто другое, не срабатывает, и сексуальный символ отражает сексуальное желание.

В средние века толкование сновидений во многом следует канонам, сформировавшимся в античную эпоху. Одно из наиболее точных и изящных высказываний отражающее представление о том, что корни сновидений – в обострившейся пронизательности спящего человека, принадлежит Синезию Киренскому, жившему в IV в. н. э. [42]

Есть сновидения-пророчества: в видениях, являющихся спящему, порой содержатся некие знаки, призванные сообщить о будущем. Такие сновидения одновременно правдивы и неясны, и даже в их неясности пребывает истина. «Скрыли великие боги жизнь смертных густой пеленою» (Гесиод).

Меня не удивляет, что некоторые благодаря сновидению смогли отыскать клад; что можно лечь спать совершенным невеждой, а, побеседовав во сне с Музами, проснуться способным поэтом, – я знаю, так случалось с некоторыми в мое время, и в этом нет ничего странного. Я уж не говорю о тех, которые во сне получали предупреждение об опасности или известие о снадобье, которое может их излечить. Но когда сон позволяет душе пуститься в тончайшие исследования истины, душе, которая прежде и не желала этого исследования, и не помышляла возвыситься до разума, а благодаря сну смогла подняться над природой и соединиться со сферой мысли, от которой она в своих блужданиях ушла так далеко, что уже не знает, откуда явилась, – вот это, говорю я, и есть наивысшее чудо и тайна.

Если кто-то полагает, что душа может таким образом подняться в высшие сферы разума, но не верит, что путь к этому счастливому союзу лежит через воображение, пусть он послушает, что говорят священные оракулы о различных путях, ведущих в высшие сферы. Перечислив различные средства, с помощью которых душа может возвыситься. Сивилла говорит, что

Одни просвещаются ученьем,
Другие вдохновляются во сне.

Ты видишь, какое различие делает оракул: с одной стороны, озарение, с другой – науки. Первое – это учение, когда человек бодрствует, второе – когда спит. Учение в бодрственном состоянии всегда исходит от учителя, во сне же знание исходит от Бога...

Явление дивинации, или божественного откровения, во сне таково, что оно достижимо для всех: будучи простым и безыскусным, оно в наивысшей степени разумно; оно свято, ибо проникает в нас без насилия, оно – повсюду: в источнике, камне, море; значит – это то, что воистину божественно.

Дивинация не требует отказа от каких бы то ни было занятий или прерыва в делах хотя бы на мгновение... Чтобы видеть сны, не обязательно прерывать свой труд и ложиться спать. Но плоть не может выдержать долгие ночные бдения, и по велению природы мы должны получать отдых, который вместе со сном приносит нам нечто большее, чем сам сон: потребность естества становится источником наслаждения, и мы спим не просто, чтобы жить, а чтобы узнать, как жить хорошо...

При дивинации во сне всякий есть сам для себя – свое собственное орудие; что бы мы ни делали, мы неотделимы от своего оракула: он живет с нами, он следует за нами повсюду – когда мы в пути или на войне, когда мы заняты государственными делами, земледелием или торговлей. Законы ревнивого государства не запрещают дивинации; и даже если бы запрещали, они не могли бы ничего сделать; ибо как можно было бы доказать, что закон нарушен? Что дурного во сне?.. Ни один тиран не может запретить видеть сны в своих владениях и еще менее – объявить сны вне закона; было бы безумием повелеть невозможное и неблагочестием – противопоставить себя велениям естества и Бога.

Давайте же обратимся к толкованию снов, мужчины и женщины, молодые и старые, богатые и бедные, частные граждане и магистраты, жители городов и деревень, ремесленники и ораторы! Ни у кого здесь нет преимуществ, их не дает ни пол, ни возраст, ни удача, ни ремесло. Сон открывается всем: это оракул, всегда готовый сделаться непогрешимым и молчаливым советником; в этом особом невиданном таинстве каждый в одно и то же время и священник и принимающий посвящение. Сон, подобно дивинации, возвещает нам о грядущих радостях и предвосхищением счастья, которое нам припасено, продлевает наше удовольствие; сон предостерегает от угрожающих нам несчастий, чтобы мы были настороже. Чарующие обещания надежды, столь дорогие человеку, и дальние предвидения, рожденные страхом, – все приходит к нам со сновидением. Ничто не способно так питать нашу надежду; это – благо, столь великое и столь драгоценное, что, не будь его, мы, как говорили величайшие из софистов, не могли бы жить!

Со взглядами Синезия сходны теории сна еврейских последователей Аристотеля, живших в XII и XIII столетиях. Величайший из них, Маймонид, утверждает, что сновидения подобно пророчествам возникают под действием активизировавшейся во время сна силы воображения. Может ли человек сам отделить рациональную

часть своего сновидения от его символической оболочки или ему нужна помощь толкователя снов, это зависит от того, насколько прозрачна эта оболочка, скрывающая глубинный смысл, и от способности самого человека к размышлениям[43].

Фома Аквинат различает четыре вида сновидений:

Как сказано выше, дивинация, основывающаяся на ложном мнении, – это проявление суеверия, и она незаконна. Следовательно, необходимо рассмотреть, что истинно в том, что касается предсказаний будущего по сновидениям. Иногда сновидения являются причиной будущих событий; например, разум человека приходит в тревогу из-за того, что он увидел в сновидении, и, таким образом, получает направление к тому, чтобы как-то действовать или избежать чего-либо; но иногда сновидения суть предзнаменования будущих событий настолько, насколько их можно соотносить с некоторой общей причиной, производящей и сновидения, и будущие события, и, таким образом, будущее можно нередко узнавать из сновидений. Следовательно, необходимо определить, что есть производящая причина сновидений и может ли она быть причиной будущих событий либо свидетельствовать о них.

Соответственно, мы наблюдаем, что причина сновидений иногда содержится в нас самих, а иногда – вне нас. Внутренняя причина сновидений двояка: с одной стороны, это касается души, поскольку то, что занимает мысли и чувства в бодрственном состоянии, возвращается к человеку во сне. Подобная причина сновидений не есть причина будущих событий, ибо сновидения такого рода имеют произвольное отношение к будущим событиям, и если они когда-либо произойдут, это совпадение будет случайно. С другой стороны, внутренняя причина сновидений может быть связана с телом, поскольку внутреннее состояние тела ведет к образованию соответствующего движения воображения; так, человеку, которому холодно, снится, что он находится в воде или в снегу: и поэтому врачи говорят, что следует примечать свои сновидения, чтобы распознать внутренние состояния тела.

Подобным же образом и внешняя причина сновидений двояка: она телесная и духовная. Она телесная, поскольку воображение спящего подвергается воздействию окружающего воздуха или какого-то небесного тела, и спящему являются определенные видения, в соответствии с расположением небесных тел. Духовная причина иногда исходит от Бога, который через ангелов открывает людям в сновидениях некоторые вещи, как сказано в книге Чисел: «Если бывает у вас пророк Господень, то я открываюсь ему в видении, во сне говорю с ним» (Чис., 12: 6). Иногда, однако, являющиеся людям во сне видения посланы демонами, и, таким образом, они порой открывают будущее тем, кто вступил с ними в преступные сношения.

Соответственно, следует сказать, что дивинация не будет незаконной, если сновидения, по которым мы узнаем будущее, суть божественное откровение либо обусловлены не какой внутренней или внешней естественной причиной настолько, насколько эта причина может быть действительной. Но она будет незаконной и ее следует считать проявлением суеверия, если она будет обусловлена откровением демонов, с которыми заключен договор, либо явно – вызывая их для этой цели, либо неявно – посредством переходящей возможные пределы дивинации. Этого достаточно для ответов на Возражения. [44]

Аквинат подобно Артемидору и другим авторам считал, что некоторые сновидения ниспосылаются Богом. Согласно его теории, сновидения, которые он считает порождением души человека, видящего сон, представляют собой не наивысшее проявление способностей разума, как утверждал Маймонид, а плод воображения, занятого теми же желаниями и интересами, что и днем. Интересно, что Аквинат подобно индийским и греческим мыслителям полагает, что некоторые соматические процессы обозначаются в сновидениях символами и что с помощью толкования можно выявить внутренние соматические состояния. Современное толкование сновидений (начиная с XVII в.) представляет собой, в сущности, видоизмененный пересказ теорий времен античности и средневековья, хотя прослеживаются и некоторые новые тенденции.

Взгляд на сновидения как на отражение соматических состояний встречается у многих более ранних авторов. Гоббс же полагает, что все сновидения – результат действия соматических факторов. Это представление до сих пор широко распространено и часто используется для опровержения Фрейда:

Так как мы видим, что сновидения порождаются раздражением некоторых внутренних частей тела, то разные раздражения необходимо должны вызвать различные сны. Вот почему пребывание в холоде порождает страшные сны и вызывает мысль и образ чего-то страшного (ибо движение от мозга к внутренним частям и от внутренних частей к мозгу бывает взаимно); и так как гнев порождает жар в некоторых частях тела, когда мы бодрствуем, то слишком сильное нагревание тех же частей, когда мы спим, порождает гнев и вызывает в мозгу образ врага. Точно так же если естественная красота вызывает желание, когда мы бодрствуем, а желание порождает жар в некоторых других

Фромм Эрих Забытый язык filosoff.org

частях тела, то слишком большой жар в этих частях, когда мы спим, вызывает в мозгу образы прекрасного. Короче говоря, наши сновидения – это обратный порядок наших представлений наяву. Движение в бодрствующем состоянии начинается на одном конце, а во сне – на другом. [45]

Неудивительно, что философы эпохи Просвещения скептически относились к утверждениям, что сны посылаются Богом или что их можно использовать для предсказания будущего.

Вольтер осуждает идею о том, что сны могут быть вещими, считая это бессмысленным предрассудком. Несмотря на это, он полагает, что, хотя сны часто отражают соматические факторы и избыток «душевных страстей», во сне нам нередко служат также и обострившиеся способности разума:

Должно, вместе с Петронием, признать, *quidquid luce, tenebris agit* [46]. Я знал адвокатов, которые во сне выступали в суде, математиков, которые искали решения задачи, поэтов, которые слагали стихи; мне самому случилось слагать стихи во сне, и они были весьма недурны. И значит, во сне мы, бесспорно, можем мыслить столь же логично, как при бодрствовании, и эти мысли, вне всякого сомнения, являются нам помимо нашей воли. Во сне мы мыслим, и тело наше также во сне приходит в движение, но при этом наша воля нимало не повинна ни в движениях тела, ни в движении мысли. Прав отец Мальбранш, утверждая, что мы не способны рождать свои мысли сами. Ибо отчего они должны принадлежать нам наяву больше, чем во сне? [47]

Теория сна у Канта сходна с теорией Вольтера. Он тоже не верил в видения и в божественное происхождение снов и считал, что в их основе не что иное, как просто «нарушения пищеварения». Но он также готов предположить, что во сне человек может мыслить яснее и шире, чем наяву. Вот что он пишет о состоянии сна:

Тот, кто, бодрствуя, настолько углубляется в вымыслы и химеры своего плодovitого воображения, что совершенно не обращает внимания на свои чувственные ощущения, справедливо называется бодрствующим сновидцем. Ибо при некотором еще большем ослаблении чувственных ощущений человек заснет, и прежние химеры превратятся уже в настоящие сны. Причина, по которой эти химеры не превращаются в сны еще при бодрственном состоянии, заключается в том, что человек созерцает их внутри себя, другие же предметы, которые он ощущает, он представляет себе вне своей личности, так что одни из них он считает продуктами своей собственной деятельности, а другие он относит к внешнему миру, воздействие которого он воспринимает... Если он заснет, ощущаемое представление его тела погаснет, и останется лишь представление самоизмышленное, к которому остальные химеры имеют только внешнее отношение, обманывая спящего, пока он продолжает спать, пока в нем отсутствует ощущение, которое позволило бы отличить первообраз от привидения, внешнее от внутреннего. [48]

Гёте тоже подчеркивает возрастающую активность умственных способностей у спящего человека. Когда Эккерман рассказал ему свой «поэтический» сон, Гете сказал:

Как видите, музы являются нам и во сне, да еще осыпают нас милостями; не станете же вы отрицать, что в состоянии бодрствования вам бы не удалось придумать нечто столь изящное и своеобразное.

Не только мышление работает активнее во сне, чем при бодрствовании; о себе также сильнее заявляет и глубинное стремление к здоровью и счастью:

В человеческой природе заложены чудодейственные силы, и когда мы никаких радужных надежд не питаем, оказывается, что она припасла для нас нечто очень хорошее. Бывали в моей жизни периоды, когда я засыпал в слезах, но во сне мне являлись прелестные видения, они дарили меня утешением и счастьем, так что наутро я вставал бодрый и освеженный. [49]

Одно из наиболее изящных и выразительных высказываний о наивысшем проявлении рациональности мыслительных процессов во сне принадлежит Эмерсону:

Сновидения обладают поэтической цельностью и заключают в себе истину. Над этой преисподней и хаосом мысли все же царит некий разум. Их безумие, будучи в разладе с естеством, все же пребывает в пределах некоего высшего естества. Они представляют нам богатство и беглость мысли, неведомые бодрственному опыту. Сновидения поражают нас тем, что существуют независимо от нас, но мы познаем себя в этом скоплении безумия и обязаны ему неким даром прорицания и некой мудростью. Мои сновидения – это не я сам; они не При рода, они не Не-Я; они и то и другое. У них двойное сознание, в одно и то же время субъ- и объективное. Мы зовем возникающие в них призраки плодами нашего воображения, но они подобны мятежникам, открывающим огонь по своему командиру; они показывают, что всякое действие, всякая мысль, всякая причина имеют два полюса, и всякое действие заключает в себе противодействие; поражая, я оказываюсь поражен; преследуя, я оказываюсь гонимым.

В сновидении человек получает мудрые и порой зловещие намеки от некоего неведомого разума. Дважды или трижды в жизни будет он поражен справедливостью и значительностью своих сновидений. Однажды или дважды ему покажется, что оковы сознания пали, и ему явилась невиданная свобода выражения. Порой в их лоне вызревают суждения, и происходит это помимо сознания, уже содержащего их элементы. Так, наяву у меня есть образ г-на Руперта, но я не знаю, чего от него ждать. В моем сновидении он творит нечто нелепое, ни с чем не соответствующее. Он злобен, жесток и подл, он вызывает страх. Через год оказывается, что это было предвидением. Но это предвидение уже существовало в моем уме как образ, и в пророческом сновидении образ просто воплотился в действие. Так нельзя разве сказать, что предзнаменования и предчувствия – это предвещения духа?

То, что происходит с нами в сновидениях, вводит нас в высокие сферы Причины, и мы узнаем о подлинности всякого следствия, казавшегося несообразным. Мы узнаем, что действия, о порочности которых судят весьма различно, порождены одними и теми же страстями. Сон снимает одежды обстоятельств, вооружает нас пугающей свободой, и всякое желание спешит обернуться действительным. Опытный человек читает свои сны, чтобы познать себя; возможно, он понимает их не до конца, но улавливает суть. Какую роль он в них играет: славную роль отважного героя или жалкую роль глупца? Но как ни чудовищны и как ни абсурдны ночные видения, в них содержится важная истина. То же самое можно сказать и о предзнаменованиях и о совпадениях, которые, возможно, порой вызвали наше удивление. Причины всех этих явлений всегда кроются в самом человеке. Как сказал Гёте, «этим причудливым образом легко можно найти соответствие во всей нашей жизни и судьбе, ибо они зарождаются в нас самих. [50]

Высказывание Эмерсона имеет очень важное значение, так как он яснее, чем кто-либо до него, понял, какова связь между характером человека и его сновидением. Наш характер отражается в сновидениях, и особенно те его стороны, которые не проявляются наяву. То же и с характером других людей. Во время бодрствования мы по большей части наблюдаем только их поведение и действия. Во сне мы осознаем скрытые мотивы этих действий и, таким образом, часто можем предсказать их будущие действия.

В заключение этого краткого обзора истории толкования снов я хотел бы упомянуть об одной из наиболее оригинальных и интересных теорий – о теории сновидений Анри Бергсона. Бергсон, как и Ницше, полагает, что сновидения возникают под действием различных физиологических факторов; но в отличие от Ницше он не считает, что эти факторы следует связывать с доминирующими стремлениями и страстями; дело в том, что мы отбираем из обширных и почти неограниченных запасов памяти те воспоминания, которые соответствуют этим соматическим факторам, и именно эти «забытые» воспоминания составляют содержание сновидения. Теория памяти Бергсона очень близка к теории Фрейда. Он также допускает, что мы ничего не забываем, а то, что вспоминаем, составляет лишь небольшую часть всего запаса памяти:

Наши воспоминания образуют в данный момент солидарное целое, так сказать, пирамиду, острие которой как раз внедряется в наше действие последнего момента. Но позади воспоминаний, только что вошедших таким образом в наше действие и открывшихся нам, благодаря последнему, существуют тысячи и тысячи других, заключенных в памяти, там внизу, под сценой, освещенной сознанием. Да, я считаю, что вся наша прошлая жизнь сохраняется до мельчайших подробностей, что мы ничего не забываем и что все, что мы чувствовали, воспринимали, думали, желали со времени пробуждения нашего сознания, живет неразрушимым. Но те воспоминания, которые моя память сохраняет в самых темных глубинах, находятся там в виде невидимых призраков. Они стремятся, быть может, к свету, но они не пытаются даже туда подняться; они знают, что это невозможно, что я, живое и действующее существо, имею другие дела помимо того, чтобы заниматься ими. Теперь предположите, что в данный момент я становлюсь безучастным к настоящему положению, к настоящему действию, одним словом, ко всему тому, что до сих пор фиксировало и направляло мою память. Предположите, другими словами, что я засыпаю. Тогда поднимаются эти воспоминания, чувствуя, что я удалил препятствие, приподнял трап, удерживающий их в подпочве сознания. Они встают, мечутся, исполняют во мраке бессознательного грандиозный танец мертвецов. И все бегут к двери, только что приоткрывшейся, все желали бы пройти в нее, но они не могут этого сделать, так как их слишком много. Кто же будет избранным из этого множества званых? Нетрудно угадать это. Сейчас, когда я бодрствовал, сумели пробиться только воспоминания, сославшиеся на родственные отношения с настоящим положением, с тем, что я видел, слышал вокруг меня. Теперь мое зрение занимают образы более смутные, до слуха моего доходят звуки более неопределенные, осязание, рассеянное по всей поверхности моего тела, менее отчетливо, но вместе с тем ощущения,

доходящие до меня из глубоких частей моего организма, более многочисленны. И вот из числа воспоминаний-призраков, стремящихся наполниться цветом, звучностью, одним словом, материальностью, преуспеют лишь те, которые смогут ассимилироваться с цветной пылью, нами замечаемой, с внешними и внутренними шумами, нами слышимыми, и т. д. и которые вместе с тем будут более подходить к тону нашей общей чувствительности. Когда произойдет это соединение воспоминания и ощущения, мы будем иметь сновидение. [51] Бергсон подчеркивает различие между состоянием сна и состоянием бодрствования:

Ты спрашиваешь меня, что я делаю во время сновидения. Я расскажу тебе, что делаешь ты, когда бодрствуешь. Ты берешь меня, «Я» сновидений, меня, целокупность твоего прошлого, и ты доводишь меня путем постепенных сокращений до того, что заключаешь в очень маленький круг, очерчиваемый тобой вокруг твоего настоящего действия. Это значит бодрствовать, это значит жить нормальной психологической жизнью, это значит бороться, это значит иметь волю. Что же касается сновидения, нуждаешься ли ты реальным образом в том, чтобы я объяснял тебе его? Это есть то состояние, в котором ты вновь оказываешься естественным образом, как только ты распускаешься, как только ты не имеешь больше сил сосредоточиваться на одном пункте, как только ты перестаешь хотеть. Что скорее нуждается в объяснении, так это тот чудесный механизм, благодаря которому воля может моментально и почти бессознательно сконцентрировать все, что ты несешь в себе, на одном пункте, на том, который тебя интересует. Но объяснять это есть задача нормальной психологии, психологии бодрствования, ибо бодрствовать и хотеть – одно и то же. [52]

Бергсон подчеркивает, что состояние бодрствования по своей природе противостоит состоянию сна. Эта же точка зрения лежит и в основе моей теории сновидений. Различие, однако, в том, что, по мнению Бергсона, во сне просто теряет значение все, кроме соматических факторов; я же считаю, что как раз большое значение приобретают наши желания, страхи и догадки, хотя при этом мы не используем их для овладения окружающей действительностью. Даже такой краткий очерк истории толкования сновидений показывает, что у нас мало оснований считать наш уровень знаний в этой области – как и во многих других областях науки о человеке – более высоким, чем тот, который был достигнут в великих культурах прошлого. При этом есть все же некоторые вещи, открытые современной наукой, которые не встречаются ни в одной из ранних теорий: Фрейд открыл принцип свободных ассоциаций, явившийся ключом к пониманию сновидений, и сумел проникнуть в природу «работы сна», и в частности – в механизмы сгущения и вытеснения. Даже тот, кто изучает сны в течение многих лет, не может не удивляться, как ассоциации, связанные со множеством различных и часто отдаленных воспоминаний и переживаний, соединяются в одно целое и позволяют раскрыть подлинный образ мыслей спящего человека, скрытый за явным сюжетом сновидения, нередко непонятным и обманчивым.

Что же касается содержания старых теорий сновидений, достаточно в заключение сказать, что большинство исследователей придерживаются той или иной из двух точек зрения: сны считаются либо проявлением животного начала в человеке – воротами обмана, либо наивысшим проявлением разума – воротами истины. Одни исследователи полагают, как Фрейд, что всякое сновидение иррационально по своей природе; другие считают, как Юнг, что сны – это всегда откровения высшего разума. Но многие исследователи разделяют взгляды, изложенные в этой книге, – что в сновидениях проявляется и то и другое, иррациональное и рациональное, и что цель толкования сновидений как раз и состоит в том, чтобы выяснить, заявляет ли о себе животное начало, либо – все лучшее, что в нас есть.

VI

Искусство толкования снов

Понимать язык снов – это искусство, которое, как и любое искусство, требует знаний, таланта, труда и терпения. Талант, терпение и умение приложить усилия для применения знаний на практике невозможно приобрести с помощью книги. Но книга может передать знания, необходимые для того, чтобы научиться понимать язык снов, и в этом – задача данной главы. Однако поскольку книга предназначена для неспециалистов и начинающих исследователей, я постараюсь привести в этой главе лишь сравнительно простые примеры, чтобы проиллюстрировать наиболее важные принципы толкования сновидений.

Из приведенных выше теоретических рассуждений о значении и функции сновидений следует, что одна из важнейших и часто труднейших проблем в толковании снов состоит в том, чтобы распознать, что выражает сновидение – бессознательное желание и его удовлетворение либо просто страх или тревогу? либо это акт проникновения в суть внутренних или внешних сил и процессов? Как следует понимать данное сновидение: как проявление низших или высших начал? Как выяснить, в каком ключе следует истолковывать сновидение? Есть и другие вопросы, относящиеся к методике толкования снов: нужно ли знать, каковы ассоциативные связи у человека, видящего сон, как это утверждает Фрейд, или можно понять сновидение и без них? Как связано сновидение с недавними событиями, и прежде всего с тем, что происходило накануне? Как соотносится сновидение с личностью человека в целом, с его страхами и стремлениями, связанными с его характером?

Мне хотелось бы начать с простого примера, который показывает, что ни в одном сновидении нет ничего, что не имело бы смысла.

Молодая женщина, интересующаяся проблемами толкования снов, за завтраком говорит мужу: «Сегодня мне приснился сон, и я убедилась, что бывают сны, в которых нет никакого смысла. Мне просто снилось, что я подавала тебе клубнику на завтрак». Муж рассмеялся и сказал: «Ты только, кажется, забыла, что клубника – единственная ягода, которую я не ем».

Ясно, что этот сон далеко не бессмысленный. Она предлагает мужу нечто, чего, как она знает, он не любит и что не принесет ему ни пользы, ни удовольствия. Показывает ли это сновидение, что она – фрустрирующая личность, которой нравится давать то, что неприемлемо? Отражает ли оно глубокий конфликт в браке этих двух людей, связанный с ее характером, но проявляющийся для нее на уровне подсознания? А может, это сновидение – лишь реакция на какой-то поступок мужа, расстроивший ее накануне, и проявление мимолетной досады, от которой она избавилась, отыгравшись во сне? Мы не можем ответить на эти вопросы, не располагая более подробными сведениями об этой женщине и о ее браке, но мы точно знаем, что это сновидение имеет смысл.

Следующее сновидение сложнее, но на самом деле смысл его нетрудно понять. Адвокат, 28 лет, проснувшись, вспомнил свой сон, который он потом пересказал психоаналитику:

– Мне снилось, что я верхом на белом коне принимаю военный парад. Меня бурно приветствует толпа солдат.

Первый вопрос, который психоаналитик задает своему пациенту, – общего характера:

– Что вы об этом думаете?

– Ничего, – отвечает пациент, – глупый сон. Вы знаете, что мне не нравится все, что связано с войной и армией, и, уж конечно, мне не хотелось бы быть генералом. – И добавил: – Мне не хотелось бы быть в центре внимания, не хотелось бы, чтобы на меня смотрели тысячи солдат, не важно – приветствуют они меня или нет. Я рассказывал вам о своих профессиональных проблемах, и вы знаете, как мне трудно даже вести защиту в суде, когда все на меня смотрят.

– Да, все это верно, – отвечает психоаналитик, – тем не менее это ваш сон, сюжет, который вы создали и в котором вы отвели себе определенную роль.

Несмотря на очевидную несообразность, этот сон должен что-то означать и должен иметь какой-то смысл. Начнем с того, какие у вас возникают ассоциации в связи с событиями во сне. Представьте всю картину, себя, белого коня и приветствующие вас войска – и скажите, что приходит вам в голову при виде этого?

– Странно, но я вижу картину, которая мне очень нравилась, когда мне было лет четырнадцать-пятнадцать. На ней изображен Наполеон, да-да, Наполеон, верхом на белом коне, перед своими войсками. Это очень похоже на то, что я видел во сне, только на той картине солдаты не приветствовали Наполеона.

– Это воспоминание, несомненно, интересно. Расскажите подробнее о вашем интересе к этой картине и к Наполеону.

– Я могу многое рассказать, но мне неловко. Когда мне было лет четырнадцать-пятнадцать, я был очень застенчивый. У меня были нелады со спортом, и я побаивался сильных ребят. Да, я припоминаю один случай из тех времен, я о нем совершенно забыл. Мне очень нравился один из сильных мальчиков, и мне хотелось с ним подружиться. Мы были едва знакомы, но я надеялся, что, если мы познакомимся поближе, я ему тоже понравлюсь. Однажды – на это надо было отважиться – я подошел к нему и спросил, не хочет ли он пойти ко мне в гости; я сказал, что у меня есть микроскоп и я могу показать ему много интересного. Он взглянул на меня и вдруг рассмеялся. Он смеялся и не мог остановиться. «Мамыны сын! Пригласи-ка лучше кого-нибудь из подружек своей сестры!» Я отвернулся, меня душили слезы. В то время я жадно поглощал книги о Наполеоне, собирал картинки с его изображениями и позволял

себе мечтать, что стану таким же, как он, знаменитым генералом, которым будет восхищаться весь мир. Разве не был он тоже маленького роста? Разве не был он, как я, застенчив в юности? Почему бы мне не стать таким, как он? Целыми днями я фантазировал; едва ли я думал о том, как достичь этой цели, в моих фантазиях это был свершившийся факт. Я был Наполеоном, которым восхищались, которому завидовали, я был могуществен и готов был простить тех, кто меня унижал. Когда я пошел в колледж, я перестал поклоняться своему герою и оставил свои мечты о Наполеоне; я на самом деле много лет об этом не вспоминал и, конечно, никому не рассказывал. Даже сейчас мне как-то неловко рассказывать вам об этом.

– Вы об этом забыли, но ваше другое «Я», которое определяет многие ваши поступки и мысли, «Я», скрытое от дневного сознания, все же страстно желает славы, восхищения, власти. Это другое «Я» заявило о себе ночью в вашем сновидении; давайте теперь посмотрим, почему именно этой ночью. Расскажите, что вчера произошло такого, что имело для вас значение?

– Ничего особенного; это был обычный день. Я пошел на службу, подбирал там материалы для изложения дела в суде, потом пошел домой, пообедал потом сходил в кино и лег спать. Вот и все.

– Из этого, пожалуй, непонятно, почему во сне вы были верхом на белом коне. Расскажите подробнее, что было на службе.

– Да, я припоминаю... но это не может иметь отношения к моему сну... все-таки расскажу. Когда я пришел к начальнику, старшему партнеру фирмы, – я для него подбирал материалы, – он обнаружил у меня ошибку. Он с осуждением посмотрел на меня и заметил: «Я от вас этого не ожидал, я думал, вы лучше справитесь». У меня внутри все обрвалось, и промелькнула мысль, что он не сделает меня своим партнером по фирме, как я рассчитывал. Но я сказал себе, что это ерунда, что всякий может ошибиться, что он просто раздражителен и этот эпизод никак не повлияет на мое будущее. К обеду я уже забыл об этом случае.

– В каком состоянии вы были? Вы были взволнованы или как-то подавлены?

– Нет, вовсе нет. Напротив, я чувствовал себя усталым, хотел спать. Я работал с трудом и был очень рад, когда пришло время идти домой.

– Последним значительным событием за этот день было кино. Расскажите, пожалуйста, что это был за фильм?

– Я смотрел фильм «Хуарес» [53], он мне очень понравился, я даже всплакнул.

– По какому поводу?

– Сначала, когда показали, как он был беден и страдал, потом, когда он победил; я не помню, пожалуй, ни одной картины, которая бы меня так взволновала.

– Потом вы легли спать, и вам приснилось, что вы верхом на белом коне и вас приветствуют войска. Теперь немного прояснилось, почему вам приснился этот сон, не так ли? В детстве вы были застенчивым, неловким мальчиком, которого все отталкивали. Из наших предыдущих бесед мы знаем, что эти ваши переживания во многом связаны с отцом; он очень гордился своими успехами, но не смог наладить с вами отношения, не мог ни почувствовать к вам привязанность, ни тем более как-то ее показать, ни поддержать вас. Случай, о котором вы сегодня упомянули, когда вас оттолкнул мальчик, с которым вы хотели дружить, был только последней каплей. Ваше самолюбие было уже достаточно ущемлено, а этот эпизод еще прибавил вам уверенности в том, что вам никогда не стать таким, как отец, что вы ни на что не способны и что люди, которыми вы восхищаетесь, всегда будут вас отталкивать. Что вам оставалось делать? Вы ушли в мир фантазии, где вы могли достичь того, на что, как вы думали, вы не способны в реальной жизни. Там, в этом мире, куда никто не мог проникнуть и где никто не мог вам противоречить, вы были Наполеоном, великим героем, которым восхищались тысячи людей и – что, пожалуй, важнее всего – вы сами. Пока эта фантазия оставалась с вами, вы были защищены от горьких страданий, которые доставляли вам ощущение своей неполноценности, испытываемое в общении с внешним миром. Потом вы поступили в колледж. Вы уже не так зависели от отца, вы почувствовали некоторое удовлетворение от успехов в учебе, поняли, что можете сделать неплохое начало. Кроме того, вы стыдились своих «детских» мечтаний и поэтому поспешили от них избавиться; вы почувствовали себя на пути к тому, чтобы стать настоящим мужчиной... Но, как мы видели, это новое чувство было в чем-то обманчивым. Вы ужасно боялись каждого экзамена: вам казалось, что ни одна девушка всерьез не заинтересуется вами, если рядом будет другой молодой человек; вы всегда боялись замечаний начальника. Теперь мы подошли к дню накануне сна. То, чего вы так старательно избегали, произошло. Начальник сделал вам замечание, и к вам снова вернулось прежнее чувство несостоятельности, но вы гнали его от себя; вместо того чтобы встревожиться или расстроиться, вы почувствовали усталость. Потом вы посмотрели фильм, который перекликался с вашими детскими мечтами. Герой фильма, который стал

спасителем своего народа и предметом всеобщего восхищения, до этого был слабым, всеми презираемым юношей. Вы, как когда-то подростком, представили себя на месте героя, которым восхищаются, которого приветствуют. Теперь вы видите, что на самом деле вы не избавились от прежнего стремления укрыться от реальности в мечтах о славе, что вы не сожгли мосты, уводящие вас обратно в страну фантазий, но опять пытаетесь туда вернуться всякий раз, когда действительность разочаровывает или угрожает вам? Теперь мы видим, что благодаря этому обстоятельству как раз и возникает опасность того, чего вы так боитесь, опасность быть похожим на ребенка, а не на взрослого человека, опасность, что взрослые люди не будут принимать вас всерьез, да и вы сами тоже.

Этот сон очень простой, и это позволяет исследовать отдельные элементы, имеющие важное значение для искусства толкования снов. Что он представляет собой: исполнение желания или проявление глубинного знания? Ответ не вызывает сомнений: это исполнение бессознательного стремления к славе и признанию, которое развилось у пациента как реакция на жестокие удары по самолюбию. На иррациональность этого стремления указывает тот факт, что пациент не избирает символ, который мог бы означать нечто имеющее смысл в реальной действительности. На самом деле военная служба его не интересует, он никогда не предпринимал и наверняка не предпримет ни малейшей попытки стать генералом. Сюжет сновидения построен на материале незрелых фантазий неуверенного в себе подростка.

Какую роль в понимании сна играют ассоциации пациента? Смогли бы мы понять смысл этого сна, не узнав от пациента об этих ассоциациях? Символы, использованные в сновидении, – универсальные. Человек верхом на белом коне перед приветствующим его войском – это понятный всем символ могущества, власти, восхищения (символ, универсальный, разумеется, в ограниченном смысле, как общепринятый в ряде культур, но не обязательно во всех). Ассоциации пациента в связи с его поклонением Наполеону позволяют выяснить, почему выбран именно этот символ и какова его психологическая функция. Если бы нам не были известны эти ассоциации, мы могли бы сказать только, что пациент мечтает о славе и власти. Связав сновидение пациента с юношеским поклонением Наполеону, мы понимаем, что этот символ отражает возрождение ранних мечтаний, которые компенсировали пациенту чувство неполноценности и беспомощности.

Мы видим также, как важно связать сюжет сновидения со значимыми переживаниями пациента накануне сна. Когда начальник сделал ему замечание, он на уровне сознания гнал от себя мрачные опасения. Из сновидения видно, что замечание начальника снова за дело его большое место, возродило страх оказаться несостоятельным и потерпеть неудачу, и ему вновь открылся старый путь бегства, фантазии о славе. Эти фантазии всегда подспудно жили в нем, но они проявились в сновидении только в связи с переживанием, имевшим место в действительности. Едва ли бывают сновидения, не являющиеся реакцией – часто запоздалой – на переживания накануне сна, которые имели важное значение для человека. В действительности часто только из сновидения становится ясно, что случай, не воспринимавшийся на сознательном уровне как значительный, был на самом деле очень важен, и становится ясно, в чем именно состояла важность. Чтобы правильно понять этот сон, его следует рассматривать как реакцию на значимые события, предшествовавшие сновидению. Здесь есть еще одна связь – хотя и другого рода – с тем, что испытал пациент накануне сна: фильм, сюжет которого перекликался с его юношескими фантазиями. Снова и снова поражаешься, как удастся сновидению сплести все нити в один узор. Приснился бы этот сон нашему герою, если бы он не посмотрел фильм? Ответить на этот вопрос невозможно. Переживания инцидента с начальником на фоне глубоко подавленной пышной фантазии детства, несомненно, могло быть достаточно для возникновения сновидения, но, возможно, фильм был необходим, чтобы эта фантазия ожила и стала более рельефной. Даже если бы ответ на этот вопрос и существовал, найти его не так важно. Что действительно важно – это понять общую ткань сновидения, узор, сплетенный из прошлого и настоящего, характера человека и происшедших событий. Разглядев этот узор, можно много узнать о том, что движет человеком, чего ему следует опасаться и какие ставить перед собой цели, если он хочет стать счастливым.

Следующее сновидение – еще один пример снов, которые можно рассматривать с точки зрения фрейдовского исполнения желаний.

Пациент, мужчина 30 лет, долгие годы страдал от сильных приступов тревоги, гнетущего чувства вины и почти не прекращающихся суицидных фантазий. Он испытывал чувство вины от того, что был, как он говорил, «плохой», что у него были злые устремления; он обвинял себя в том, что хотел уничтожить все и всех, испытывал желание убивать детей; в своих фантазиях в самоубийстве он видел единственный способ защитить мир от своего пагубного присутствия и

искупить свою вину. Здесь, однако, присутствует и другой аспект: после своей жертвенной смерти он должен будет родиться вновь в образе всемогущего человека, которого все будут любить, человека, стоящего намного выше других благодаря своей власти, мудрости и доброте. Сновидение, о котором он мне рассказал в начале нашей с ним работы, было такое:

Я поднимаюсь в гору; справа и слева от дороги тела мертвых мужчин, живых среди них нет. Поднявшись на вершину горы, я вижу, что там сидит моя мать; вдруг я вижу себя маленьким ребенком, и мать держит меня на коленях.

Пациент проснулся с чувством страха. Он был в тревоге от того, что ни с чем не мог связать ни один элемент сновидения и не мог найти ничего особенного в событиях предыдущего дня. Но смысл сновидения проясняется, если проанализировать мысли и фантазии пациента, о которых он рассказывал до того, как ему приснился этот сон. Он – старший сын в семье, его брат младше на год. Отец – властный, строгий священник – не любил старшего сына, да в сущности, и никого другого; он общался с сыном лишь затем, чтобы поучать его, корить, бранить, высмеивать и наказывать. Ребенок его так боялся, что верил матери, когда она говорила, что, если бы она не вмешивалась, отец убил бы его. Мать была совсем не такая, как отец: женщина с патологическим стремлением к обладанию, разочарованная в браке, не интересующаясь никем и ничем, кроме обладания своими детьми. Но она была особенно привязана к своему первенцу. Она пугала его рассказами о страшных привидениях и выступала в роли защитницы, которая будет за него молиться, будет наставлять его и сделает его сильным, так что когда-нибудь он станет даже сильнее своего грозного отца. Когда родился младший брат, мальчик, видимо, очень сильно переживал и ревновал. Сам он это время не помнит, но родственники рассказывают, что в его поведении вскоре после рождения брата безошибочно угадывалась сильная ревность.

Возможно, эта ревность не приобрела бы таких угрожающих размеров, как это случилось два или три года спустя, если бы не отношение отца, который воспринял младшего сына как своего. Почему – неизвестно: может быть, из-за того, что новорожденный был удивительно на него похож, или из-за того, что жена по-прежнему была слишком увлечена своим любимым сыном. Когда нашему пациенту исполнилось четыре или пять лет, соперничество между двумя братьями уже достигло большого размаха и возрастало из года в год.

Антагонизм родителей отражался и проявлялся в антагонизме братьев. В этом возрасте были заложены основы развившегося у пациента впоследствии тяжелого невроза: обостренная враждебность к брату, страстное желание доказать, что он лучше его, сильный страх перед отцом, усугубляющийся чувством вины за ненависть к брату, и скрытое желание стать когда-нибудь сильнее отца. Это чувство тревоги, вины и беспомощности усиливалось благодаря матери. Как я уже говорил, она пугала его еще больше, но она же и предлагала ему спасительный выход: если он останется маленьким мальчиком, будет принадлежать ей и не будет любить никого другого, то она сделает его великим, и он будет выше ненавистного соперника. Отсюда его меч ты о величии и отсюда же узы, крепко удерживающие его возле матери, – состояние детской зависимости и отказ принять на себя роль взрослого мужчины.

На этом фоне смысл сновидения легко понять. Он взбирается на гору – это то, к чему он стремится, его честолюбивое стремление стать выше других. «Справа и слева от дорогого тела мертвых мужчин, живых среди них нет». Это исполнение его желания уничтожить всех своих соперников; он чувствует себя таким беспомощным, что может спастись от них, только если они будут мертвы. Когда он взбирается на вершину – то есть достигает цели своих стремлений, – он видит там свою мать и оказывается у нее на коленях – это он вновь соединяется с матерью, он ребенок, получивший от нее силу и нашедший у нее защиту. Со всеми соперниками покончено – он один с ней, он свободен, и бояться нечего. Тем не менее он просыпается с чувством страха. Именно исполнение иррациональных желаний угрожает его разумной, взрослой личности, стремящейся к здоровью и счастью. Вот цена исполнения детских желаний – остаться беспомощным ребенком, привязанным к своей матери и зависимым от нее, без права самостоятельно думать или любить кого-нибудь, кроме матери. Само исполнение его желаний внушает страх.

Это сновидение существенно отличается от предыдущего в одном отношении. Первый пациент – застенчивый человек с подавленными желаниями, испытывающий трудности в жизни, и это мешает ему быть счастливым и сильным.

Незначительный эпизод – замечание начальника – глубоко задевает его и отбрасывает назад к детским мечтам. В целом он – нормальная личность, и, чтобы вернуться во сне к прежним претенциозным фантазиям, понадобился такой случай. Болезнь другого пациента серьезнее. Во всей его жизни, во сне и наяву, доминирует страх, чувство вины и страстное желание вернуться к матери. Для такого сновидения ему не нужно никакого особенного повода; поводом может стать почти любое событие, потому что в своем восприятии

жизни он исходит не из реальной действительности, а из своих детских переживаний.

В остальном эти два сновидения сходны. Они выражают исполнение бессознательных желаний, возникших у пациентов в детстве. Первое сновидение вызвало чувство удовлетворения, поскольку желание согласовывалось с обычными взрослыми целями (власть, престиж); второе – вызвало тревогу, ибо не согласовывалось ни с чем во взрослой жизни. Язык обоих сновидений состоит из универсальных символов, и их можно понять без ассоциаций, хотя нам все же необходимо знать кое-что из жизни пациентов, чтобы глубже понять значение каждого сновидения. Но даже если бы мы ни чего не знали об этих людях, из сновидения можно было бы получить некоторое представление об их характере.

Вот два коротких сновидения с аналогичными сюжетами, но тем не менее с разным смыслом. Оба сновидения принадлежат молодому гомосексуалисту.

Первое сновидение:

Я вижу себя с пистолетом в руке. У пистолета странно удлиненное дуло.

Второе сновидение:

Я держу в руке длинную толстую палку. Кажется, будто я кого-то бью – хотя вокруг никого нет.

Если следовать теории Фрейда, можно допустить, что в обоих сновидениях выражено гомосексуальное желание. Пистолет в первом случае и палка во втором обозначают мужской половой орган. Когда пациента спросили, что он может сказать о том, что предшествовало и тому, и другому сновидению, он рассказал о двух совершенно разных событиях.

Вечером накануне сна про пистолет он встретил одного молодого человека и испытал к нему сильное влечение. Перед тем как уснуть, он дал волю своему чувству в фантазиях, воображая этого юношу своим половым партнером.

В разговоре о втором сновидении, примерно два месяца спустя, пациент рассказал о совершенно иной ассоциации. Он рассердился на своего коллегу-преподавателя за то, что тот, как ему показалось, обошелся с ним несправедливо. Он не осмелился что-нибудь сказать этому преподавателю, но перед тем как уснуть, долго воображал себе, как бы он ему отомстил. Он вообще часто давал волю своей фантазии, перед тем как уснуть. В связи с палкой возникла еще одна ассоциация – воспоминание о том, как однажды, когда ему было десять лет, учителя, которого он очень не любил, ударил другого мальчика палкой. Он всегда боялся этого учителя, и именно страх удерживал его от того, чтобы открыто выразить свой гнев.

Что означает символ «палка» во втором сновидении? Является ли палка тоже сексуальным символом? Является ли это сновидение выражением глубоко скрытого гомосексуального влечения, направленного на коллегу-преподавателя или, может быть, на учителя, которого пациент ненавидел в детстве? Если допустить, что ключом к пониманию смысла символов в сновидении являются события, происшедшие накануне, и в особенности – состояние пациента непосредственно перед сном, то эти символы следует интерпретировать иначе, чем символы первого сновидения, несмотря на их видимое сходство.

Накануне первого сновидения пациент был погружен в гомосексуальные фантазии, и можно допустить, что пистолет с удлиненным дулом символизирует пенис. При этом не случайно половой орган представлен в виде оружия. Такая аналогия дает важную информацию о психологических мотивах гомосексуальных стремлений пациента. Его сексуальность выражает не любовь, а стремление к господству и разрушению. По некоторым причинам – мы не станем сейчас о них говорить – пациент всегда боялся, что не соответствует своей мужской роли. Испытанное в детстве чувство вины за занятие онанизмом, страх, что это повредит его половым органам, в более позднем возрасте – боязнь, что его пенис меньше, чем у других мальчиков, сильная зависть к мужчинам – все это соединилось в желание интимной близости с мужчинами, где он мог бы продемонстрировать свое превосходство и использовать свой половой орган в качестве мощного оружия.

Второе сновидение возникло на совсем ином эмоциональном фоне. Здесь, засыпая, он был зол; он не мог осмелиться выразить свой гнев; даже во сне он не смог выразить его непосредственно, представив, что бьет палкой преподавателя; ему приснилось, что он держит палку и, кажется, «кого-то» бьет. Появление именно палки в качестве символа гнева обусловлено тем, что он испытал в детстве, когда ненавистный ему учитель бил другого мальчика; злость, которую испытывал взрослый пациент по отношению к своему коллеге, смешалась с детской злостью на школьного учителя. Оба эти сновидения интересны, поскольку иллюстрируют общий принцип: аналогичные символы могут иметь разные значения, и правильно интерпретировать их можно только принимая во внимание, в каком состоянии был человек перед тем как уснуть, и следовательно, под влиянием какого состояния он продолжал находиться во время сна.

Рассмотрим еще одно короткое сновидение, выражающее исполнение бессознательного желания; его значение совершенно противоположно тем чувствам, которые испытывает пациент на сознательном уровне. Пациент – неглупый молодой человек; обратиться к психотерапевту его заставило довольно неопределенное состояние подавленности, хотя с ним все «нормально» – если слово «нормально» употреблено в обычном, поверхностном смысле. За два года до того, как обратиться к врачу, он окончил учебу и с тех пор работает в должности, которая отвечает его интересам, его устраивают условия работы, заработок и т. д. Он считается хорошим, даже отличным работником. Но эта внешняя картина обманчива. Он постоянно испытывает беспокойство, чувствует, что мог бы работать лучше (а это так и есть), настроение у него подавленное, несмотря на видимый успех. Особенно болезненны для него взаимоотношения с начальником, который склонен к некой авторитарности, хотя и в разумных пределах. Пациент колеблется между сопротивлением и подчинением. Ему часто кажется, что к нему предъявляют неправомерные требования, даже когда это явно не так; в таких случаях он обычно становится мрачен или начинает спорить. Иногда он невольно делает ошибки, представляя свой труд как «принудительный». В то же время он чрезмерно вежлив, готов подчиняться своему начальнику и другим людям, обладающим властью. Он усиленно восхищается своим руководителем и бывает безмерно счастлив, когда тот его похвалит; все это совершенно не согласуется с его склонностью к протесту. Постоянно чередуясь, эти два стиля поведения создают напряжение и усугубляют депрессию. Следует добавить, что пациент приехал из Германии после того, как к власти пришел Гитлер, и был страстным антинацистом – не в обычном смысле антинацистских «настроений», – но страстно противился нацизму и умом и сердцем. Эти политические убеждения вызвали, пожалуй, меньше всего сомнений по сравнению с его остальными мыслями и чувствами. Можно себе представить, как он был удивлен и поражен, когда однажды утром он ясно и живо вспомнил, что ему снилось:

Я сидел с Гитлером, и мы вели приятную и интересную беседу. Я находил, что он обаятелен, и был очень горд, что он слушает меня с большим вниманием. Когда пациента спросили, что он говорил Гитлеру, тот ответил, что о содержании разговора у него не осталось ни малейшего воспоминания. Нет никаких сомнений, что этот сон – исполнение желания. Примечательно, что его желание, настолько чуждое его сознательным мыслям, предстает в сновидении в таком незамаскированном виде.

Как ни удивительно показалось это сновидение нашему пациенту в момент пробуждения, оно не выглядит таким уж странным, если учесть характер пациента в целом, даже исходя из тех немногих сведений о нем, которые я здесь привожу. Главная проблема для него – отношение к власти. Днем склонность к протесту чередуется у него с покорностью и обожанием начальства. Образ Гитлера обозначает крайнюю форму проявления иррациональной власти, и сновидение ясно показывает, что, несмотря на ненависть пациента, покорность проявляется в нем реально и сильно. Сновидение позволяет более адекватно, чем данные о процессах на уровне сознания, оценить эту склонность пациента к покорности. Означает ли это сновидение, что пациент «на самом деле» за нацизм, а его ненависть к Гитлеру – «лишь» прикрытие в его сознании для глубинных чувств, которые и являются настоящими? Я ставлю такой вопрос, потому что на этом примере можно рассмотреть проблему очень важную для толкования любого сновидения.

Ясно, как ответил бы на этот вопрос Фрейд. Он сказал бы, что на самом деле пациенту снился не Гитлер. Гитлер – это символ, обозначающий другого – отца, которого молодой человек ненавидел и в то же время им восхищался. Во сне он «использовал» условный символ – Гитлера – для выражения чувств, относящихся не к настоящему, а к прошлому, принадлежащих не взрослой личности пациента, а скрытому в нем ребенку. Фрейд бы еще добавил, что то же самое можно сказать о чувствах пациента к начальнику. Они тоже не имеют к начальнику никакого отношения, поскольку это чувство к отцу, перенесенное на начальника.

В каком-то смысле все это совершенно верно. Смешение протеста и покорности возникло и развилось у пациента в отношениях с отцом. Но эта сложившаяся в детстве установка все еще сохраняется и проявляется по отношению к людям, с которыми пациент общается. Он до сих пор склонен и к протесту, и к покорности; он, а не скрытый в нем ребенок или его «подсознание» – как бы мы ни называли эту личность, которая якобы находится внутри него, но не является им самим. Прошлое имеет значение – если не говорить об историческом интересе – лишь постольку, поскольку оно присутствует в настоящем, и именно такой случай мы наблюдаем у нашего пациента, страдающего комплексом отношений к власти.

Если мы не можем просто сказать, что это не он, а ребенок в нем хочет поддерживать дружеские отношения с Гитлером, не становится ли это сновидение мощным свидетельством против пациента? Не говорит ли оно о том, что, несмотря на все утверждения пациента об обратном, он «в глубине души» нацист и лишь «на поверхностном уровне» считает себя врагом Гитлера? В этом рассуждении не учитывается один существенный для толкования снов фактор – количественный элемент. Сны подобны микроскопу, через который мы рассматриваем скрытые процессы в своей душе. Сравнительно незначительная тенденция в сложной структуре желаний и фобий в сновидении может иметь такую же значимость, как другая, занимающая в системе психики человека гораздо более важное место. Малозначительная неприязнь к другому человеку может, например, вызвать сновидение, в котором этот человек заболевает и, таким образом, уже не может нам досаждать, но это еще не значит, что мы настолько сердиты на это го человека, что «в самом деле» хотим, чтобы он заболел. В сновидениях – ключ к качественной, а не к количественной характеристике скрытых желаний и страхов; сны позволяют проанализировать их суть, а не интенсивность. Чтобы определить интенсивность тенденции, выявленной при качественном анализе сновидения, следует учитывать другие аспекты: повторяемость этой или аналогичной темы в других сновидениях, ассоциации, возникающие у человека, его поведение в реальной жизни и другие обстоятельства – в частности, такие, как нежелание анализировать эту тенденцию. Все это поможет получить более верное представление об интенсивности желаний и фобий. И даже не всегда достаточно учитывать силу желания; чтобы оценить его роль и функции во всей системе психики человека, необходимо знать, какие силы возникли в противовес ему, какие силы противостоят этой тенденции и направлены на ее уничтожение, создавая мотивацию поступков человека. И даже этого недостаточно. Нужно знать, на чем основаны эти защитные силы, противостоящие иррациональным, подавляемым желанием и силам: либо это главным образом страх быть наказанным и потерять любовь, либо это в какой-то степени конструктивные силы; или точнее – нужно знать, под действием каких сил сдерживаются и подавляются инстинктивные тенденции: под действием страха и/или благодаря наличию более мощных сил любви и добра. Все это необходимо учитывать, если мы хотим пойти дальше качественного анализа сновидения и выяснить, насколько сильно то или иное бессознательное желание, то есть оценить его количественно. Вернемся к пациенту, которому приснился Гитлер. Из его сновидения не следует, что его антинацистские убеждения были ненастоящими или недостаточно сильными. Но оно показывает, что пациент пытается совладать с желанием подчиниться иррациональной власти, даже той, которую он страстно ненавидит, и что ему хотелось бы, чтобы эта власть оказалась не такой уж отвратительной, как он о ней думал.

До сих пор мы рассматривали только те сновидения, которые можно проанализировать с позиций теории Фрейда. Все они представляют собой воображаемое исполнение во сне вытесненных бессознательных желаний. Для понимания этих сновидений мы привлекли гораздо меньше ассоциативного материала, чем обычно приводит Фрейд. Я сделал это намеренно, потому что выше уже привел два сновидения из Фрейда – о монографии по ботанике и о дяде, – в которых ассоциации были обязательным условием адекватного понимания. Теперь мы рассмотрим несколько сновидений, которые тоже представляют собой исполнение желаний, но эти желания не настолько иррациональны, как те, которые проявлялись в предыдущих сновидениях. Удивительно наглядным примером такого рода сновидения – исполнения желаний может служить следующий:

На моих глазах проводят эксперимент. Человека превратили в камень. Затем женщина-скульптор вырезала из этого камня статую. Вдруг каменный мужчина ожил и, разъяренный, направился в сторону скульптора. Я с ужасом смотрю на это и вижу, как он убивает ее. Потом он поворачивается ко мне, и я думаю, что если мне удастся затащить его в гостиную, где находятся мои родители, то я буду спасен. После упорной борьбы мне удается-таки затащить его в гостиную. Там сидят мои родители, и с ними несколько их друзей. Но они не обращают внимания на то, что мне угрожает смертельная опасность. Я думаю: ну вот, давно можно было понять, что им нет до меня дела. Я торжествующе улыбаюсь.

На этом сон кончается. Чтобы его понять, нужно располагать некоторыми сведениями об этом человеке. Он молодой врач, двадцати четырех лет, живет размеренной жизнью, находясь в полном подчинении матери, которая держит в руках всю семью. У него не возникает непосредственных мыслей или чувств, на работу он ходит по обязанности; его любят за скромный характер, но при этом он чувствует себя усталым, подавленным и не видит в жизни особого смысла. Он послушный сын, который всегда дома, делает то, что хочет от него мать, и едва ли имеет какую-то собственную жизнь. Мать поощряет его знакомства с

девушками, но стоит ему проявить к одной из них хоть малейший интерес, она находит в ней недостатки. Иногда, когда мать предъявляет к нему более жесткие требования, чем обычно, он сердится на нее; тогда она дает ему понять, как сильно он ее огорчил, какой он неблагодарный, и в результате такие вспышки досады кончаются бурным раскаянием и приводят к еще большей покорности. Накануне сновидения он ждал поезд в метро и наблюдал за тремя мужчинами примерно его возраста, которые стояли на платформе и разговаривали. Судя по всему, это были мелкие торговые служащие, возвращавшиеся домой из своего магазина. Они говорили про своего начальника; один из них утверждал, что начальник его очень любит и, наверное, повысит ему зарплату; другой вспоминал, как беседовал однажды с начальником о политике. Весь разговор был типичной болтовней обывателей, пустых лудишек, в жизни которых не было ничего, кроме обыденности этого магазина и его владельца. Нашего пациента, наблюдавшего за этими людьми, вдруг осенило. Он подумал: «Ведь это же я; это – моя жизнь! Я ничуть не лучше этих трех клерков; я такой же мертвый!» на следующую ночь ему приснился этот сон.

Сновидение нетрудно объяснить, имея представление об общем состоянии психики пациента и о непосредственной причине его возникновения. Пациент осознает, что его превратили в камень; у него нет ни своих собственных мыслей, ни чувств. Он ощущает себя мертвым. Он видит также, что некая женщина создала из камня скульптуру. Совершенно очевидно, что этот символ связан с матерью и с тем, что она с ним сделала. Он понимает, в какой степени ей удалось превратить его в безжизненную статую, которой она может владеть безраздельно. Хотя в дневной жизни он иногда и выражал недовольство по поводу ее притязаний, он тем не менее не осознавал, насколько ей удалось сделать его таким, как ей хочется. Во сне происходит прозрение: пациент намного яснее, достовернее и глубже, чем наяву, осознает, в какой ситуации он находится и какова роль матери в его жизни. Затем ситуация меняется. Пациент предстает одновременно в двух лицах (как нередко бывает в сновидениях). Он – наблюдатель, который видит, что происходит, и в то же время – ожившая статуя, в гнев убивающая свою создательницу. В этом поступке он выражает гнев против матери, полностью подавляемый наяву. Ни он сам, ни кто-либо другой не мог бы подумать, что он способен на такую ярость и что эта ярость может быть направлена на мать. Во сне ему представляется, что эту ярость испытывает не он сам, а ожившая статуя. Он, наблюдатель, сам напуган этим разъяренным человеком, который потом обращает свой гнев и против него.

Такое раздвоение личности, так ясно проявившееся в этом сновидении, так или иначе испытывает каждый из нас. Пациент боится своего собственного гнева; чувство гнева на самом деле настолько чуждо его сознательному мышлению, что он воспринимает разъяренного мужчину как другого человека. Тем не менее этот мужчина – «он», забытый, разъяренный «он», оживший в сновидении. Пациент-наблюдатель – тот, кем он является в дневной жизни, – воспринимает этот гнев как угрозу и боится – боится самого себя. Он борется сам с собой, он надеется, что, если его родители станут свидетелями борьбы, увидят его «врага», то он будет спасен. В этой надежде отражены его сокровенные желания, которые играют главную роль в его жизни.

Если нужно принять решение, если не можешь справиться с трудностями – беги к родителям, беги к любому, имеющему власть; они скажут тебе, что делать, они спасут тебя, – даже если за это придется заплатить вечной зависимостью и несчастливой судьбой. Решив затащить своего врага в гостиную, пациент прибегает к старому испытанному средству. Но, увидев родителей, он делает еще одно – совершенно неожиданное и страшное открытие: родители, и в частности его мать, от которой он ждал помощи, защиты, совета, от чьей мудрости и любви, казалось, зависит все в его жизни, – эти родители на него даже не взглянули, им нет до него дела, и они не могут ему помочь. Он оказался один и должен сам позаботиться о своей жизни; все прежние надежды оказались иллюзией, и эта иллюзия теперь вдруг разбилась вдребезги. Но это открытие, которое в каком-то смысле было горьким и разочаровающим, дает ему ощущение победы; он торжествующе улыбается, потому что ему приоткрылась правда, и он сделал первый шаг к свободе.

В этом сновидении – смешение различных побуждений. Сначала это взгляд в глубь себя и открытие самого себя и своих родителей; пациент узнает нечто такое, о чем до этого даже не догадывался. Он видит, что он заморожен и мертв, видит, как мать слепила из него то, что ей хотелось, и наконец понимает, как мало он значит для родителей и как мало они могут ему помочь. В этом смысле сновидение следует отнести к таким, в которых содержится не исполнение желаний, а прозрение. Но здесь присутствует и элемент исполнения желаний. Ярость, подавляемая наяву, выходит наружу, пациенту представляется, что он всемогущ и что он убивает свою мать. В сновидении

осуществляется желание мести.

Анализ желаний пациента, казалось бы, не отличается от приведенных выше примеров исполнения во сне вытесненных желаний. Но при внешнем сходстве здесь имеется существенное различие. Если вспомнить, например, сон о белом коне, то там исполнившееся желание было детским желанием стать великим. Цель этого желания – не взросление и не самовыражение, оно направлено лишь на то, чтобы удовлетворить подсознательное «Я», которое боится и избегает реальной действительности. Или возьмем пациента, которому снилось, что он дружески беседует с Гитлером; здесь осуществляется его в высшей степени иррациональное желание – подчиняться даже ненавистной власти.

Гнев против скульптора, проявившийся в этом сновидении, другого рода. Гнев пациента против матери в каком-то смысле иррационален. Это результат того, что он сам не способен быть независимым, что он капитулировал перед матерью и что, следовательно, он несчастлив. Но здесь есть и другая сторона. Его мать – властная женщина. Ее влияние на сына возникло в то время, когда он еще не мог как следует ей сопротивляться. Здесь, как всегда, во взаимоотношениях между детьми и родителями, родители сильнее, пока ребенок остается маленьким. К тому времени, когда он станет достаточно взрослым, чтобы выразить свою собственную волю, эта воля и самооценка оказываются настолько разрушенными, что он уже не способен ни на какое

«волеизъявление». Когда устанавливается такое сочетание покорности и подавления, впоследствии закономерно возникает озлобление. Если бы это озлобление можно было ощущать на сознательном уровне, оно стало бы основой здорового протеста; оно привело бы к смене установки, к иной самооценке и, наконец – к свободе и зрелости. Когда эта цель будет достигнута, злость исчезнет и он будет относиться к матери если и не дружелюбно, то по крайней мере с пониманием. Таким образом, поскольку эта злость сама по себе – показатель заниженной самооценки, это необходимый шаг к здоровому развитию, и такое чувство не будет иррациональным. В нашем же случае гнев пациента подавляется; страх перед матерью и зависимостью от ее руководства и власти не позволили пациенту осознать свой гнев, и он существовал тайно, подспудно, на такой глубине, до которой нашему герою было не добраться. Во сне же он сам и его гнев ожили под влиянием ужасного видения собственной смерти, видения, которое было прозрением. Гнев нашего пациента – необходимый переходный этап в процессе взросления; таким образом, его желание принципиально отличается от желаний, проявившихся в сновидении, описанном выше, поскольку исполнение тех желаний ведет назад, а не вперед. Другой пациент – мужчина, которого мучило сильное чувство вины; он до сих пор, будучи уже в сорокалетнем возрасте, упрекает себя за то, что виноват в смерти отца, умершего 20 лет назад. Он уезжал, и во время его отсутствия отец умер от сердечного приступа. Он почувствовал тогда и чувствует теперь, что виноват в этом, что, наверное, отец волновался и от этого умер, а если бы он, сын, был дома, он смог бы предотвратить любые волнения отца.

Пациент всегда боится, что по его вине кто-то заболеет или произойдут другие неприятности. У него целый арсенал особых ритуалов, предназначенных для того, чтобы искупить свои «грехи» и предотвратить пагубные последствия своих деяний. Он редко позволяет себе какое-нибудь удовольствие, это возможно лишь тогда, когда его можно считать удовольствием «по обязанности». Он много и напряженно работает; его связи с женщинами – это всегда лишь случайная и поверхностная близость, и кончается это, как правило, гнетущим страхом, что он чем-то обидел девушку и теперь она его ненавидит. После довольно продолжительного курса психоанализа пациенту приснился такой сон:

Совершено преступление. Я не помню, в чем оно состояло, и не думаю, что знал это и во сне. Я иду по улице и, хотя я уверен, что никакого преступления не совершал, знаю, что, если бы ко мне подошел агент уголовного розыска и обвинил меня в убийстве, я не смог бы себя защитить. Я ускоряю шаг и направляюсь к реке. Вдруг, подойдя к реке, я вижу вдалеке гору, а на горе – красивый город. С горы льется свет, я вижу, как там на улицах танцуют люди, и мне кажется, что, стоит мне переправиться через реку, все будет в порядке.

Психотерапевт. Удивительно! Впервые вы были убеждены, что не совершали преступления, вы лишь боялись, что не сможете защититься от обвинения.

Вчера с вами случилось что-то хорошее?

Пациент. Ничего особенного. Разве что я почувствовал удовлетворение, когда точно выяснилось, что недоразумение на службе случилось не по моей вине – как, я боялся, могли подумать, – а из-за оплошности другого человека.

Психотерапевт. Понимаю, это приятно, но, может, вы мне расскажете, что это было за недоразумение?

Пациент. Позвонила женщина, она хотела встретиться с одним из партнеров нашей фирмы, м-ром X. Я разговаривал с ней, и мне понравился ее приятный

голос. Я сказал, чтобы она пришла завтра в четыре, а для м-ра Х оставил записку. Секретарша м-ра Х взяла записку, но, вместо того чтобы сказать о ней м-ру Х, она ее отложила и забыла про нее. На следующий день молодая женщина пришла и очень расстроилась, когда ей сказали, что м-ра Х нет и о ее деле забыли. Я заговорил с ней, извинился и уговорил ее рассказать мне о деле, которое она хотела обсудить с м-ром Х. Это было вчера.

Психотерапевт. Как я понимаю, секретарша вспомнила, что упустила из виду это дело, и сказала об этом вам или той молодой женщине?

Пациент. Да, конечно. Странно, что я забыл вам об этом сказать; пожалуй, это было самое важное за вчерашний день, если не считать... – но нет, это ерунда.

Психотерапевт. Давайте послушаем. Вы же знаете по опыту, что всякая ерунда обычно оказывается выражением самого разумного внутреннего голоса.

Пациент. Хорошо. Я хотел сказать, что, когда я разговаривал с этой женщиной, я почему-то чувствовал себя счастливым. Ее дело было о разводе; как я понял, ее тщеславная мать угрозами и угрозами принудила ее к браку, который она считала для себя невозможным. Четыре года она терпела и вот решила положить ему конец.

Психотерапевт. Итак, вам приснилась свобода, не так ли? Меня интересует еще одна небольшая деталь. Люди, танцующие на улицах, были единственной приметой приснившегося вам города. Вы когда-нибудь уже видели такую сцену?

Пациент. Подождите... как странно... теперь я припоминаю... Да, когда мне было четырнадцать лет, я ездил с отцом во Францию; мы были в небольшом городе 14 июля, там был праздник, и вечером мы видели, как люди танцевали на улицах. Знаете, я не помню, чтобы после этого я еще когда-нибудь чувствовал себя по-настоящему счастливым.

Психотерапевт. Да, вчера ночью у вас была возможность подхватить эту оборвавшуюся нить. Свобода, свет, счастье, танцы, которые вы видели, были для вас возможностью испытать что-то такое, что вы уже однажды испытали и могли бы испытать вновь.

Пациент. Если я сумею переправиться через реку!

Психотерапевт. Да, вы сейчас на этом этапе: вы впервые осознали, что на самом деле не совершали никакого преступления, что есть город, где вы будете свободны, и что от лучшей жизни вас отделяет река, через которую можно переправиться. Там, в реке, не было крокодилов?

Пациент. Нет, это была обыкновенная река. Она была похожа на реку, которая была у нас в городе, я немного боялся ее в детстве.

Психотерапевт. Тогда там должен быть мост. Вы наверняка долго ждали, прежде чем его перейти. Теперь вопрос в том, что же еще мешает вам это сделать?

Это одно из тех важных сновидений, в которых предпринимается решительный шаг по пути преодоления болезни психики. Конечно, пациент еще не вполне здоров, но с ним произошло нечто очень важное: он почувствовал потребность в выздоровлении, ясно и живо представил себе жизнь, в которой он не преследуемый преступник, а свободный человек. Кроме того, он видит, что добраться туда можно, лишь переправившись через реку – древний универсальный символ, обозначающий принятие важного решения, начало новой формы существования – рождение, или смерть – отказ от одной формы и переход к другой. Видение города есть исполнение желания, но это желание – рациональное; оно обозначает жизнь; оно исходит из той части сознания, которая была скрыта и отчуждена от пациента. Это видение реально, так же реально, как все, что он видит наяву: правда, для того чтобы увериться в своем решении, ему еще необходимы одиночество и свобода спящего человека. Вот еще одно сновидение на тему «переправы». Пациент – единственный в семье, избалованный сын. Родители сдували с него пылинки, восхищались им, считали будущим гением; ему все давалось легко, без усилий, начиная от завтрака, который мать приносила ему в постель, и кончая разговорами отца с учителями, которые всегда кончались фразой, что, по его убеждению, сын необычайно талантлив. И мать, и отец смертельно боялись всякой опасности: ему не разрешали купаться, ходить в походы, играть на улице. Иногда ему хотелось воспротивиться стеснительным запретам, но на что было жаловаться, ведь зато ему доставалось столько всего замечательного: восхищение, любовь и ласки родителей, так много игрушек, что их можно было выбрасывать, и почти полная защита от внешней опасности! Он и в самом деле был одаренным мальчиком, но ему так и не удалось встать на свои ноги. Главной целью его было не конкретное дело, а успех и восхищение окружающих. Так он стал зависимым от других и стал бояться.

Но именно потребность в похвалах и страх, возникавший, когда ее не было, злили его и даже пробуждали в нем жестокость. Обратиться за помощью к психотерапевту его заставили затруднения, связанные с его детскими претензиями, зависимостью, страхом и злобой. Через шесть месяцев занятий с

психотерапевтом ему приснился такой сон:

Мне нужно переправиться через реку. Я ищу мост, но моста нет. Я маленький, мне пять или шесть лет. Я не умею плавать. (Он и в самом деле научился плавать в 18 лет.) Потом я вижу высокого темноволосого человека, который делает мне знак, что может перенести меня через реку на руках. (Река всего около полутора метров глубиной.) На минуту я обрадовался и позволил ему взять себя на руки. Когда он взял меня и пошел, меня вдруг охватил ужас. Я понял, что, если я не вырвусь из его рук, я умру. Мы уже в реке, но я собираю все свое мужество и, вырвавшись, прыгаю в воду. Сначала мне показалось, что я тону. Но потом я поплыл и вскоре доплыл до другого берега. И тот человек исчез.

Накануне пациент был на вечеринке, и вдруг его осенило: он понял, что все его интересы направлены лишь на то, чтобы завоевывать любовь и восхищение. Он почувствовал – впервые, – как это было по-детски, и понял, что должен принять решение: либо он будет и дальше безответственным ребенком, либо сможет принять болезненный переход к зрелости. Он понял, что не должен больше себе внушать, что все идет так, как должно быть, что он должен радоваться не успеху, а реальным достижениям. Эти мысли буквально потрясли его, и он уснул.

Смысл сновидения нетрудно понять. Переправиться через реку – значит принять решение, которое необходимо, чтобы перейти от детства к зрелости. Но как он мог это сделать, если видел себя пяти-шестилетним ребенком, не умеющим плавать? Человек, который предлагает перенести его на другой берег, обозначает многих людей: отца, учителей, всякого, кто был готов нести его, кого подкупали его обаяние и способности. В этой части сновидения точно отражена его внутренняя проблема и то, как он снова пытается ее решить. Но тут появляется новый фактор. Он вдруг понимает, что погибнет, если снова позволит себя нести. Он осознает это остро и ясно. Он чувствует, что нужно принять решение, и прыгает в воду. Тут он видит, что на самом деле умеет плавать (очевидно, теперь он уже не пяти-шестилетний ребенок) и может добраться до другого берега без посторонней помощи. Это опять-таки исполнение желаний, но здесь, как и в предыдущем сновидении, пациенту видится цель – стать взрослым; он ясно осознает, что привычный способ, когда его несут на руках, губителен; и более того – он знает, что в действительности умеет плавать, стоит только набраться мужества и прыгнуть в воду.

Надо ли говорить, что днем видение, явившееся во сне, потеряло свою первоначальную ясность. Дневные «помехи» подсказывали ему, что не надо пускаться в «крайности», что все в порядке, что нет причин отказываться от друзей, что все мы нуждаемся в помощи, и помощь ему действительно нужна, и много всего другого, что мы изобретаем, чтобы отмахнуться от хорошо понятного, но неприятного открытия. Тем не менее через некоторое время он и наяву стал таким же разумным и смелым, как во сне, – и сон сбылся.

Последние два сновидения отражают принципиальный момент: различие между рациональными и иррациональными желаниями. Часто желания коренятся в нашей слабости и направлены на то, чтобы ее компенсировать; мы видим себя во сне знаменитыми, всемогущими, всеобщими любимцами и т. д. Но иногда желания, поступающие во сне, отражают стремление к самым прекрасным целям. Нам может присниться, что мы танцуем или летаем; может присниться город, полный света; мы можем во сне испытывать радость от того, что с нами близкие друзья. Даже если мы не способны наяву испытывать такую же радость, как во сне, сновидение тем не менее показывает, что мы по крайней мере можем этого желать и можем воображать, что это желание осуществилось. Фантазии и сновидения служат началом многих поступков, и нет, пожалуй, ничего хуже, чем отмахиваться и недооценивать их. Главное – каковы эти фантазии: ведут ли они нас вперед или тянут назад, в рабство неплодотворного существования. Следующее сновидение отражает прозрение пациента, осознавшего свои проблемы. На примере этого сновидения хорошо видны функции ассоциаций. Пациент – 35-летний мужчина, с юношеских лет страдал умеренной, но постоянной депрессией. Отец его был удачливым, но равнодушным человеком. Мать страдала жестокими депрессиями с того времени, как мальчику исполнилось восемь или девять лет. Ему не разрешали играть с другими детьми; если он куда-то уходил из дома, мать его упрекала, говорила, что он огорчает ее; он спасался от упреков только в своем уголке, наедине с книгами и со своим воображением. В ответ на всякое проявление восторга с его стороны мать пожимала плечами и замечала, что для такой радости и волнения нет никакого особого повода. Хотя пациент умом противился упрекам матери, в душе он чувствовал, что она права и что он – причина ее несчастья. Он понимал также, что плохо вооружен: в детстве он был лишен многого из того, что является важным условием успеха во взрослой жизни. Он всегда чувствовал себя неловко, боясь, как бы люди не разглядели, что он

беден (эмоционально, а не в материальном смысле). Больше всего он страдал из-за того, что не знал, как вести себя с другими, в особенности с теми, кто нападал на него или дразнил. Он совершенно терялся в таких ситуациях, и ему было легко лишь с несколькими близкими друзьями. Вот его сон:

Я вижу мужчину в кресле на колесиках. Он начинает играть в шахматы, но без особого удовольствия. Вдруг он прерывает игру и говорит: «Из моих шахмат уже давно забрали две фигуры. Но я смогу обойтись и без них, если у меня будет „Фессалеп“». Потом, – добавляет он, – какой-то голос (это был голос матери) сказал мне: „Жизнь не стоит того, чтобы жить“.

Часть сновидения легко понять, если знать кое-что о жизни и проблемах пациента. Человек в кресле – он сам. Игра в шахматы – игра жизни, особенно в том отношении, что на тебя нападают и в ответ нужно либо тоже нападать, либо применять какую-то иную стратегию. Он не испытывает особого желания играть в эту игру, поскольку чувствует, что плохо вооружен. «Из моих шахмат уже давно забрали две фигуры». Такое же ощущение он испытывает и наяву: он понимает, что в детстве был многого лишен и поэтому теперь беспомощен в жизненной битве. Каких двух фигур ему не хватает? Короля и королевы, отца и матери; их на самом деле у него не было, они присутствовали лишь в негативном смысле: чтобы разочаровывать, изводить придирками, дразнить, укорять. Но тем не менее он сможет играть с помощью «Фессалепа». Здесь мы встали в тупик. Озадачен был и сам пациент.

Пациент. Я ясно видел это слово перед глазами. Но я понятия не имею, что оно значит.

Психотерапевт. Во сне вы, вероятно, знали, что оно значит; ведь это все-таки ваш сон, и слово изобрели вы. Давайте попробуем прибегнуть к свободной ассоциации. Что приходит вам в голову, когда вы думаете об этом слове?

Пациент. Первое, что приходит в голову, – это Фессалия, область в Греции. Действительно, я припоминаю, что, когда я был маленький, меня волновала Фессалия. Я не знал, так ли это важно, но я представляю себе, что Фессалия – это страна с теплым, ровным климатом, где в мире и радости живут пастухи. Фессалия всегда нравилась мне больше, чем Спарта и Афины. Я ненавидел Спарту за ее воинственность, Афины я не любил, потому что афиняне казались мне слишком учеными снобами. Да, я чувствовал симпатию к фессалийским пастухам.

Психотерапевт. Слово, которое вам приснилось, было «Фессалеп», а не «Фессалия». Почему вы изменили его?

Пациент. Это забавно – я подумал про цеп – то, чем крестьяне молотят. И если нет ничего другого, его можно использовать в качестве оружия.

Психотерапевт. Очень интересно. Значит, «Фессалеп» состоит из слов «Фессал-ия» и «цеп»... Станным образом Фессалия – или скорее то, что она для вас значит, – тесно связана с понятием «цеп». Пастухи и земледельцы: простая идиллическая жизнь. Давайте вернемся назад и посмотрим, о чем говорит ваше сновидение. Вы играете в шахматы и знаете, что у вас забрали две фигуры, но вы можете заменить их «Фессалепом».

Пациент. Теперь мне ясна мысль. В жизненной игре я чувствую себя ущербным из-за испытанной в детстве фрустрации. У меня нет такого оружия (шахматные фигуры соотносятся со сражением), как у других, но если бы я смог уйти в мир простой идиллической жизни, я даже смог бы сражаться, используя цеп вместо оружия, которого у меня нет, – шахматных фигур.

Психотерапевт. Но на этом сон не кончается. Прервав игру в шахматы, вы говорите: Какой-то голос сказал мне: «Жизнь не стоит того, чтобы жить».

Пациент. Я это отлично понимаю. Все-таки я играю в игру жизни только потому, что должен играть. В действительности она меня не интересует. С детства меня все время преследует именно это чувство, оно то сильнее, то слабее. Его я и высказал во сне: жизнь не стоит того, чтобы жить.

Психотерапевт. Так и есть, именно это вы все время ощущаете. Но не хотели ли вы себе что-то сказать с помощью этого сновидения?

Пациент. Вы хотите сказать – это я говорил себе, что тему пессимизма внушила мне мать?

Психотерапевт. Да, это я и хочу сказать. Осознав, что пессимизм по отношению к жизни – не ваш собственный, что это голос вашей матери, оказывающий на вас как бы постгипнотическое влияние, вы тем самым сделали первый шаг по пути освобождения от этого состояния. Вы сделали важнейшее открытие – что ваш пессимизм на самом деле не ваш; сделать это открытие вы смогли лишь в состоянии сна.

До сих пор мы не приводили примеров сновидений еще одного типа – кошмаров. По мнению Фрейда, тревожные сны не являются исключением из общего правила: их содержание тоже представляет собой замаскированное исполнение бессознательного желания. Это, разумеется, может вызвать возражение у всякого, кому когда-либо снились кошмары: если во сне я прохожу через

адские испытания и просыпаюсь с чувством невыносимого ужаса, разве не будет бессмыслицей говорить, что это исполнение желаний?

Это возражение не так убедительно, как может показаться на первый взгляд. С одной стороны, мы знаем, что бывают такие патологические состояния, в которых человек испытывает потребность делать именно то, что для него губительно. Мазохист испытывает желание – хотя и неосознанно – попасть в аварию, заболеть, терпеть унижение. При мазохизме как половом извращении – когда это желание связано с половыми отношениями и, таким образом, не так опасно для человека – мазохистское желание проявляется даже на уровне сознания. Кроме того, результатом непреодолимого порыва к мести и разрушению, направленного не против кого-то другого, а против себя, может стать самоубийство. При этом, если человек испытывает потребность совершить самоубийство или как-то еще причинить себе боль, другая часть его личности может испытывать подлинный и сильный страх. Это не меняет того факта, что страх происходит от желания погубить себя. Но желание может породить тревогу, как заметил Фрейд, не только тогда, когда это мазохистский или суицидальный порыв. Мы можем хотеть чего-нибудь и при этом осознавать, что, если удовлетворим свое желание, то нас ждет враждебное отношение окружающих и наказание. Естественно, исполнение такого желания будет связано с чувством тревоги.

В качестве иллюстрации этого типа тревожных снов можно привести такой пример:

Проходя через сад, я сорвал яблоко с дерева. Появляется большая собака и прыгает на меня. Я зову на помощь и в ужасе просыпаюсь.

Чтобы понять это сновидение, достаточно знать, что накануне вечером пациент встретил замужнюю женщину и испытал к ней сильное влечение. Ее поведение показалось ему обещающим, и, засыпая, он воображал, что вступил с ней в связь. Нам не нужно уточнять здесь, чем порождено чувство тревоги, проявившееся в сновидении: угрызениями совести или страхом перед общественным мнением; важно, что это тревога из-за того, что его ждет, если он осуществит свое желание – съест краденое яблоко.

Тем не менее, хотя многие тревожные сны можно, таким образом, понимать как замаскированное исполнение желаний, я все же сомневаюсь, что так обстоит дело со всеми или даже, может быть, с большинством сновидений. Если мы допускаем, что сон – это любая умственная деятельность спящего человека, то почему бы во сне не проявиться настоящему страху перед опасностью, такому же, какой бывает наяву?

Но мне могут возразить – разве не всякий страх обусловлен нашими стремлениями? Разве мы испытывали бы страх, если бы не «жаждали», как говорят буддисты, если бы не желали чего-то? И поэтому разве нельзя сказать, что в общем смысле всегда, как наяву, так и во сне, страх возникает в результате испытываемых нами желаний?

Я принимаю этот аргумент. Если бы мы хотели сказать, что не бывает тревожных снов (или чувства тревоги наяву) без наличия желания, в том числе и фундаментального желания – жить, здесь нечего было бы возразить. Но этот общий принцип – не то, что имел в виду Фрейд. Этот вопрос прояснится, если еще раз рассмотреть, в чем различие между тремя типами тревожных сновидений, о которых мы говорили.

В мазохистских кошмарах, связанных с самоубийством, суть желания состоит в том, чтобы причинить себе боль и погубить себя. В тревожных сновидениях второго типа, как, например, в сновидении про яблоко, желание само по себе не губительно для самого человека, но оно таково, что его удовлетворение вызывает тревогу со стороны другой части психики. Сновидение порождается желанием, которое в качестве «побочного продукта» порождает страх. В сновидениях третьего типа, в которых страх связан с реальной или воображаемой угрозой для жизни, свободы и так далее, причина возникновения сновидения – угроза, а желание жить, быть свободным и так далее – это постоянно присущее человеку побуждение, и возникновение данного конкретного сновидения с ним не связано. Иными словами, в первых двух типах сновидений страх порождается присутствием желания, а в сновидении третьего типа – присутствием опасности (реальной или воображаемой), хотя при этом присутствует желание жить или какое-нибудь другое постоянное и всеобщее желание. В этом случае тревожное сновидение связано не непосредственно с исполнением желания, а с боязнью фрустрации.

Вот еще одно сновидение; оно похоже на многие другие кошмары. Пациентка рассказывает:

Я в оранжерее. Вдруг я вижу, что на меня бросается змея. Рядом стоит мама и злобно улыбается. Потом она уходит, не пытаясь помочь мне. Я бегу к двери, но змея уже там, загораживает мне дорогу. Я просыпаюсь в ужасе.

Пациентка – 45-летняя женщина, страдающая от сильного чувства тревоги. Примечательным в ее истории является то, что она и мать ненавидят друг

друга. Ощущение, что мать ее ненавидит, не было воображаемым. Мать вышла замуж за человека, которого она никогда не любила, она была в обиде на дочь, чье существование, как она считала, вынуждает ее оставаться в браке. Когда пациентке было три года, она сказала отцу что-то такое, что заставило отца заподозрить, что жена ему изменяет. Хотя маленькая девочка не могла знать, что она видит и говорит на самом деле, интуитивно она все хорошо понимала, и у матери было больше оснований злиться на нее, чем могло показаться. Чем старше становилась девочка, тем больше она старалась провоцировать мать, и тем больше та стремилась наказать и в конце концов погубить дочь. Жизнь девочки была постоянной борьбой с нападками матери. Если бы отец помогал ей и поддерживал ее, все могло бы быть иначе. Но он сам боялся жены и никогда открыто не поддерживал дочь. Из-за этого и из-за разных других обстоятельств дочь, очень способная и самолюбивая девушка, все больше и больше отдалялась от людей, страдала от того, что мать «одержала над ней победу», и жила надеждой, что когда-нибудь победительницей станет она. Эта ненависть и ненадежность в жизни были причиной постоянного чувства тревоги, мучившего ее и наяву, и во сне. Данное сновидение – одно из многих проявлений этого чувства: у нее возникает ассоциация с «оранжереей» – в доме у родителей была оранжерея. Она часто ходила туда одна и никогда не ходила с матерью. Во сне опасность исходит не от матери, а от змеи. Что это значит? Очевидно, в этом проявляется желание иметь мать, которая защитит от опасности, иногда она мечтала о том, что мать станет другой и будет ей помогать. Здесь опять она в опасности. Но мать злобно улыбается и уходит. В этой злобной улыбке мать предстает в истинном свете. Вначале налицо как бы попытка оделить плохую мать (змею) от хорошей, которая могла бы помочь. Когда мать смотрит на нее со злостью и не помогает, эта иллюзия разрушается, мать и змея соединяются в одно, представляя собой силы, грозящие гибелью. Тогда женщина бежит к двери, надеясь убежать, но уже поздно, путь закрыт. Она оказывается в ловушке, наедине с ядовитой змеей и матерью, которая желает ее гибели. Во сне пациентка испытывает то же чувство тревоги, которое преследует ее днем; правда, во сне это чувство сильнее и однозначно связано с матерью. Ее страх не вызван реальной опасностью, это болезненная тревога. Мать уже ей не угрожает; в действительности ей никто не угрожает и никто для нее не опасен. Тем не менее она испытывает страх, и во сне он вырывается наружу. Является ли это сновидение исполнением желания? В какой-то степени да. Здесь присутствует желание иметь мать, которая может защитить, и страх возникает только тогда, когда мать, вместо того чтобы помочь, смотрит на нее со злостью. Именно желание материнской любви и защиты заставляет ее бояться этой женщины. Если бы она больше не хотела иметь мать, она бы и не боялась ее. Но большее значение, чем это желание материнской любви и защиты, имеют другие желания, без которых не могло бы быть больше страха перед матерью: желание отомстить, желание продемонстрировать отцу, что его жена злая, увести его от нее, это желание объясняется не тем, что она так сильно любит своего отца, и не фиксацией детской привязанности к нему как к представителю противоположного пола, а чувством глубокого унижения от испытанного в детстве поражения и ощущением, что ее гордость и уверенность в себе будут восстановлены лишь тогда, когда мать погибнет. Почему это испытанное в детстве унижение было и остается настолько неискоренимым, почему так непреодолимо желание мести и торжества – это другой вопрос, слишком сложный, чтобы обсуждать его здесь. Пациентке снились и другие тревожные сны, в которых никак не проявляется один из элементов этого сновидения – желание, чтобы мать помогла ей. Эти сны такие:

Я в клетке с тигром, и некому мне помочь.

Или:

Я иду по узкой полоске земли посреди болота. Темно, и я не вижу, куда идти. Я чувствую себя совершенно потерянной, мне кажется, что, если я сделаю еще один шаг, я поскользнусь и упаду.

Или:

Меня судят, меня обвиняют в убийстве, а я знаю, что невиновна. Но по лицам судьи и присяжных я вижу, что они для себя уже решили, что я виновна. Допрос на суде – всего лишь формальность. Я знаю, что не важно, что я скажу, и не важно, что сказал бы какой бы то ни было свидетель (никаких свидетелей не видно), дело решено, и нет смысла защищаться. Во всех этих сновидениях главное – чувство полной беспомощности, которое парализует все функции и ведет к паническому состоянию. Неодушевленные предметы, животные, люди – все беспощадны; вокруг никого из друзей; помощи ждать неоткуда. Корни этого чувства полной беспомощности – в неспособности пациентки избавиться от желания мстить, отказаться от борьбы с матерью. Но сами по себе эти сны не являются исполнением какого бы то ни было желания. Здесь – желание жить, и отсюда страх подвергнуться нападению, будучи

бессильной защитить себя.

Особенно интересны и важны повторяющиеся сновидения, которые некоторым пациентам снятся в течение нескольких лет, иногда всю жизнь, насколько они могут помнить. Как правило, эти сны выражают главную тему жизни, ее лейтмотив, и часто дают ключ к пониманию причин невроза или позволяют разглядеть важнейшую сторону личности. Иногда сон остается неизменным, иногда происходят более или менее незначительные изменения, которые свидетельствуют о внутреннем прогрессе пациента – или, так тоже случается, о его деградации.

Девочка пятнадцати лет, выросшая в нечеловеческих и крайне губительных условиях (отец бил ее, пил, издевался над ней; мать время от времени сбегала с другими мужчинами; голод, холод, грязь), пыталась покончить с собой в десятилетнем возрасте и еще пять раз после этого. Сколько она себя помнила, ей все время снился такой сон:

Я на дне ямы, стараюсь выбраться наверх, уже достаю до края и держусь за него руками, и в это время кто-то подходит и наступает мне на руки. Мне приходится убрать руки, и я падаю обратно на дно.

Едва ли нужно объяснять этот сон; он исчерпывающе выражает жизненную трагедию этой девушки – то, что с ней случилось и как она это воспринимает. Если бы этот сон приснился пациентке один раз, мы должны были бы допустить, что в нем проявилось чувство страха, возникшее однажды, в связи с какими-то особыми испытаниями. Но в данном случае регулярная повторяемость сновидения заставляет предположить, что ситуация, отраженная в сновидении, – центральная тема жизни девушки, что сновидение выражает глубокое и неизменное убеждение, и тогда становится понятно, почему она снова и снова пыталась покончить с собой.

Вот одно сновидение, первое в серии повторяющихся сновидений, в которых тема остается неизменной, но тем не менее происходят значительные изменения:

Я в тюрьме и не могу выбраться на волю.

Позднее сновидение стало таким:

Я хочу пересечь границу, но у меня нет паспорта, и на границе меня задерживают.

Потом еще:

Я в Европе в порту, мне нужно сесть на корабль, но кораблей нет, и я не знаю, как мне уехать.

Последний вариант сновидения такой:

Я в каком-то городе, у себя дома. Я хочу выйти на улицу. Я открываю дверь, она не поддается, я толкаю ее с силой – она открывается, и я выхожу.

Все эти сновидения объединены одной темой. Это страх быть запертым, быть в заключении, не иметь возможности «выйти наружу». Что означает такой страх у жизни пациента – нам сейчас не важно. Но этот ряд сновидений показывает, что с годами страх сохранился, однако становился все слабее: от тюрьмы до труднооткрываемой двери. Если сначала пациенту кажется, что он не может убежать, то в последнем сновидении он может, посильнее толкнув, открыть дверь и выйти наружу. Мы видим результат существенного развития человека, происшедшего за эти годы.

VII

Символы в мифе, сказке, обычае и романе

В мифе, как и в сновидении, рассказывается о событиях, происходящих в пространстве и во времени. В этом повествовании на языке символов выражаются религиозные и философские идеи, передается внутреннее состояние человека, и в этом подлинное значение мифа. Те, кому не удастся понять истинный смысл мифа, истолковывают его либо как донаучное, наивное изображение мира и истории, либо – такова точка зрения ортодоксальных верующих – как правдивый рассказ о «реальных» событиях, происходивших на самом деле. Только эти два варианта считались возможными в западной культуре в XIX и начале XX в.; однако потом постепенно получил распространение иной подход, согласно которому на первый план выдвигалось религиозное и философское значение мифа, и явное содержание его рассматривалось как выражение этого значения в символах. Было даже установлено, что явное содержание мифа следует понимать не просто как порождение фантазии «первобытных» народов, в нем содержатся заботливо хранимые свидетельства прошлого. (Историческая достоверность некоторых мифов установлена благодаря множеству находок, сделанных в течение последних десятилетий в ходе раскопок.)

Первопроходцами, проложившими путь к новому пониманию мифов, были Иоганн Якоб Бахофен и Зигмунд Фрейд. Первый из них с непревзойденной глубиной и блеском раскрыл религиозное, психологическое и историческое значение мифов. Благодаря второму стало возможно более глубокое понимание значения мифов с помощью языка символов, ключом к пониманию которого стала его теория толкования сновидений. Роль Фрейда в изучении мифов была скорее косвенной, нежели прямой, поскольку он был склонен видеть в мифе, как и в сновидении, лишь выражение бессознательных антисоциальных побуждений, а не древнюю мудрость, выраженную особым языком – языком символов.

1. Миф об Эдипе

Миф об Эдипе представляет прекрасную возможность познакомиться с тем, как толковал мифы Фрейд, и вместе с тем позволяет увидеть иной подход, согласно которому главное в этом мифе – не сексуальная сторона, а отношение к власти – один из фундаментальных аспектов межличностных отношений.

На этом примере можно также проследить, как по мере формирования явного содержания мифа изменялись и искажались свидетельства о древних социальных формах и идеях [54].

Фрейд пишет:

Если, однако, «Царь Эдип» потрясает современного человека не менее, чем античного грека, то причина этого значения греческой трагедии не в изображении противоречия между роком и человеческой волей, а в особенностях самой темы, на почве которой изображается это противоречие. Есть, очевидно, голос в нашей душе, который готов признать неотразимую волю рока в «Эдипе». Такой момент действительно имеется в истории самого царя Эдипа. Судьба его захватывает нас потому, что она могла бы стать нашей судьбой, потому что оракул снабдил нас до нашего рождения таким же проклятием, как и Эдипа. Всем нам, быть может, суждено направить свое первое сексуальное чувство на мать и первую ненависть и насильственное желание – на отца; наши сновидения убеждают нас в этом. Царь Эдип, убивший своего отца Дария и женившийся на своей матери Иокасте, представляет собою лишь осуществление желания нашего детства. Но, более счастливые, нежели он, мы сумели отторгнуть наше сексуальное чувство от матери и забыть свою ревность по отношению к отцу. Человек, осуществивший такое первобытное детское желание, вселяет в нас содрогание и ужас, – мы отстраняемся от него со всей силой процесса оттеснения, которое претерпевают с самого детства эти желания в нашей душе. Освещая преступления Эдипа, поэт приводит нас к познанию нашего «Я», в котором все еще шевелятся те же импульсы, хотя и в подавленном виде. (Хор поет:

...Вот глядите – вот Эдип,
Он, загадки разгадавший,
он, прославленнейший царь; –
Кто судьбе его из граждан
не завидовал тогда?
А теперь он в бездну горя
ввергнут тою же судьбой. [55]

И эта антитеза, это предостережение, задевает нас и наше достоинство, нас, кажущихся себе такими взрослыми, умными и могущественными). [56] Как Эдип, мы живем, не сознавая противоморальных желаний, навязанных нам природой; сознав их, мы все отвратили бы взгляд наш от эпизодов нашего детства. [57] Концепция Эдипова комплекса, которую Фрейд так хорошо здесь представил, стала одним из краеугольных камней его психологической теории. Фрейд считал, что эта концепция – ключ к пониманию истории и эволюции религии и морали. Он был убежден, что этот комплекс как раз и представляет собой основной механизм развития ребенка, и утверждал, что Эдипов комплекс является причиной развития патологий в психике и ос новой формирования неврозов.

Фрейд говорит о мифе об Эдипе, имея в виду версию, изложенную в трагедии Софокла «Царь Эдип». В трагедии рассказывается, как оракул предсказал Лаию, фиванскому царю, и его жене Иокасте, что, если у них будет сын, то он станет убийцей отца и супругом собственной матери. Когда родился сын Эдип, Иокаста, чтобы избежать исполнения предсказания, решает убить младенца. Она отдает Эдипа пастуху, который должен бросить ребенка в лесу с проколотыми ногами, чтобы он погиб. Но пастух, сжалившись над ребенком, отдает его человеку, служившему у коринфского царя, а тот в свою очередь отдает ребенка своему господину. Царь усыновляет мальчика, и юный царевич вырастает в Коринфе, не зная, что он неродной сын царя. Дельфийский оракул

предсказывает Эдипу, что ему суждено убить отца и стать супругом своей матери. И Эдип, желая избежать этой участи, решает никогда больше не возвращаться к тем, кого считал своими родителями. По дороге из Дельф он вступает в ожесточенный спор со стариком, ехавшим в повозке, теряет самообладание и убивает старика и его слугу, не подозревая, что убил своего отца, царя Фив.

После долгих скитаний он попадает в Фивы. Там поселилась Сфинкс – чудовище, которое пожирает юношей и девушек города: она перестанет истреблять фиванцев, только если кто-нибудь разгадает ее загадку. Загадка такая: «Кто ходит сперва на четырех ногах, потом на двух и наконец – на трех?» Тому, кто разгадает эту загадку и освободит город от Сфинкса, было обещано, что его сделают царем Фив и отдадут ему в жены вдову прежнего царя. Эдип решил испытать судьбу и нашел ответ – человек: когда он маленький, он ползает на четвереньках, взрослый – ходит на двух ногах, а когда состарится – на трех (с палочкой). Сфинкс бросается в море, город спасен от беды, а Эдип становится царем и мужем Иокасты, своей матери.

Эдип успешно правил в Фивах, но спустя некоторое время на город напала чума, от которой умерло много жителей. Прорицатель Тиресий заявляет, что чума – это наказание за двойное преступление, совершенное Эдипом: отцеубийство и кровосмешение. Эдип отчаянно пытается опровергнуть слова прорицателя; но, убедившись, что тот говорит правду, ослепляет себя, а Иокаста кончает с собой. Трагедия заканчивается тем, что Эдип наказан за преступление, совершенное им по неведению и несмотря на то, что сознательно пытался его избежать.

Прав ли Фрейд, считая, что этот миф подтверждает его точку зрения, что подсознательно инцестуальные побуждения и, как следствие, ненависть к отцу-сопернику присущи каждому ребенку мужского пола? Возникает впечатление, что миф действительно подтверждает теорию Фрейда, так что название «Эдипов комплекс» вполне оправданно.

Однако при ближайшем рассмотрении возникает ряд вопросов, вызывающих сомнение в правильности такого представления. Прежде всего возникает вопрос: если Фрейд правильно истолковывает миф, то там должно быть сказано, что Эдип встретил Иокасту, не зная, что это его мать, полюбил ее и потом убил отца, опять-таки не подозревая, что это его отец. Но из мифа отнюдь не следует, что Иокаста привлекла Эдипа и он ее полюбил. Единственная причина брака, как явствует из мифа, – в том, что Эдипу отдали Иокасту вместе с престолом. Как могло случиться, что в мифе, центральная тема которого – инцестуальные отношения между матерью и сыном, совершенно отсутствует элемент влечения их друг к другу? Этот вопрос приобретает особый вес, если иметь в виду, что в более ранних вариантах женитьба на матери упоминается только у одного автора – Николая Дамасского, чья версия, как считает Карл Роберт, восходит к относительно новому источнику [58].

Далее, Эдип описывается как храбрый и мудрый герой, ставший благодетелем Фив. Почему же этот самый Эдип представлен как человек, совершивший страшнейшее по тем временам преступление? Отвечая на этот вопрос, некоторые авторы указывали, что концепция трагедии в Древней Греции как раз и состоит в том, что сильные и обладающие властью герои подвергаются ударам судьбы. Остается выяснить, достаточен ли такой аргумент, или можно, основываясь на других представлениях, найти более подходящий ответ.

Мы не сможем определенно ответить на эти вопросы, возникающие при анализе трагедии «Царь Эдип», если будем рассматривать только эту трагедию и не обратимся к двум другим частям трилогии: «Эдип в Колоне» и «Антигона». Но уже сейчас можно все же сформулировать гипотезу: этот миф можно понимать не как символ кровосмесительной любви между матерью и сыном, а как символ протеста сына, восставшего против воли отца в патриархальной семье; брак Эдипа и Иокасты – лишь вторичный элемент, это один из символов победы сына, который занимает место отца и вместе с этим приобретает все его привилегии. Насколько верна эта гипотеза, можно проверить, проанализировав весь миф об Эдипе, в особенности то, как он представлен Софоклом в двух других частях трилогии – «Эдип в Колоне» и «Антигона» [59].

В трагедии «Эдип в Колоне» мы видим Эдипа незадолго до смерти, в роше Эвменид, вблизи Афин. Ослепив себя, Эдип еще некоторое время жил в Фивах, где правил теперь Креонт, его дядя, который потом изгнал его из города. Две дочери Эдипа, Антигона и Йемена, сопровождали отца в изгнании, а его сыновья, Этеокл и Полиник, отказались помочь слепому отцу. После изгнания Эдипа братья стали бороться за престол. Победил Этеокл; но Полиник не пожелал уступить и попытался, получив помощь извне, завоевать город и вырвать у брата власть. В «Эдипе в Колоне» он обращается к отцу, просит у него прощения и помощи. Но Эдип неумолим в своей ненависти. Несмотря на страстные мольбы Полиника и мольбы Антигоны в защиту брата, он отказывается его простить. Вот его последние слова, обращенные к сыну:

Иди, отвергнутый отцом преступник,
Негодный из негоднейших! Тебе
Я посылаю вслед свое проклятье.
Ты не добудешь родины желанной,
В гористый Аргос не вернешься ты.
Братоубийственной враждой пылая,
Падешь и ты, – и он, обидчик твой.
Да внемлет мне ужасного Эреба
Мрак изначальный, твой приют навек!
Да внемлют эти грозные богини,
Да внемлет он, что ваши души ядом
Нещадной злобы отравил, Арес!
Иди! Иди! И возвести кадмейцам
И доблестным союзникам твоим,
Каким наследством сыновей любимых
В последний раз порадовал Эдип! [60]

В трагедии «Антигона» мы видим еще один конфликт отцов и детей, который тоже составляет одну из главных тем трагедии. Креонту, представляющему авторитарное начало в государстве и в семье, противостоит его сын Гемон, обвиняющий отца в жестокости, в безжалостном, деспотическом отношении к Антигоне. Гемон хочет убить отца, а когда ему это не удастся, убивает себя. Мы видим, что через все три трагедии проходит одна тема: конфликт между отцом и сыном. В трагедии «Царь Эдип» Эдип убивает своего отца Лаия, который хотел погубить его, когда тот был младенцем. В трагедии «Эдип в Колоне» Эдип дает выход своей страстной ненависти к сыновьям, а в «Антигоне» мы видим такую же ненависть между Креонтом и Гемоном. Ни в отношениях сыновей Эдипа со своей матерью, ни в отношениях Гемона и Эвридики, его матери, не существует проблемы кровосмешения. Если рассматривать трагедию «Царь Эдип» в свете всей трилогии, становится вероятным предположение, что истинный смысл ее – тоже конфликт между отцом и сыном, а не проблема кровосмешения.

Фрейд объясняет антагонизм между Эдипом и его отцом подсознательным соперничеством, порожденным инцестуальными устремлениями Эдипа. Если мы не согласны с этим объяснением, то встает вопрос, как иначе объяснить конфликт между отцом и сыном, описанный во всех трагедиях. Один из ответов дается в «Антигоне». Корни протеста Гемона против Креонта – в особенностях отношения Креонта к сыну. Креонт воплощает строгую авторитарность в семье и в государстве, и именно против такого типа власти восстает Гемон. Анализ всей трилогии об Эдипе показывает, что ее главная тема – борьба против власти отца и что корни этой борьбы уходят далеко в прошлое, во времена борьбы между патриархальным и матриархальным укладами в обществе. Эдип, а также Гемон и Антигона являются представителями матриархального уклада: все они выступают против такого общественного и религиозного порядка, который основан на власти и привилегиях отца – Лаия или Креонта. Поскольку это объяснение основано на анализе греческой мифологии, данной Бахофеном, необходимо кратко ознакомить читателя с основными положениями его теории.

В своей работе «Материнское право», опубликованной в 1861 г., Бахофен выдвинул предположение, что на заре истории половые отношения были беспорядочными и, таким образом, бесспорным было лишь родство по линии матери; только по матери можно было проследить кровные узы, мать была властительницей и законодательницей, она правила и в роду, и в обществе в целом. Проанализировав древнегреческие и древнеримские религиозные документы, Бахофен пришел к выводу, что главенство женщины проявлялось не только в устройстве семьи и общества, но и в религии. Он обнаружил, что вере в богов Олимпа предшествовала религия, в которой верховными божествами были богини, олицетворяющие мать.

Бахофен считал, что в ходе длительного исторического развития мужчинам удалось победить женщин, подчинить их себе и стать правящей силой в общественной иерархии. Установившийся таким образом патриархальный уклад характеризуется моногамией (по крайней мере для женщины), властью отца в семье и главенствующей ролью мужчин в иерархическом обществе. Религия этой патриархальной культуры соответствовала устройству общества. На смену богине-матери пришли боги мужского пола; они стали верховными правителями над человеком точно так же, как отец стал верховным правителем в семье. Одним из наиболее удивительных и ярких примеров толкования Бахофеном греческих мифов может служить его анализ «Орестеи» Эсхила, произведения, в котором, как он считает, в символах представлено последнее сражение между материнскими божествами и победоносными богами-отцами. Клитемнестра убила своего мужа Агамемнона, чтобы не расставаться со своим любовником Эгисфом.

Орест, ее сын от Агамемнона, отомстил за смерть отца, убив мать и ее любовника. Эринии, представляющие древние матриархальные божества и матриархальное начало, преследуют Ореста и требуют его наказания, но Аполлон и Афина (последняя появилась на свет не от женщины, а из головы Зевса), представляющие новую патриархальную религию, – на стороне Ореста. В центре спора – принципы патриархальной и матриархальной религий. В матриархальном мире существует только одна священная связь – связь между матерью и ребенком, и, следовательно, матереубийство – самое страшное и непростительное преступление. С точки зрения патриархальных отношений, сыновья любовь и уважение к отцу – наивысший долг, и, таким образом, – тягчайшим преступлением считается отцеубийство. Убийство Клитемнестрой своего мужа – тягчайшее преступление с точки зрения патриархальных отношений, поскольку муж выше жены, – с матриархальных позиций оценивается иначе, потому что «она не была связана кровными узами с тем, кого убила». Убийство мужа не волнует Эриний, поскольку для них имеют значение только кровные узы и святость матери. С другой стороны, для олимпийских богов убийство матери не преступление, если это месть за смерть отца. В трагедии Эсхила Ореста оправдывают, но эта победа патриархального начала отчасти смягчается компромиссом с побежденными богинями. Они соглашались принять новый порядок и довольствоваться менее значительной ролью покровительниц земли и богинь плодородия.

Бахофен показал, что различие между патриархальным и матриархальным укладами на много глубже, чем просто социальное превосходство соответственно мужчины или женщины, что различие здесь – в социальных и этических принципах. В матриархальной культуре главное – кровные узы, связь с землей, для нее характерно пассивное восприятие всех природных явлений. Для патриархального общества, напротив, характерно соблюдение законов, установленных человеком, преобладание рационального мышления, стремление человека, прилагая усилия, изменять природу. В этом отношении патриархальная культура определено выше матриархальной. Однако в других отношениях матриархальный уклад был выше, чем победивший патриархальный. С точки зрения матриархального уклада все люди равны, ибо все они – дети матерей и каждый из них – дитя матери-Земли. Мать одинаково и без всяких условий любит всех своих детей, она любит их за то, что все они ее дети, а не за какие-то особые заслуги или достижения; цель жизни в матриархальной культуре – счастье людей, и нет ничего важнее и достойнее, чем существование человека, его жизнь. В то же время при патриархальном укладе главной добродетелью считается подчинение власти. Вместо принципа равенства здесь – принцип любимого сына и иерархии.

Бахофен говорит:

Та связь, которая впервые поднимает человечество к цивилизации, которая служит исходной точкой развития всякой добродетели, формирования всякой благородной черты бытия, – это волшебство материнства; посреди жизни, исполненной насилием, оно выступает как действенное божественное начало любви, единения и мира. Пестуя свое дитя, плод своего тела, женщина раньше, чем мужчина, узнает, что ее любовь и забота могут простираться дальше границ собственного «Я» и переходить на другое существо и что вся изобретательность, на какую способен ее дух, может быть направлена на то, чтобы сохранить и сделать прекраснее его бытие. И теперь от нее исходит всякое возвышение культуры, всякое самоотречение, всякая забота и всякий плач по умершему. [61]

Но любовь, рожденная материнством, не только более сердечная, но и более широкая и более всеобщая. Если в отцовском начале заложена ограниченность, то в материнском – всеобщность. В рождающем материнстве берет начало всеобщее братство всех людей, осознание и признание которого исчезает с возникновением патриархата. Семья, основанная на отцовском праве, замыкается в себе, становясь обособленным организмом, а семья, основанная на материнском праве, напротив, имеет тот всеобщий характер, из которого исходит все развитие и который отличает материальную жизнь от высшей духовной. Лоно каждой женщины – смертный образ матери-Земли Деметры – будет производить на свет братьев и сестер, которые будут братьями и сестрами всем в родной земле до тех пор, пока с образованием патриархального общества не распадется единство, и членение не разрушит неразличимое. В матриархальных обществах эта сторона материнского начала находит многообразное выражение, и в том числе – даже правовое. На ней основывается тот принцип всеобщей свободы и равенства, который является одной из главных черт матриархальных обществ... Культура матриархального мира пронизана мягкостью и человечностью. Эти черты видны даже в выражении лиц египетских статуй. [62]

Открытие Бахофена подтвердил американский исследователь Л. Морган. Он совершенно независимо пришел к выводу [63], что отношения родства у

Фромм Эрих Забытый язык filosoff.org
американских индейцев – аналогичные отношениям родства в племенах Азии, Африки и Австралии – основываются на матриархальном принципе и что важнейшая в таких культурах структура – род – формировалась в соответствии с этими принципами. Выводы Моргана о системе ценностей в матриархальном обществе были сходны с выводами Бахофена. Морган предположил, что более высокий уровень развития цивилизации будет представлять собой «возвращение – на более высоком уровне – принципов свободы, равенства и братства, которые были характерны для древних родов».

Обе концепции матриархата, и Бахофена, и Моргана, если и принимались во внимание, то в основном оспаривались большинством антропологов. Так же обстояло дело и с исследованиями Роберта Бриффо, который в своей работе «Матери» [64] продолжил изыскания Бахофена и подтвердил его выводы блестящим анализом новых антропологических данных. Яростное неприятие такой концепции матриархата вызывает подозрения, что критики были не вполне свободны от чисто эмоционального предубеждения против этого вывода, столь чуждого образу мыслей и чувств нашей патриархальной культуры. Вряд ли стоит сомневаться в обоснованности многих отдельных возражений против этой концепции. Тем не менее аргументация Бахофена в пользу его главного вывода, что под слоем патриархальной религии Греции лежит более древний слой матриархальной религии, представляется мне бесспорной.

После этого краткого экскурса в теорию Бахофена нам легче будет продолжить обсуждение гипотезы о том, что вражду между отцом и сыном – тему, проходящую через всю трилогию Софокла, – следует понимать как протест против победившего патриархального уклада со стороны побежденной системы матриархата.

В трагедии «Царь Эдип» прямых свидетельств этому немного, и мы их сейчас отметим. Но важное указание содержится в первоначальной мифе об Эдипе. Этот миф, на основе которого Софокл создал свою трагедию, существовал в Греции в различных вариантах, однако образ Эдипа неизменно связан в них с культом богинь земледелия и плодородия, представляющих матриархальную религию. Почти во всех вариантах мифа эту связь можно проследить, начиная с той его части, где Эдип предстает младенцем, и кончая той, где он умирает [65]. Так, например, в Этеоне – единственном городе в Беотии, где было святилище Эдипа и где, возможно, возник этот миф, было также и святилище Деметры, богини земледелия и плодородия [66]. В Колоне (вблизи Афин), где Эдип нашел свое последнее пристанище, было древнее святилище Деметры и Эриний, возможно, существовавшее раньше, чем возник миф об Эдипе [67]. Дальше мы увидим, что в трагедии «Эдип в Колоне» Софокл подчеркивает эту связь между Эдипом и хтоническими богинями [68].

Еще один аспект в мифе об Эдипе – отношения Эдипа со Сфинкс – тоже, видимо, указывает на связь Эдипа с матриархальным укладом, как его описывает Бахофен. Чудовище заявило, что тот, кто отгадает его загадку, спасет город от его гнева. Эдип сумел сделать то, что до него никому не удавалось, стал спасителем Фив. Но при ближайшем рассмотрении можно заметить, что загадка на удивление незначительна по сравнению с наградой за разгадку. Всякий сообразительный подросток мог бы догадаться, что тот, кто ходит сперва на четырех, потом на двух и наконец на трех ногах – это человек. Что это за разгадка, если нашедшему ее приписывается такая необыкновенная сила, что он считается спасителем города? Ответить на этот вопрос можно, если выяснить истинный смысл загадки, следуя принципам толкования мифов и снов, разработанным Бахофеном и Фрейдом [69]. Они показали, что наиболее важное в истинном содержании сновидения или мифа часто кажется в явном изложении не очень значительным или даже совсем незначительным, и часть изложения, которая несет главную нагрузку, занимает в явном содержании очень скромное место.

Применяя этот принцип к мифу о Сфинкс, можно было бы увидеть, что главное здесь не то, что в явном изложении дано крупным планом, то есть не сама загадка, а ответ на нее – человек. Если перевести слова Сфинкс с языка символов на обычный язык, они должны звучать так: «Тот, кто знает, что самый главный ответ, который может дать человек на самый трудный из стоящих перед ним вопросов, – это сам человек, тот может спасти человечество». Сама загадка, разгадка которой требует всего лишь сообразительности, служит ширмой, скрывающей смысл вопроса – значительность человека. Матриархальный уклад, как это показал Бахофен, как раз и строится на принципах, согласно которым главное – человек. У Софокла в «Антигоне» этот принцип положен в основу противостояния Антигоны и Креонта. Для Креонта и для патриархального уклада, который он представляет, главное – государство, установленные человеком законы и подчинение этим законам. Для Антигоны главное – сам человек, закон природы и любовь. Эдип становится спасителем Фив, своим ответом показав Сфинкс, что он принадлежит к тому же миру, который представляет Антигона и который отражает матриархальный уклад.

В мифе и в трагедии Софокла «Царь Эдип» есть элемент, который, казалось бы, противоречит нашей гипотезе: образ Иокасты. Если предлагаемое здесь объяснение верно, то, допустив, что она символизирует материнское начало, мы сталкиваемся с вопросом: почему мать гибнет, вместо того чтобы победить. Ответив на этот вопрос, мы увидим, что роль Иокасты не только не противоречит нашей гипотезе, но скорее подтверждает ее. Преступление Иокасты состоит в том, что она не исполнила свой материнский долг: она хотела убить своего ребенка, чтобы спасти мужа. Это решение законно с точки зрения патриархального общества, но с точки зрения матриархально го общества и его этики это непростительное преступление. Именно Иокаста, совершив это преступление, положила начало цепи событий, которые в конце концов привели к гибели ее саму, ее мужа и сына. Чтобы это понять, нельзя упускать из виду, что миф был известен Софоклу уже измененным в соответствии с канонами патриархата, что явное, сознательно воспринимаемое содержание мифа ориентировано на патриархальный уклад, а скрытый, изначальный смысл мифа проявляется в завуалированной и искаженной форме. Патриархальный уклад победил, и в мифе объяснены причины падения матриархата. Из него следует, что мать, нарушив свой наивысший долг, обрекла себя на гибель. Однако с окончательными выводами относительно того, правильно ли мы поняли роль Иокасты и смысл трагедии «Царь Эдип», стоит подождать и рассмотреть две другие трагедии – «Эдип в Колоне» и «Антигона». В «Эдипе в Колоне» слепой Эдип в сопровождении двух своих дочерей приходит к месту вблизи Афин, где расположено святилище богинь земледелия. По предсказанию оракула, в случае, если Эдип будет похоронен в этой роще, он тем самым защитит Афины от вражеских нашествий. Далее в трагедии говорится, что Эдип рассказал о пророчестве Тесею, афинскому царю. Тесей охотно соглашается, чтобы Эдип после смерти стал покровителем Афин. Эдип возвращается в рощу и умирает загадочной смертью, смысл которой понятен одному Тесею.

Кто же эти богини? Почему они предоставляют Эдипу свое святилище? Что имел в виду оракул, сказав, что, найдя здесь свое последнее пристанище, Эдип вновь обретет роль спасителя и благодетеля?

В «Эдипе в Колоне» Эдип молит богинь:

О рой могучих, грозноликих дев! [70]

У вас впервые я согнул колени,

Пройдя рубеж аттической земли;

Явите ж милость Фебу, милость мне.

Он сам в тот день неслыханных гаданий

От долгих мук мне отдых предвещал.

«В предельный край, – так молвил он, – придешь ты,

Богинь Почтенных утомленный гость;

Там склон настанет горемычной жизни,

И будешь ты приявшим – благостыней

Изгнавшим же – нещадною грозой».

Эдип называет богинь «грозноликие девы» и «Почтенные Богини». Почему же они «грозные», если для него это богини, дающие последнее пристанище и покой?

Почему хор поет:

С чужбины, с чужбины этот старец в наш

Край прибрел: не дерзнул бы он

Так своей осквернить стопой

Рощу сильных, суровых дев...

Их мы назвать дрожим.

Да, без оглядки мы проходим

Мимо, робкой молитвы вздох

Им мы голосом тихим шлем.

Ответ на этот вопрос можно найти, лишь исходя из открытых Бахофеном и Фрейдом принципов истолкования, которые подходят и к мифам, и к сновидениям: если в мифе или сновидении имеется элемент, восходящий к гораздо более ранней стадии развития и не вписывающийся в рамки сознательно воспринимаемого содержания на момент окончательного формирования мифа, то этот элемент часто носит характер чего-то грозного и вызывающего благоговейный страх. Соприкоснувшись с чем-то скрытым и запретным, сознание бывает охвачено особым страхом – страхом перед неизвестностью и тайной. Гете в «Фаусте», в одном из наименее понятых исследователями мест, трактует проблему страха, внушаемого таинственными матерями, примерно в таком же духе, что и Софокл в «Эдипе в Колоне». Мефистофель говорит:

МЕФИСТОФЕЛЬ

Мне трудно тайн высоких откровенье

Царят богини средь пустынь немых. –

Ни места там, ни времени вокруг них,
Уста немеют говорить о них. –
То Матери

ФАУСТ
Как, Матери!

МЕФИСТОФЕЛЬ
Дрожишь?

ФАУСТ
То Матери! ты странно говоришь.

МЕФИСТОФЕЛЬ
Действительно, богини смертным, вам
Неведомы, назвать их трудно нам,
К жилищу их дойдешь ты глубиною,
Что нужны оне, ты сам тому виною. [71]

Здесь, так же как и у Софокла, чувство ужаса и страха возникает при одном лишь упоминании богинь, принадлежащих к миру древности, который изгнан и ушел в тень, скрывшись от сознания.

Как видно из этого отрывка, Гете предвосхитил теорию Бахофена; из дневника Эккермана (10 января 1830 г.) мы узнаем, что, как отмечал сам Гете, он обнаружил, читая Плутарха, что «в Древней Греции о матери говорят, как о Богине». Эта сцена в «Фаусте» ставила в тупик большинство исследователей, пытавшихся объяснить, что матери здесь – это символ идей Платона, непонятное царство внутреннего духовного мира и т. д. Это в самом деле останется загадкой, если не рассмотреть данную сцену в свете открытий Бахофена.

Именно сюда, в рошу «грозных» богинь приходит после долгих скитаний Эдип и находит здесь истинное пристанище. Эдип, хотя он и мужчина, принадлежит к миру этих матриархальных богинь, и его сила – в связи с ними.

Хотя возвращение Эдипа в священную рошу богинь очень важно для понимания его роли представителя матриархального уклада, это не единственный фактор, раскрывающий эту роль. В трагедии есть еще одна хорошо понятная аллюзия: в слова Эдипа, говорящего о своих дочерях, Софокл вкладывает упоминание о матриархате в Египте [72]. Вот как Эдип восхваляет своих дочерей:

Что это! Видно, у египтян нравам
Они учились и укладу жизни!
Там, говорят, мужчины в теремах
Сидят у кросен, жены ж той порою
Вне дома средства к жизни промышляют.
Так и у вас. Те, коим долг велит
Нести обузу трудовой заботы, –
Как девы, нежатся в тени хором,
И вместо них уход за горемычным
Лежит на вас.

Эдип продолжает эту мысль, сравнивая своих дочерей с сыновьями. Он говорит об Антигоне и Исмене:

Они – мои спасительницы; пищей
Я им обязан, в бедственных скитаньях
Мужей я в них, не слабых жен нашел,
А вам отец – кто хочет, но не я.

Мы уже поднимали вопрос о том, что, если суть преступления Эдипа заключалась в кровосмешении, то в трагедии должно было быть сказано, что Эдип, ничего не подозревая, полюбил Иокасту. В «Эдипе в Колоне» Эдип сам отвечает на этот вопрос. Он женился на Иокасте не потому, что хотел или решил это сделать; это была лишь еще одна награда спасителю Фив: греховным браком меня опутал
Народ: ничего не знал я.

. . .
Ах, не такую наградой спасителя
Почтить был должен град...

Мы уже отмечали, что главная тема трилогии, конфликт между отцом и сыном, полнее всего отражена в трагедии «Эдип в Колоне»; здесь ненависть между отцом и сыном – не подсознательное чувство, как в трагедии «Царь Эдип»; здесь Эдип прекрасно осознает, что ненавидит сыновей; он обвиняет их в том,

Фромм Эрих Забытый язык filosofff.org

что они нарушили вечный закон природы. Он заявляет, что его проклятие сильнее, чем молитва сыновей Посейдону: «Если истинны заветы предков, что в небесах блюстительница Правда (Дике, богиня правосудия, покровительница вечного закона природных уз, а не установленного человеком закона о первородстве. – Э.Ф.) среди законов Зевса почтена...» Вместе с тем он выражает и свою ненависть к родителям, обвиняя их за то, что они хотели принести его в жертву. В трагедии нигде не сказано, что причина враждебности сыновей к Эдипу – его кровосмесительный брак. Единственный мотив, который можно найти в трагедии, – это стремление к власти и соперничество с отцом.

Заключительная сцена «Эдипа в Колоне» еще больше проясняет значение связи Эдипа с богинями Земли.

После того как хор спел молитву «силам подземным», обращаясь к богине Земли: «Земли и Эреба суровая дочь», вестник рассказывает, как умер Эдип: он оставил своих дочерей и в сопровождении одного лишь Тесея – но не ведомый им – двинулся к святилищу богинь. Казалось, он не нуждается в том, чтобы его вели, ибо здесь он наконец дома и знает дорогу. Вестник видит, что Тесей

...рукою заслоняет

Глаза, как будто страх невыносимый

Ему привиделся.

Здесь опять подчеркивается, что происходит нечто ужасное и страшное. В следующей строке очень ясно видно, как остатки матриархальной религии сливаются с властвующей системой патриархата. Вестник рассказывает о Тесее: Молитву сотворил он и послал

Привет совместный и богам Олимпа,

И матери-Земле.

Когда вестник заканчивает свой рассказ о смерти Эдипа, мы снова видим, как соединяются матриархат и патриархат:

Какую смертью

Погиб тот муж – сказать никто не может,

Опричь царя Фесея. Не перун

Его унес, летучий пламень Зевса,

Не черной вьюги бурное крыло.

Нет, видно, вестник от богов небесных

Ниспосланный его увел; иль бездна

Бессветная, обитель утомленных,

Разверзлась ласково у ног его.

Ушел же он без стога и без боли,

С чудесной благодатью, как никто.

И если кто меня безумным ставит –

То мне его не надобно ума.

Вестник озадачен; он не знает, кто забрал к себе Эдипа: боги небесные или боги подземные, ушел Эдип в мир отцов или в мир матерей. Но можно быть уверенным, что в повествовании, написанном столетия спустя после того, как боги Олимпа победили богинь-матерей, такие сомнения могут выражать лишь тайную убежденность в том, что Эдипа вернули в тот мир, которому он принадлежал, – в мир матерей.

Какой разный конец у этих двух трагедий: «Эдип в Колоне» и «Царь Эдип»! Во второй судьба Эдипа, казалось бы, решена: ему, несчастному, суждено быть преступником, чье преступление навеки отрывает его от семьи и близких, изгнанником, которого все осуждают, хотя, может быть, и жалеют. В первой он умирает в окружении двух любящих дочерей и новых друзей, для которых он стал благодетелем, не с чувством вины, но убежденным в своей правоте; он не изгнанник, а человек, наконец обретший свой дом – землю и богинь, которые там правят. Трагической вины, кровосмешения, которое совершил царь Эдип, больше не существует, и остается лишь один конфликт, столь же острый, сколь неразрешимый, – конфликт между отцом и сыном.

Тема третьей части трилогии, трагедии «Антигона», – конфликт между матриархальным и патриархальным началом. Здесь особую яркость и определенность приобретает образ Креонта, в первых двух трагедиях представленный не вполне отчетливо. Он становится правителем Фив после того, как оба сына Эдипа погибают: один – нападая на город, чтобы захватить власть, другой – защищая свой престол. Креонт велел похоронить законного царя, а тело другого брата, претендовавшего на власть, оставить незахороненным, что означало по древнегреческим обычаям величайшее унижение и бесчестие. Креонт представляет принцип верховенства закона над кровными узами подчинения власти – над верностью природному закону гуманности.

Антигона отказывается нарушить закон крови и единства всех людей ради требований авторитарной, иерархической системы.

Креонт и Антигона воплощают два противоборствующих начала, которые Бахофен определил соответственно как патриархальное и матриархальное. Суть матриархального начала – кровное родство как фундаментальная и нерушимая связь между людьми, равенство всех людей, ценность человеческой жизни и любви. Суть патриархального начала – в том, что связь между мужем и женой, между тем, кто правит, и тем, кем правят, выше кровных уз. Это принцип порядка и власти, подчинения и иерархии.

Антигона представляет матриархальное начало и предстает, таким образом, непримиримым противником Креонта, олицетворяющего патриархальный уклад. Исмена, напротив, смирилась с поражением и уступила победившему патриархальному началу. Она – символ женщины, находящейся в патриархальной зависимости. Софокл очень ясно показывает ее роль в ее словах к Антигоне, решившей не подчиняться приказу Креонта:

Лишь мы теперь остались. Всех позорней
Погибнем мы, когда, поправ закон,
Нарушим власть и волю мы царя.
Опомнись! В женской родились мы доле;
Не нам с мужами враждовать, сестра.
Им власть дана, мы – в подданстве; хотя бы
И горшим словом оскорбил нас вождь –
Смириться надо. Помолюсь подземным,
Чтоб мне простили погранный завет,
Но власть имущим покорюсь: бороться
Превыше силы – безрассудный подвиг.

Исмена приняла власть мужчин как наивысший закон; она приняла поражение женщин, которые не должны «с мужами враждовать». Ее приверженность богиням выражается лишь в том, что она просит их «простить погранный завет», простить ее, подчинившуюся власти господина.

Гуманистический принцип матриархального уклада, в центре которого – величие и достоинство человека, прекрасно и сильно выражен в песнопении хора, прославляющего могущество человека:

Много в природе дивных сил,
Но сильней человека – нет.
Он под вьюги мятежный вой
Смело за море держит путь;
Кругом вздымаются волны –
Под ними струг плывет.
Почтенную в богинях Землю,
Вечно обильную мать, утомляет он;
Из году в год в бороздах его пажити,
По ним плуг мул усердный тянет.

Развязка конфликта между патриархальным и матриархальным началом наступает в ходе дальнейшего развития пьесы. Антигона утверждает, что закон, которому она подчиняется, – это не закон богов Олимпа. Ее закон «был ими к жизни призван не вчера: живет он вечно, и никто не знает, с каких он пор явился меж людей». Можно добавить, что корни закона, согласно которому умершего надо похоронить, возвратить матери-Земле, – именно в принципах матриархальной религии. Антигона воплощает единство всех людей, всеобъемлющую материнскую любовь. «Делить любовь – удел мой, не вражду», – говорит она.

Для Креонта наивысшее достоинство – подчинение власти; если людское братство и любовь вступают в конфликт с послушанием, они должны уступить. Ему необходимо одержать победу над Антигоной, чтобы поддержать свою патриархальную власть и вместе с ней – свою мужскую суть:
Не мужем буду я – она им будет, –
Коль власть мою ей в поруганье дам.

Креонт недвусмысленно излагает принцип авторитарности, патриархального уклада:

Ты прав, мой милый. Пред отцовской волей
Все остальное отступать должно.
Затем и молим мы богов о детях,
Чтоб супостатов наших отражали
И другу честь умели воздавать.
А кто и в сыне не нашел опоры –
Что скажем мы о нем? Не ясно ль всем,
Что для себя он лишь кручину создал

И смех злорадный для врагов своих?
Нет, нет, дитя! Не допусти, чтоб нега
Твой ясный разум обуяла; женской
Не покоряйся прелести, мой сын!
Кто с лиходейкой делит ложе – верь мне,
Морозом веет от таких объятий!
Нет горше язвы, чем негодный друг.
Отринь и ты ее, презренья полный:
Она нам – враг. Пускай во тьме подземной
Себе другого ищет жениха!
Я уличил ее уликой явной
В том, что она, одна из сонма граждан,
Ослушалась приказа моего;
Лжецом не стану я пред сонмом граждан:
Пойми меня, мой долг – ее казнить.
И пусть взывает к родственному Зевсу:
Когда в родстве я зародиться дам
Крамоле тайной – вне родства, бесспорно,
Еще пышнее расцветет она.
Нет. Кто в кругу домашних безупречен,
Тот и гражданский долг исполнит свято;
Напротив, кто в безумном самомненье
Законы попирает, кто властям
Свою навязывает волю – мною
Такой гордец отвержен навсегда.
Кого народ начальником поставил,
Того и волю исполняй – и в малом,
И в справедливом деле, и в ином.
Кто так настроен, тот – уверен я –
Во власти так же тверд, как в подчиненье.
Он в буре брани на посту пребудет,
Соратник доблестный и справедливый.
А безначалье – худшее из зол.
Оно народы губит, им отраву
В глубь дома вносится, союзной рати
В позорном бегстве узы рвет оно.
Но где надежно воинство – его там
Ряды блюдет готовность послушанья.
Храни же свято стяг законной власти,
Не подчиняя женщине ума.
Уж если пасть нам суждено – от мужа
Падем, не в женской прелести сетях!

Глава семьи и глава государства – вот две взаимосвязанные ипостаси, имеющие наивысшую ценность, которые олицетворяет Креонт. Сыновья – собственность отцов, и они должны быть «опорой». *Patria potestas*[73] в семье – основа власти правителя в государстве. Граждане – собственность государства и его правителя, и «безначалье – худшее из зол».

Гемон, сын Креонта, олицетворяет собой принцип, за который борется Антигона. Сначала он пытается умиротворить и убедить отца, но видя, что тот не уступит, открыто заявляет о своем противостоянии отцу. Он доверяет лишь воле народа и разуму, который есть «высший дар богов для смертных». Когда Креонт обвиняет Антигону в том, что она ослушалась его приказа, Гемон дерзко заявляет, что к «дурным» Антигону «не причисляет» ни он, «ни всенародный глас фивян».

Креонт возражает:
Своей мне волей править иль чужою?

А Гемон на это отвечает:
Единый муж – несобственник народа,
Попробуй самодержцем быть в пустыне.

Креонт в своем возражении опять возвращается к главному:
Презренный, женской прелести угодник!..
Ты в каждом слове лишь о ней радеешь!

Из ответа Гемона можно сделать вывод о его приверженности тем же богам, которым поклоняется Антигона:
Нет; и о нас с тобой, и о богах.

Итак, два противоборствующих принципа четко сформулированы, и в конце трагедии действие лишь подводится к развязке. Креонт велел заживо замуровать Антигону в пещере – еще один символ связи Антигоны с богинями Земли. Прорицатель Тиресий, который в трагедии «Царь Эдип» поведал Эдипу о его преступлении, вновь появляется в «Антигоне», на этот раз – чтобы о своем преступлении узнал Креонт. Креонт в испуге отступает и пытается спасти Антигону. Он бросается к пещере, где она замурована, но Антигона уже мертва. Гемон пытается убить отца; когда ему это не удается, он убивает сам себя. Жена Креонта, Эвридика, узнав, какая судьба постигла ее сына, тоже кончает с собой, прокляв мужа – убийцу ее детей. Креонт видит, что его мир потерпел полное крушение и что его принципы повержены. Он признает свое моральное банкротство, и пьеса заканчивается исповедью:

Да, никто другой не виновен в том,
И тебя, мой друг, я один убил,
Я, – один лишь я. Слуги верные,
Уведите в глушь поскорей меня –
Вознесен был я, – стал ничем теперь.

Да, ведите в глушь безрассудного,
Что и сыну дал смерть невольную,
И тебе, жена! О несчастный я!
Здесь – убитый мной, там – убитая!
Страшной тяжестью, нестерпимую
На главу мою рок обрушился.

Теперь мы можем ответить на те вопросы, которыми задавались вначале. Действительно ли в центре мифа об Эдипе, как он представлен в трилогии Софокла, – преступление Эдипа, заключавшееся в кровосмешении? Является ли убийство отца символом ненависти, причина которой – ревность? Если еще можно было сомневаться в ответе, прочтя трагедию «Царь Эдип», то к концу «Антигоны» вряд ли останутся какие-либо сомнения. Не Эдип, а Креонт терпит поражение в конце трилогии, и вместе с ним – принцип авторитарности, господства человека над человеком, господства отца над сыном, господства диктатора над народом. Если справедлива концепция матриархального уклада в обществе и религии, то вряд ли можно сомневаться, что Эдип, Гемон и Антигона представляют древние матриархальные принципы равенства и демократии и противостоят Креонту, представляющему патриархальные принципы господства и подчинения [74].

Прежде чем закончить толкование мифа об Эдипе, следует рассмотреть еще один аспект. Хотя конфликт между Эдипом, Антигоной и Гемоном, с одной стороны, и Креонтом – с другой, отражает древний конфликт между принципами патриархата и матриархата, в особенности его элементы, сохранившиеся в мифах, его следует понимать в контексте политической и культурной ситуации во времена Софокла и в контексте его отношения к этой ситуации.

Пелопоннесская война, угроза политической независимости Афин, и чума, охватившая город в начале войны, способствовали возрождению старых религиозных и философских традиций. Нападки на религию, случавшиеся и раньше, достигли наивысшего размаха в учении идейных противников Софокла – софистов. Софокл противостоял в особенности тем софистам, которые не только выступали за деспотию с интеллектуальной элитой во главе, но также считали этически оправданным принцип неограниченного эгоизма. Этика сверхчеловека-эгоиста, которую проповедовали софисты этого направления, их безнравственное учение, по своей сути противоречили философии Софокла. В образе Креонта Софокл воссоздал представителей этой школы софистов, и монологи Креонта напоминают их речи даже по стилю и по способу выражения [75].

В споре с софистами Софокл по-новому выразил смысл древних религиозных традиций, в которых главными были идеи любви, равенства и справедливости. «Религиозное мировоззрение Софокла... прежде всего связано не с официальной религией государства, а с теми побочными силами, которые всегда были ближе к народной вере, чем аристократы Олимпа, и которые снова приходили на помощь, когда люди обращались к ним перед лицом опасности Пелопоннесской войны». [76] В этих «побочных силах», отличных от «аристократов Олимпа», легко узнаются богини матриархата. Итак, мы видим, что взгляды Софокла, выразившиеся в его трилогии об Эдипе, следует рассматривать как сочетание его противостояния современному ему софизму и приверженности древней религии, а не религии богов Олимпа [77]. Во имя того и другого он утверждает, что достоинство человека и святость человеческих уз нельзя подчинять негуманистическим, авторитарным требованиям государства или эгоистическим измышлениям софистов [78].

2. Миф о сотворении мира

Вавилонский миф о сотворении мира (Энума Элиш) повествует о завершившемся победой восстании мужских божеств против Тиамат, великой матери, которая правила вселенной. Они объединились против нее и избрали своим предводителем Мардука. В жестокой войне Тиамат убита, из ее тела сотворены небо и земля, а Мардук стал верховным богом.

Но перед тем как стать главой, Мардук должен был пройти испытание, которое в общем контексте повествования кажется несущественным и непонятным, но тем не менее является, как я попытаюсь показать, ключом к пониманию мифа.

Испытание было такое:

И положили они одеянье в середину;

И сказали Мардуку, их первородному сыну:

«Воистину, владыка, превыше всех богов твое предназначенье,

Повелевай: «Уничтожить и сотворить!», и да будет так!

Да исчезнет одеянье по слову из уст твоих;

И по другому слову да возникнет оно в целости».

И повелел он устами своими, и исчезло одеянье.

И повелел он снова, и возникло оно снова в целости.

И уверились боги, отцы его, в могуществе его слова,

И возрадовались они и преклонились перед ним:

«Мардук – царь!» [79]

В чем смысл этого испытания? То, что делал Мардук, похоже скорее просто на волшебство, чем на решающее испытание, призванное определить, сможет ли он победить Тиамат.

Чтобы понять смысл испытания, нужно вспомнить, что мы говорили о проблеме матриархата, когда рассматривали миф об Эдипе. В вавилонском мифе ясно прослеживается конфликт между патриархальным и матриархальным укладами в обществе и религии. Сыновья бросают вызов великой Матери. Но как же им победить, если в одном женщина выше их – она от природы одарена способностью к сотворению, она может вынашивать детей. В этом отношении мужчины неплодотворны. (Верно, что наличие мужской спермы – необходимое условие зачатия ребенка в яйцеклетке женщины, но этот факт воспринимается скорее как научная идея, в отличие от очевидного, легко распознаваемого факта беременности или наличия детей. Кроме того, роль отца в сотворении ребенка заканчивается актом оплодотворения, и с этого момента начинается роль матери, которая вынашивает ребенка, производит его на свет и нянчит.) В противоположность допущению Фрейда о «зависти по поводу пениса» как естественной составляющей женской психики, есть все основания допустить, что, до того как установилось господство мужчин, они испытывали «зависть по поводу беременности», которая во многом проявляется и сейчас. Чтобы одержать победу над матерью, мужчина должен доказать, что он не ниже женщины, что он тоже способен производить. Если он не может производить из чрева, он должен производить каким-то другим способом; он производит ртом, словом, мыслью. В этом заключается смысл испытания: Мардук сможет победить Тиамат, только если докажет, что тоже может что-то сотворить, хотя бы и другим способом. В этом испытании проявляется глубинный конфликт мужского и женского начал, который лежит в основе борьбы между Тиамат и Мардуком и является главной причиной борьбы между полами. С победой Мардука устанавливается превосходство мужчин, природное плодородие женщины обесценивается, и начинается эра мужского господства, основанного на способности мужчин производить с помощью мысли – том способе производства, с которого началась человеческая цивилизация.

Там, где кончается вавилонский миф, начинается миф библейский. Верховенство мужского божества установилось, и от предыдущей эпохи – матриархата – почти не осталось следов. «Испытание» Мардука стало главной темой библейского повествования о творении. Бог создает мир своим словом; женщина и ее способность сотворять больше не нужны. Перевернут даже естественный порядок, согласно которому людей производит на свет женщина: Ева рождается из ребра Адама (как Афина из головы Зевса). Однако следы превосходства женщины уничтожены не полностью. В образе Евы мы видим женщину, которая выше мужчины. Она берет на себя инициативу, вкушая запретный плод; она не спрашивает Адама, а просто дает ему яблоко, а его оправдания выглядят неловкими и неумными. Его превосходство устанавливается лишь после грехопадения. Бог говорит Еве: «И к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобой». Бог устанавливает господство мужчины – значит, раньше был мир, в котором правил не он. Исходя из этого, а также из полного отрицания плодотворной роли женщины, можно проследить более раннюю тему

Фромм Эрих Забытый язык filosoff.org
господствующей роли матери, которая еще читается в тексте вавилонского мифа.

В библейском мифе хорошо виден механизм искажения и цензуры, занимающий ведущее место в толковании снов и мифов у Фрейда. Здесь еще сохранились следы более ранней религии и общественного устройства. Но к моменту составления Библии, как мы теперь знаем, эти древние принципы пришли в такое противоречие с установившимся образом мышления, что они не могли быть выражены открыто, и теперь следы древней системы можно распознать лишь по мелким деталям [80], аллюзиям, несоответствиям и по связи мифа, созданного позднее, с более ранними вариациями на эту тему.

3. Красная Шапочка

На примере «Красной Шапочки» можно проиллюстрировать взгляды Фрейда и одновременно проследить вариации темы конфликта мужского и женского начал, проявляющегося в трилогии об Эдипе и в мифе о сотворении мира. Вот эта сказка:

Жила-была маленькая девочка, и такая она была славная, что кто на нее ни посмотрит, все ею любовались; но больше всех ее любила бабушка, и не было на свете ничего, что она пожалела бы для своей внучки. Однажды она подарила ей красную бархатную шапочку, которая была девочке так к лицу, что она никогда ее не снимала; и ее прозвали Красная Шапочка.

Однажды мама сказала ей: «Вот, Красная Шапочка, кусочек пирога и бутылочка вина; возьми это и отнеси бабушке, она больна и слаба, она поест и поправится. Отправляйся утром, пока прохладно, по дороге иди тихо и осторожно, не сворачивай, а то упадешь и разобьешь бутылочку, и бабушке ничего не достанется; когда придешь к бабушке, не забудь сказать „С добрым утром“, и пока не поздороваяешься, не заглядывай в каждый уголок». Красная Шапочка поклялась маме, что будет вести себя осторожно.

Бабушка жила в лесу, в полумиле от деревни, и как только Красная Шапочка зашла в лес, ей повстречался волк. Красная Шапочка не знала, какой он нехороший, и совсем не испугалась.

– Здравствуй, Красная Шапочка, – сказал он.

– Здравствуй, волк.

– Куда это ты идешь так рано?

– К бабушке.

– А что у тебя в фартучке?

– Пирожок и вино; вчера мама пекла пироги, пусть бедная больная бабушка съест чего-нибудь вкусенького, и ей станет легче.

– А где живет твоя бабушка?

– Отсюда целых четверть мили, в лесу; ее домик стоит под тремя большими дубами, внизу сразу орешник. Ты, наверно, знаешь это место, – ответила Красная Шапочка.

Волк подумал: «Какое нежное юное создание! Какой лакомый кусочек – она, пожалуй, куда вкуснее, чем старуха. Надо хитритесь схватить обеих». Он пошел рядом с Красной Шапочкой, а потом сказал:

– Смотри, Красная Шапочка, какие тут красивые цветочки – почему ты не смотришь вокруг? А как сладко поют птички, ты, наверно, тоже не слышишь? Ты идешь так чинно, будто в школу, а вокруг, в лесу – такая красота!

Красная Шапочка подняла глаза, увидела, как сквозь деревья то тут, то там пляшут солнечные лучи, а вокруг растут прелестные цветы, и подумала: «А что, если я принесу бабушке букетик цветов, она, наверно, будет рада. Еще рано, я еще успею добраться до бабушки». И свернула с тропинки в лес, чтобы собрать цветов. Когда она сорвала цветочек, ей показалось, что там, дальше, – еще лучше, и она побежала за ним; так она забиралась в лес все дальше и дальше.

А волк тем временем быстро прибежал к бабушкиному дому и постучал в дверь.

– Кто там?

– Открой, это я, Красная Шапочка, – ответил волк, – я принесла тебе пирожок и вино.

– Дерни за веревочку, – сказала бабушка, – я совсем ослабла и не могу встать.

Волк дернул за веревочку, дверь открылась; он, ни слова не говоря, подскочил к кровати и проглотил старушку. Потом он надел ее платье и чепчик, улегся в постель и задернул полог.

А Красная Шапочка бегала по лесу и собирала цветы. Насобирав целую охапку, она вспомнила про бабушку и отправилась к ней.

Она удивилась, что дверь открыта, а когда вошла, ей стало как-то не по себе, и она подумала: «Что такое? Как мне сегодня неловко. А ведь всегда

мне так нравилось у бабушки». Она громко сказала: «Доброе утро!», но никто не ответил; тогда она подошла к кровати и раздвинула занавески. На кровати лежала бабушка, чепчик у нее был надвинут на глаза, и выглядела она очень странно.

- Бабушка, - сказала Красная Шапочка, - почему у тебя такие большие уши?
- Это чтобы лучше тебя слышать, милая, - был ответ.
- Бабушка, а почему у тебя такие большие глаза?
- Это чтобы лучше тебя видеть, милая.
- А почему, бабушка, у тебя такие большие руки?
- Это чтобы крепче обнять тебя.
- Ой, бабушка, а какие у тебя большие зубы.
- А это чтобы лучше тебя съесть!

И с этими словами волк выпрыгнул из кровати и проглотил Красную Шапочку. Наевшись, волк опять улегся в постель, уснул и громко захрапел. В это время мимо дома проходил охотник и подумал: «Как храпит старушка! Нужно пойти посмотреть, не надо ли ей чего-нибудь». Он вошел в комнату и, подойдя к кровати, увидел там волка. «Вот ты где, нечестивец! - сказал он, - я давно охочусь за тобой!» Он хотел застрелить волка, но подумал, что волк, наверное, проглотил бабушку и ее, наверное, еще можно спасти. Он не стал стрелять, а достал ножницы и решил разрезать волку брюхо. Сделав надрез, он увидел Красную Шапочку; когда разрезал брюхо дальше, оттуда выпрыгнула девочка и воскликнула: «Ах, как я испугалась! Как темно у волка в брюхе». Потом выбралась старушка, едва дыша, но все-таки живая. Красная Шапочка быстро насобирала больших камней и вместе с охотником набила ими волку брюхо. Когда волк проснулся, он хотел убежать, но камни были такие тяжелые, что он тут же рухнул замертво.

Все трое обрадовались. Охотник содрал с волка шкуру и унес ее домой; бабушка съела пирожок и выпила вино, которое принесла Красная Шапочка, и пришла в себя, а Красная Шапочка подумала: «Больше никогда в жизни не буду сворачивать без спросу с дорожки в лес».

Большинство символов в этой сказке легко понять. «Красная бархатная шапочка» - символ менструации. Маленькая девочка, о приключениях которой рассказывается в сказке, превратилась в зрелую женщину и столкнулась с проблемой половых отношений.

Очевидно, что предостережение «не сворачивай с дорожки в лес», чтобы «не упасть и не разбить бутылочку», - это предостережение о том, что вступить в половую связь и утратить девственность опасно.

При виде девочки у волка разыгрался сексуальный аппетит, и он пытается соблазнить ее, предложив «оглянуться вокруг» и послушать, как сладко поют птицы. Красная Шапочка «поднимает глаза» и, послушавшись волка, углубляется «все дальше и дальше в лес». При этом она делает характерную попытку найти своему поступку какое-то рациональное объяснение: чтобы убедить себя, что она не делает ничего плохого, она рассуждает о том, что бабушка будет рада, если она принесет ей цветы.

Но она сурово наказана за то, что свернула с прямой дороги добродетели.

Волк, переодевшись бабушкой, проглотил невинную Красную Шапочку.

Насытившись, он уснул.

До этого момента в сказке, как кажется, присутствует одна простая мораль: вступать в половые отношения опасно. Но на самом деле все гораздо сложнее. Какова здесь роль мужчины и как представлены половые отношения?

Мужчина предстает в образе безжалостного и коварного животного, а половой акт описан как акт каннибализма, в котором мужчина пожирает женщину. Те женщины, которым нравятся мужчины и которые получают удовольствие, вступая с ними в половые отношения, не согласны с таким представлением. Оно отражает глубокую враждебность к мужчинам и к половым отношениям. Ненависть и предубежденность против мужчин особенно отчетливо звучат в конце сказки. Здесь, как и в случае вавилонского мифа, нужно вспомнить, что превосходство женщины состоит в ее способности вынашивать ребенка. Как сделано, чтобы волк выглядел смешным? Показано, как он попытался сыграть роль беременной женщины, у которой в брюхе находятся живые существа. Красная Шапочка набивает брюхо волка камнями - символ бесплодия, - и волк терпит поражение: умирает. По древнему закону возмездия его поступок наказан в соответствии с его виной: он погиб от камней, символизирующих бесплодие, и этим высмеиваются его претензии на роль беременной женщины.

В этой сказке, где главные герои - три поколения женщин (охотник в конце - условный образ отца, не имеющий реального значения), говорится о конфликте между мужчиной и женщиной; это история торжества женщин, ненавидящих мужчин, история, заканчивающаяся победой женщин. Это прямая противоположность мифу об Эдипе, где мужчина выходит из борьбы победителем.

4. Обычай субботы

Символы, о которых мы до сих пор говорили, – это наглядные образы слов, обозначающих какую-либо идею, чувство или мысль. Но есть и другой вид символов, значение которых в истории человечества вряд ли меньше, чем значение символов, встречающихся в сновидениях, мифах и сказках. Я имею в виду ритуалы-символы, в которых внутреннее переживание обозначается не словом или образом, а действием. Все мы пользуемся такими ритуалами-символами в повседневной жизни. Снимая шляпу в знак уважения, склоняя голову в знак почтения, пожимая руку в знак дружеского расположения, мы действуем – а не говорим, – используя символы. Символы, о которых я сейчас говорил, просты и понятны; точно так же, как понятны каждому без подробного анализа некоторые сновидения. Имеется много таких же простых религиозных символов, например древний еврейский обычай раздирать на себе одежды в знак скорби. Тем не менее есть много других обычаев, как, например, обычай субботы, которые, как и язык символов в сновидениях и мифах, сложны и требуют анализа.

Правила о соблюдении субботнего дня занимают важное место в Ветхом завете; это единственная из Десяти заповедей, касающаяся какого-либо обычая. «Помни день субботний, чтобы святить его; шесть дней работай и делай (в них) всякие дела твои, а день седьмой – суббота Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни... скот твой, ни пришелец, который в жилищах твоих; ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмой почил; посему благословил Господь день субботний и освятил его» (Исх., 20: 8–11). Во второй версии Десяти заповедей (Втор., 5: 12–15) снова заповедуется соблюдать день субботний, хотя здесь это связывается не с отдыхом Бога на седьмой день, а с исходом из Египта: «...и помни, что (ты) был рабом в земле Египетской, но Господь, Бог твой, вывел тебя оттуда рукою крепкою и мышцею высокою, потому и повелел тебе Господь, Бог твой, соблюдать день субботний».

На взгляд современного человека, в обычае субботы нет ничего непонятного. Идея о том, что человек должен отдыхать от работы один день в неделю, представляется само собой разумеющейся социально-гигиенической мерой, направленной на то, чтобы человек получил физический и моральный отдых и разрядку, необходимые, чтобы его не поглотила ежедневная работа. Это объяснение само по себе, несомненно, верно, но оно не отвечает на некоторые вопросы, возникающие при ближайшем рассмотрении библейского закона субботы, и в особенности обычая субботы, развившегося в послебиблейской традиции. Почему это «гигиеническое» предписание так важно, что помещено среди Десяти заповедей, в остальном посвященных фундаментальным религиозным и этическим принципам? Почему оно объясняется тем, что Бог отдыхал на седьмой день, и что означает этот «отдых»? Неужели образ Бога настолько антропоморфен, что он нуждается в отдыхе после шести дней тяжелой работы? Почему во втором варианте Десяти заповедей суббота связывается со свободой, а не с отдыхом Бога? Каков же общий знаменатель у этих двух объяснений? И потом – и это, пожалуй, самый важный вопрос, – как понимать премудрости обычая субботы в свете современного представления об отдыхе как социально-гигиенической мере? В Ветхом завете человек, «собиравший дрова в день субботы» (Чис., 15: 32), за нарушение заповеди Господа, был наказан смертью. Впоследствии запрещалась не только работа в современном смысле, но и другие действия: нельзя разводиться огнем, даже если это делается для удобства и не требует каких-либо физических усилий; нельзя вырывать из земли ни былинки, ни цветочка; нельзя ничего нести на себе, даже такое легкое, как носовой платок. Все это не работа, в смысле физических усилий; отказ от такой работы часто доставляет больше неудобств, чем ее выполнение. Имеем ли мы здесь дело с нелепо преувеличенной строгостью соблюдения изначально «разумного» обычая, или мы, может быть, неправильно истолковываем его смысл, и наши представления следует пересмотреть?

При более подробном анализе символического смысла обычая субботы мы увидим, что дело здесь не в навязчивой излишней строгости, а в том, что в понятия работы и отдыха вкладывался иной смысл, чем сейчас.

Начнем с главного. «Работа», как это заложено в концепции, содержащейся в Библии и развитой в Талмуде, – это не просто физическое усилие. Ее можно определить таким образом: «работа» – это всякое вмешательство человека – не важно, созидательное или разрушительное, – в мир природы; «отдых» – это состояние мира между человеком и природой. Человек должен оставить природу в неприкосновенности, никак не изменять ее – ни созидая, ни разрушая; даже малейшее изменение, внесенное человеком в жизнь природы, есть нарушение «отдыха». Суббота – это день мира между человеком и природой; работа – это

любое нарушение равновесия между ними.

Исходя из этого определения, можно понять смысл обычая субботы.

Действительно, всякая тяжелая работа – пахать землю или строить – есть работа и в этом смысле, и в современном. Но зажечь спичку или вырвать былинку, хотя это и не требует никаких усилий, означает вмешаться в жизнь природы, нарушить мир человека и природы. Исходя из этого принципа, можно понять, почему Талмуд запрещает ношение всякой ноши, даже очень легкой. На самом деле ношение как таковое не запрещается. Можно переносить тяжелый груз в пределах своего дома или двора, не нарушая заповеди. Но нельзя переносить даже носовой платок «из одного владения в другое». Например, из частного владения – дома – в общественное владение – на улицу. Этот закон переносит идею мира из сферы природы в сферу общества. Точно так же, как человек не должен вмешиваться в природное равновесие или изменять его, он должен воздерживаться от изменения порядка в обществе. Это означает не только не заниматься своим обычным делом, но избегать также такой примитивной формы перемещения собственности, как ее перенос из одного владения в другое.

Суббота – символ полной гармонии между человеком и природой и между человеком и человеком. Не работая – то есть не участвуя в процессе изменения природы или общества, – человек свободен от уз природы и времени, пусть всего лишь на один день в неделю.

Все значение этой идеи можно понять только в контексте библейской философии взаимоотношения человека и природы. До «грехопадения» Адама, то есть до того, как человек обрел разум, он жил в полной гармонии с природой; первый акт непослушания, положивший начало свободе человека, «открывает ему глаза», он познает добро и зло, он осознает себя и своего ближнего, свое сходство с другими и вместе с тем свою индивидуальность, осознает, что связан с ближними узами любви и вместе с тем одинок. Здесь начинается история человечества. Бог проклял человека за непослушание. В чем заключается это проклятие? Положена вражда (Быт., 3: 15–19) между человеком и животными («и вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту»), между человеком и землей («проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терния и волчцы произрастят она тебе; и будешь питаться полевою травой; в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят»), между мужчиной и женщиной («и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою»), между женщиной и ее природной ролью («в болезни будешь рожать детей»). Первоначальную, до-индивидуалистическую гармонию заменили вражда и борьба [81].

В чем же состоит – по представлению пророков – цель человека? Снова жить в мире и согласии с ближними, с животными, с землей. Новая гармония отличается от гармонии рая. Ее можно достичь лишь тогда, когда человек достигнет полного развития и обретет настоящие человеческие качества, когда он познает истину и будет творить суд и правду, когда сила его разума разовьется настолько, что он освободится и перестанет быть рабом иррациональных страстей. В книгах пророков много символов, выражающих эту идею. Земля снова будет обильно родить, мечи перекуют на орала, лев и ягненок будут жить в мире бок о бок, больше не будет войн, женщины будут без страданий носить детей (Талмуд), все человечество объединится в истине и любви. Символ этой новой гармонии, достижение которой и есть конечная цель исторического развития, – образ Мессии.

Исходя из этого, можно до конца понять смысл обычая субботы. Субботный день предвосхищает времена Мессии, ведь время Мессии названо временем «вечной субботы». В действительности суббота – это не только символ предвосхищения времен Мессии, суббота считается его истинным предвестником. Как сказано в Талмуде, если бы все сыны Израилевы лишь однажды до конца исполнили бы день субботы, Мессия был бы уже здесь.

Таким образом, «отдых», «не-работа» имеет иной смысл, нежели современное понятие «расслабления». В состоянии отдыха человек предвосхищает состояние человеческой свободы, которое в конце концов наступит. Взаимоотношения человека и природы, человека и человека – это отношения гармонии, мира, неприкосновенности. Работа – символ конфликта и дисгармонии; отдых – выражение достоинства, мира и свободы.

В свете такого представления можно ответить на некоторые из поставленных ранее вопросов. Обычай субботы занимает в библейской религии такое важное место, потому что это больше, чем «день отдыха» в современном смысле; это символ спасения и свободы. Это означает также отдых Бога; этот отдых необходим Богу не потому, что он устал, в отдыхе Бога выражена идея о том, что, как ни велико творение Божье, выше его творения – мир (peace), венчающий его; работа Бога принижает его; он должен «отдыхать» не потому,

что устал, а потому, что он по-настоящему свободен и по-настоящему является Богом лишь тогда, когда прекращает работу. Значит, и человек является человеком лишь тогда, когда он не работает, когда он в мире с природой и с ближними; поэтому заповедь субботы в одном месте связывается с отдыхом Бога, а в другом – с освобождением от египетского рабства. Оба эти события означают одно и то же и объясняют друг друга: отдых – это свобода.

Я не хотел бы оставить эту тему, не затронув вкратце некоторые другие аспекты обычая субботы, которые помогут до конца понять этот обычай.

Суббота, очевидно, старинный вавилонский праздник, который отмечали каждый седьмой день (Шапату). Но его значение было совершенно иное, чем значение библейской субботы. Вавилонский Шапату был днем скорби и самобичевания. Это был мрачный день, посвященный Сатурну (в английском слове «Saturday» – «суббота» сохраняется название этого праздника: день Сатурна), чей гнев хотели умиротворить самобичеванием. Постепенно характер праздника менялся. Уже в Ветхом завете он перестал означать самобичевание и скорбь; это уже не «плохой», а хороший день, предназначенный для благоденствия человека. В дальнейшем суббота все больше и больше становится противоположной по смыслу мрачному дню Шапату. Суббота становится днем радости и удовольствия. В течение последних двух тысячелетий в субботу у евреев принято, кроме чтения Писания и более поздних религиозных книг, есть, пить, петь песни, вступать в половые сношения. Из дня подчинения злым силам Сатурна суббота превращается в день свободы и радости.

Эту перемену духа и смысла праздника можно понять до конца, только исходя из того, что означает Сатурн. Сатурн (в древней астрологической и метафизической традиции) – символ времени. Это бог времени, а значит – и бог смерти. Будучи похожим на Бога – обладая душой, разумом, любовью и свободой, – человек не подчинен времени или смерти. Но будучи животным, тело которого подчинено законам природы, человек – раб времени и смерти. Вавилоняне стремились самобичеванием умиротворить бога времени. В Библии в концепции субботы делается попытка решить проблему совершенно по-новому: прервав на день взаимодействие с природой, человек устраняет время; когда человек ничего не изменяет, не работает, ничего не трогает – времени нет. На место той субботы, когда человек поклоняется богу времени, приходит библейская суббота – символ победы человека над временем; время устраняется, Сатурн низложен в свой собственный день, в день Сатурна.

5. «Процесс» франца Кафки

«Процесс» франца Кафки – выдающийся пример произведения, написанного на языке символов. Как и во многих сновидениях, здесь представлены события, каждое из которых само по себе конкретно и реалистично, но общая картина при этом неправдоподобна и фантастична. Чтобы понять этот роман, его нужно читать так, как будто нам рассказывают сон – длинный, сложный сон, в котором внешние события, происходящие в пространстве и во времени, выражают мысли и чувства человека, видящего сон, в данном случае – героя романа Иозефа К.

Роман начинается несколько шокирующей фразой: «Кто-то, по-видимому, оклеветал Иозефа К., потому что, не сделав ничего дурного, он попал под арест» [82].

Этот «сон», как, наверное, можно было бы сказать, начинается с того, что К. осознает себя под арестом, то есть понимает, что его «задержали». Что значит «задержали»? Это любопытное слово, с двойным смыслом. «Его задержали» может означать, что полицейские взяли его под стражу, но это может означать и то, что остановили его рост и развитие. Обвиняемый «задержан» полицией, а организм «задержан» в своем нормальном развитии. В явном содержании романа слово «задержан» используется в первом значении. Между тем на языке символов отражено его второе значение. К. осознает, что его задержали и его развитие остановилось.

Кафка объясняет, почему К. задержали, в небольшом, мастерски написанном отрывке. Вот как проходила жизнь К.:

Этой весной К. большей частью проводил вечера так: после работы, если еще оставалось время – чаще всего он сидел в конторе до девяти, – он прогуливался один или с кем-нибудь из сослуживцев, а потом заходил в пивную, где обычно просиживал с компанией пожилых господ за их постоянным столом часов до одиннадцати. Бывали и нарушения этого расписания, например когда директор банка, очень ценивший К. за его работоспособность и надежность, приглашал его покататься в автомобиле или поужинать на даче. Кроме того, К. раз в неделю посещал одну барышню, по имени Эльза, которая всю ночь до утра работала кельнершей в ресторане, а днем принимала гостей

исключительно в постели.

Это была пустая, однообразная жизнь, бесплодная, лишенная любви и плодотворного начала. В самом деле, его развитие задержалось, и он слышал, как внутренний голос говорил ему об этом и об опасности, грозившей его личности.

Дальше мы читаем: «Кухарка его квартирной хозяйки, ежедневно приносившая ему завтрак около восьми, на этот раз не явилась. Такого случая еще не бывало». Эта деталь вроде бы не имеет значения. Действительно, упоминание о такой мелочи, как то, что ему не принесли завтрак, как-то не соотносится с предыдущим шокирующим сообщением об аресте; но здесь, как и во многих сновидениях, в такой, казалось бы, незначительной детали содержится важная информация о характере К. Это был человек с «установкой на получение». Все его устремления были направлены на то, чтобы получать от других, и никогда – на то, чтобы давать или производить [83].

Он был зависим от других, от тех, кто должен был кормить его, заботиться о нем и защищать его. Он оставался ребенком, зависимым от матери, связывающим все с ее помощью, использующим ее и манипулирующим ею. Как это характерно для людей с такой установкой, главное для него – быть приятным и милым, чтобы люди – и в особенности женщины – давали ему то, что ему было нужно; больше всего он боялся, что люди могут рассердиться и ничего ему не дать. Он считал, что источник всех благ – вне его самого, а жить для него значило удачно уходить от опасности потерять милость этого источника. Результатом было отсутствие ощущения своей силы и панический страх перед угрозой быть покинутым тем человеком или теми людьми, от которых он зависит.

К. не знал, кто его обвиняет и в чем. Он спрашивает себя: «Кто же эти люди? О чем они говорят? Из какого они ведомства?» Чуть позже, когда он разговаривал с «инспектором», человеком, занимающим высокий пост в судебной иерархии, внутренний голос прозвучал более отчетливо. К. задавал инспектору разные вопросы, не имеющие никакого отношения к главному – к вопросу о том, в чем его обвиняют; отвечая ему, инспектор высказал важнейшее из того, что мог бы понять К. в его положении – и, в сущности, всякий, кто попал в беду и ищет помощи. Инспектор сказал: «И хотя я не отвечаю на ваши вопросы, но могу вам посоветовать одно: поменьше думайте о нас и о том, что вас ждет, думайте лучше, как вам быть». К. не понял, что имел в виду инспектор. Он не понимал, что проблема внутри него, что только он может сам себя спасти, то, что он не внял совету инспектора, свидетельствует о его поражении.

В конце этой сцены звучит еще одна фраза инспектора, которая в значительной мере проливает свет на характер обвинения и арест героя. Происходит такой диалог:

– Вероятно, вы захотите сейчас отправиться в банк?

– В банк? – спросил К. – Но я думал, что меня арестовали! Как же я могу пойти в банк, раз я арестован?

– Вот оно что! – сказал инспектор уже от дверей. – Значит, вы меня не поняли. Да, конечно, вы арестованы, но это не должно помешать выполнению ваших обязанностей. И вообще вам это не должно помешать вести обычную жизнь.

– Ну, тогда этот арест вовсе не так уж страшен, – сказал К. и подошел вплотную к инспектору.

– А я иначе и не думал, – сказал тот.

– Тогда и сообщать об аресте, пожалуй, не стоило, – сказал К. и подошел совсем вплотную.

Вряд ли так могло бы быть в реальной действительности. Если человека арестовывают, ему, как правило, не разрешается заниматься ни своими служебными, ни, как мы позже увидим, другими обычными делами. Этот странный порядок символически характеризует деградацию К., показывая, что его арест, в смысле остановки развития, на самом деле не мог каким-то образом отразиться на выполнении им своих обязанностей. В человеческом смысле он был почти мертв, но он мог продолжать вести жизнь банковского служащего точно так же, как прежде, ибо эта деятельность не имела никакого отношения к его человеческому существованию.

К. смутно осознавал, что его жизнь проходит впустую и что он быстро деградирует. И потом, на протяжении всего романа, мы видим, что он предпринимает, чтобы защититься и спастись. Финал был трагическим; хотя он слышал свой внутренний голос, он не понимал его. Вместо того чтобы попытаться понять истинную причину ареста, он стремится уйти от подсказок внутреннего голоса. Вместо того чтобы помочь себе так, как только он мог себе помочь, поняв истину и попробовав измениться, он искал помощи там, откуда ее не могло быть, – помощи извне, от других: от знающих адвокатов, от женщин, пользуясь их «связями»; он доказывает свою невиновность и пытается заглушить внутренний голос, подсказывающий ему, что он виновен. Если бы он не был настолько морально незрелым, он, может быть, и смог бы

фромм Эрих Забытый язык filosoff.org
найти выход. Но ему был ведом лишь один вид законов этики: сильная власть с ее единственным требованием: «Подчинись!» Ему было присуще лишь «авторитарное сознание», для которого величайшая добродетель – послушание и величайшее преступление – непокорность. Вряд ли К. подозревал о существовании другого типа сознания – гуманистического, истинно человеческого, которое есть наш собственный внутренний голос, зовущий нас вернуться к самим себе[84].

В романе оба типа сознания представлены в символах: гуманистическое сознание представлено в образе инспектора и позднее – священника; авторитарное сознание – это суд, судьи, помощники судей, жулики-адвокаты и все прочие, связанные с этим делом. Трагическая ошибка К. состояла в том, что, слыша голос своего истинно человеческого сознания, он принимал его за голос авторитарного сознания и защищался от обвиняющих его представителей авторитаризма, отчасти подчиняясь, отчасти бунтуя, в то время как ему нужно было бороться за себя, за свою человеческую сущность.

«Суд» здесь – это деспотизм, коррупция и грязь; судебная процедура не опирается ни на разум, ни на справедливость. Символ этой коррупции – «своды законов», которыми пользовались в суде. Это были старые потрепанные книги (их показывала К. жена одного из служителей суда), с загнутыми страницами, «переплет на одной из них был почти полностью переломлен, и обе половинки держались на ниточке».

«Какая тут везде грязь!» – сказал К., покачав головой, и женщине пришлось смахнуть пыль фартуком хотя бы сверху, прежде чем К. мог взяться за книгу. Он открыл книгу, лежавшую сверху, и увидел неприличную картинку. Мужчина и женщина сидели в чем мать родила на диване, и хотя непристойный замысел художника легко угадывался, его неумение было настолько явным, что, собственно говоря, ничего, кроме фигур мужчины и женщины, видно не было. Они грубо мозолили глаза, сидели неестественно и прямо, и из-за неправильной перспективы даже не могли бы повернуться друг к другу. К. не стал перелистывать эту книгу и открыл титульный лист второй книжки. Это был роман под заглавием «Какие мучения терпела Грета от своего мужа Ганса».

– Так вот какие юридические книги здесь изучают! – сказал К. – И эти люди собираются меня судить!

Еще одним проявлением коррупции был тот факт, что эту женщину, жену служителя суда, использовали для утех следователь и студент-правовед, и ни она, ни ее муж не могли этому воспротивиться. В отношении К. к суду и в его глубоком сочувствии к служителю, который «бросил на К. доверчивый взгляд, чего раньше, несмотря на всю свою приветливость, не делал, и добавил: „Все бунтуют, ничего не попишешь“, есть элемент протеста. Но протест у К. сочетается с покорностью. Ему никогда не приходило в голову, что закон нравственности не в авторитарном суде, а в нем самом.

Все же было бы не совсем верно утверждать, что эта идея никогда не приходила ему в голову. Однажды, когда дело уже шло к концу, он был, как никогда, близок к истине. Он услышал голос истинно человеческого сознания. Голос этот исходил от священника. К. пошел в собор, чтобы встретиться там с приезжим итальянцем, своим коллегой, чтобы показать ему город, но итальянец не пришел к назначенному часу, и К. оказался один в соборе. Он чувствовал себя слегка потерянным и был озадачен поведением священника, который, похоже, собирался читать проповедь в пустом соборе. И тут он услышал, как священник позвал его по имени. Голос был мощный, призыв прозвучал отчетливо, уйти от него было некуда:

– Йозеф К.!

К. остановился, вперив глаза в землю. Пока еще он был на свободе, он мог идти дальше и выскользнуть через одну из трех темных деревянных дверей – они были совсем близко. Можно сделать вид, что он ничего не разобрал, а если и разобрал, то не желает обращать внимание. Но стоило ему обернуться, и он попался: значит, он отлично понял, что оклик относится к нему, и сам идет на зов. Если бы священник позвал еще раз, К. непременно ушел бы, но, сколько он ни ждал, все было тихо, и тут он немного повернул голову: ему хотелось взглянуть, что делает священник. А тот, как прежде, спокойно стоял на кафедре, но было видно, что он заметил движение К.

Это было бы просто детской игрой в прятки, если бы К. тут не обернулся окончательно, но он обернулся, и священник тотчас поманил его пальцем к себе. Все пошло в открытую, и К., отчасти из любопытства, отчасти из желания не затягивать дело, быстрыми, размашистыми шагами подбежал к кафедре: у первого ряда скамей он остановился, но священнику это расстояние показалось слишком большим, он протянул руку и резко ткнул указательным пальцем вниз, прямо перед собой, у подножия кафедры. К. подошел так близко, что ему пришлось откинуть голову, чтобы видеть священника.

– Ты Йозеф К.! – сказал священник и как-то неопределенно повел рукой, лежащей на балюстраде.

– Да, – сказал К. и подумал, как легко и открыто он раньше называл свое имя, а вот с некоторого времени оно стало ему в тягость, теперь его имя уже заранее знали многие люди, с которыми он встречался впервые, а как приятно было раньше: сначала представиться и только после этого завязать знакомство.

– Ты – обвиняемый, – сказал священник совсем тихо.

– Да, – сказал К. – Мне об этом дали знать.

– Значит, ты тот, кого я ищу, – сказал священник. – Я капеллан тюрьмы.

– Вот оно что, – сказал К.

– Я велел позвать тебя сюда, – сказал священник, – чтобы поговорить с тобой.

– Я этого не знал, – сказал К., – и пришел я сюда показать собор одному итальянцу.

– Оставь эти посторонние мысли, – сказал священник. – Что у тебя в руках, молитвенник?

– Нет, – сказал К., – это альбом местных достопримечательностей.

– Положи его! – сказал священник, и К. швырнул альбом так резко, что он раскрылся и пролетел по полу с измятыми страницами. – Знаешь ли ты, что с твоим процессом дело обстоит плохо? – спросил священник.

– Да, мне тоже так кажется, – сказал К. – Я прилагал все усилия, но пока что без всякого успеха. Правда, ходатайство еще не готово.

– А как ты себе представляешь конец? – спросил священник.

– Сначала я думал, что все кончится хорошо, – сказал К., – а теперь и сам иногда сомневаюсь. Не знаю, чем это кончится. А ты знаешь?

– Нет, – сказал священник, – но боюсь, что кончится плохо. Считают, что ты виновен. Может быть, твой процесс и не выйдет за пределы низших судебных инстанций. Во всяком случае, покамест считается, что твоя вина доказана.

– Но ведь я невиновен. Это ошибка. И как человек может считаться виновным вообще? А мы тут все люди, что я, что другой.

– Правильно, – сказал священник, – но виновные всегда так говорят.

– А ты тоже предубежден против меня? – спросил К.

– Никакого предубеждения у меня нет, – сказал священник.

– Благодарю тебя за это, – сказал К. – А вот остальные, те, кто участвует в процессе, все предубеждены. Они влияют и на неучаствующих. Мое положение все ухудшается.

– У тебя неверное представление о сущности дела, – сказал священник. – Приговор не выносится сразу, но разбирательство постепенно переходит в приговор.

– Вот оно как, – сказал К. и низко опустил голову.

– Что же ты намерен предпринять дальше по своему делу? – спросил священник.

– Буду и дальше искать помощи, – сказал К. и поднял голову, чтобы посмотреть, как к этому отнесется священник. – Наверно, есть неисчислимы возможности, которыми я еще не воспользовался.

– Ты слишком много ищешь помощи у других, – неодобрительно сказал священник, – особенно у женщин. Неужели ты не замечаешь, что помощь эта ненастоящая?

– В некоторых случаях, и даже довольно часто, я мог бы с тобой согласиться, – сказал К., – но далеко не всегда. У женщин огромная власть. Если бы я мог повлиять на некоторых знакомых мне женщин и они сообща поработали бы в мою пользу, я многого бы добился. Особенно в этом суде – ведь там сплошь одни юбочники. Покажи следователю женщину хоть издали, и он готов перескочить через стол и через обвиняемого, лишь бы успеть ее догнать.

Священник низко наклонил голову к балюстраде. Казалось, только сейчас свод кафедры стал давить его. И что за скверная погода на улице! Там уже был не пасмурный день, там наступила глубокая ночь. Витражи огромных окон ни одним проблеском не освещали темную стену. А тут еще служка стал тушить свечи на главном алтаре одну за другой.

– Ты рассердился на меня? – спросил К. священника. – Видно, ты сам не знаешь, какому правосудию служишь.

Ответа не было.

– Конечно, я знаю только то, что меня касается, – продолжал К.

И вдруг священник закричал сверху:

– Неужели ты за два шага уже ничего не видишь?

Окрик прозвучал гневно, но это был голос человека, который видит, как другой падает, и нечаянно, против воли, подымает крик, оттого что и сам испугался.

Священник знал, в чем в действительности обвиняется К., и знал также, что его дело кончилось плохо. Здесь у К. была возможность заглянуть в себя и спросить, в чем же его на самом деле обвиняют, но в соответствии со своей прежней установкой он был заинтересован лишь в том, чтобы выяснить, кто еще

мог бы ему помочь. Услышав неодобрительные слова священника о том, что он слишком много ищет помощи на стороне, К. лишь испугался, что тот рассердился на него. Тут священник в самом деле рассердился, но это был гнев любящего человека, который видит еще одно грехопадение и знает, что падшему нельзя помочь, что помочь себе может лишь он сам. Едва ли священник мог сказать ему больше, чем сказал. Когда К. предположил, что они находятся недалеко от выхода, священник спросил:

– Разве ты уже хочешь уйти?

И хотя К. за минуту до того не думал об уходе, он сразу ответил:

– Конечно, мне необходимо уйти. Я служу прокуристом в банке, меня ждут, я пришел сюда, только чтобы показать собор одному деловому знакомому, иностранцу.

– Ну что ж, – ответил священник и подал К. руку, – тогда иди.

– Да мне в темноте одному не выбраться, – сказал К.

Случай К. в самом деле представлял собой трагическую дилемму человека, который не может найти до рогу в темноте без посторонней помощи и требует, чтобы его вывели другие. Он искал помощи, но отверг то единственное, чем мог помочь ему священник. Он не смог понять священника, находясь в плену своей установки. Он спросил:

– Тебе больше ничего от меня не нужно?

– Нет, – сказал священник.

– Но ты был так добр ко мне сначала, – сказал К., – все объяснил мне, а теперь отпускаешь меня, будто тебе до меня дела нет.

– Но ведь тебе нужно уйти? – сказал священник.

– Да, конечно, – сказал К. – Ты должен понять меня.

– Сначала ты должен понять, кто я такой, – сказал священник.

– Ты тюремный капеллан, – сказал К. и снова подошел к священнику; ему вовсе не надо было так срочно возвращаться в банк, как он это изобразил, он вполне мог еще побыть тут.

– Значит, я тоже служу суду, – сказал священник. – Почему же мне должно быть что-то нужно от тебя? Суду ничего от тебя не нужно. Суд принимает тебя, когда ты приходишь, и отпускает, когда ты уходишь.

Из слов священника очевидно, что он противостоит авторитаризму. Он хотел помочь К. из любви к ближнему, но при этом он не мог сам непосредственно участвовать в спасении. Это была, по мнению священника, проблема исключительно самого К. Если он отказывается видеть, пусть остается слепым – ибо никто, кроме самого человека, не сможет увидеть истину о себе.

В романе есть одна неясность: нигде не говорится, что закон нравственности, который представляет священник, и закон, который представляет суд, – это не одно и то же. Напротив, в явном содержании романа священник, будучи тюремным капелланом, является частью судебной системы. Но эта неясность в повествовании символически отражает неясность в душе самого К. Для него суд и священник – одно и то же, и именно из-за того, что он не в состоянии их различить, он остается в плену конфликта с авторитаризмом и не может себя понять.

Прошел год с тех пор, как К. впервые сообщили, что он арестован. Был вечер накануне того дня, когда ему должно было исполниться 31 год, и дело его было проиграно. Пришли два господина, чтобы вести его на казнь. Несмотря на невероятные усилия, ему так и не удалось задать правильный вопрос. Он так и не выяснил, в чем его обвиняют, кто его обвиняет и каким образом он мог бы спастись.

Роман, как и многие сновидения, заканчивается страшным кошмаром. Но пока палачи исполняли гротескный ритуал подготовки к казни, К. впервые понял, в чем была суть его проблемы:

Всегда мне хотелось хватать жизнь в двадцать рук, но далеко не всегда с похвальной целью. И это было неправильно. Неужто и сейчас я покажу, что даже процесс, длившийся целый год, ничему меня не научил? Неужто я так и уйду тупым упрямым? Неужто про меня потом скажут, что в начале процесса я стремился его окончить, а теперь, в конце, – начать сначала? Нет, не желаю, чтобы так говорили!

К. впервые осознал всю скудость и бесполезность своей жизни. Впервые он смог разглядеть возможность дружбы и людского братства:

Взгляд его упал на верхний этаж дома, примыкавшего к каменоломне. И как вспыхивает свет, так вдруг распахнулось окно там, наверху, и человек, казавшийся издали, в высоте, слабым и тонким, порывисто наклонился далеко вперед и протянул руки еще дальше. Кто это был? Друг? Просто добрый человек? Сочувствовал ли он? Хотел ли он помочь? Был ли он одинок? Или за ним стояли все? Может быть, все хотели помочь? Может быть, забыты еще какие-нибудь аргументы? Несомненно, такие аргументы существовали, и хотя логика непоколебима, но против человека, который хочет жить, и она устоять не может. Где судья, которого он ни разу не видел? Где высокий суд, куда он

Фромм Эрих Забытый язык filosoff.org

так и не попал? К. поднял руки и развел ладони.

Всю жизнь К. пытался найти ответы, вернее, получить ответы от других, а теперь он сам задавал вопросы, и правильные вопросы. Только перед смертью благодаря страху он смог увидеть, что бывает на свете любовь и дружба, и как это ни парадоксально, в тот момент, когда он умирал, он впервые поверил в жизнь.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!